

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Артур Конан Дойл

рассказы о ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

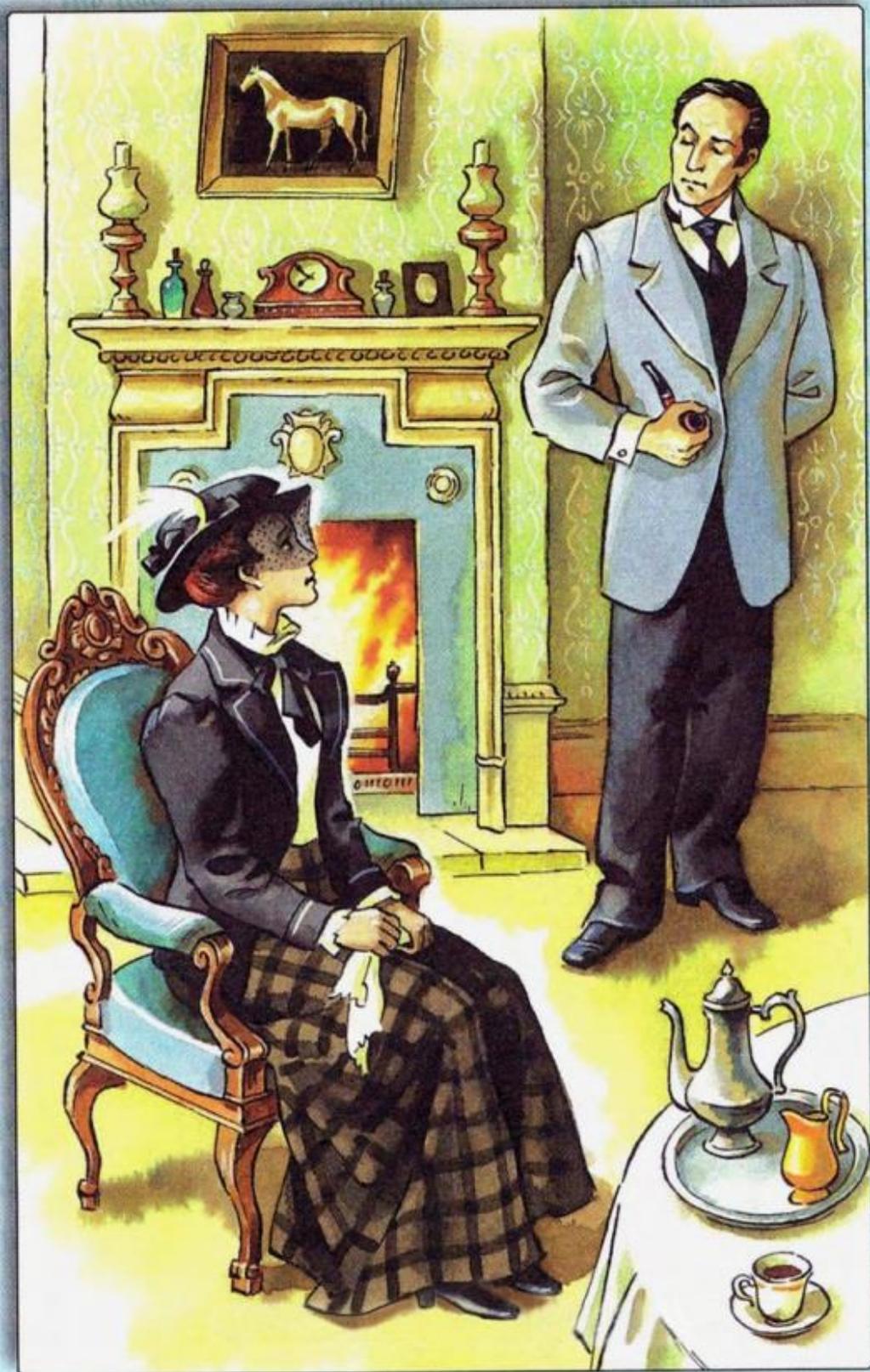
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Артур Конан Дойл

РАССКАЗЫ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Художник
Ольга Подвилова

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса – а таких записей у меня больше семидесяти, – я нахожу в них немало трагического, кое-что забавное, кое-что странное, но нет ни в одной из них ничего заурядного. Работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обычных, банальных дел; его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело Ройлотта. Мы с Холмсом, два холостяка, жили тогда вместе на Бейкер-стрит. Вероятно, я бы и раньше опубликовал свои записи, но я дал слово держать это дело в тайне и освободился от своего слова лишь месяц назад, после безвременной кончины той женщины, которой оно было дано. Пожалуй, будет бесполезно представить это дело в истинном свете, потому что молва приписывала смерть доктора Гримсби Ройлотта еще более ужасным обстоятельствам, чем те, которые были в действительности.

Проснувшись в одно апрельское утро 1888 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно.

– Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон, – сказал он. – Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она – меня, а я – вас.

– Что же там такое? Пожар?

– Нет, клиентка. Какая-то девушка, ужасно взволнованная, приехала и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. А уж если молодые дамы ре-

шаются в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постелей незнакомых людей, я полагаю, что они хотят сообщить какие-то очень важные факты. Дело может оказаться интересным, и вам будет неприятно, если вы не услышите этой истории с самого первого слова.

– Буду счастлив услышать ее.

Я не знал большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью. Порою казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся и через несколько минут был готов. Мы вошли в гостиную. Дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

– Доброе утро, сударыня, – сказал Холмс приветливо. – Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага, я вижу: миссис Хадсон догадалась затопить камин. Это хорошо, так как вы очень продрогли. Подсаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

– Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс, – тихо сказала женщина, подсаживаясь к камину.

– А что же?

– Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у нее бледное, искаженное ужасом лицо. В ее остановившихся глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина.

Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым всепонимающим взглядом.

– Вам нечего бояться, – сказал он, ласково погладив ее

по руке. – Я уверен, что нам удастся устранить от вас все неприятности... Вы приехали утренним поездом.

– Разве вы меня знаете?

– Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама сильно вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

– Здесь нет никакого чуда, сударыня, – сказал он улыбаясь. – Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах обрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

– Все так и было, – сказала она. – Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Лэтерхэде и с первым поездом приехала в Лондон, на станцию Ватерлоо... Сэр, я не могу больше вынести этого, я сойду с ума! Я умру!.. У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть, впрочем, один человек, который принимает во мне большое участие, но чем он может мне помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы так помогли в минуту ее тяжелого горя. Она дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но месяца через два я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к конторке, открыл ее, достал оттуда записную книжку.

– Фаринтош... – сказал он. – Ах да, я вспоминаю этот случай. По-моему, это было еще до нашего знакомства, Уотсон. Дело шло о диадеме из опалов. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнести к вашему делу с

таким же усердием, с каким отнесся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы, и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам все подробности вашего дела.

– Увы! – ответила девушка. – Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределенны и смутны, подозрения основываются на таких мелочах, что даже тот, к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но я читаю это в его успокоительных словах и уклончивых взорах. Я слышала, мистер Холмс, что вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца, и вы можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

– Я весь внимание, сударыня.

– Меня зовут Эллен Стонер. Я живу в доме моего отца, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии.

Холмс кивнул головой.

– Мне знакомо это имя, – сказал он.

– Было время, когда семья Ройлоттов была одной из самых богатых в Англии. На севере Ройлотты владели поместьями в Беркшире, а на западе – в Гемпшире. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали свое состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью во времена регентства. От прежнего поместья остались лишь несколько акров земли да старинный дом, построенный лет двести назад. Впрочем, дом уже давно заложен.

Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособ-

соблаяться к новому положению вещей, взял займы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража. Кража эта так возмутила Ройлотта, что в припадке бешенства он избил до смерти туземца-дворецкого, который служил у него. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стонер, молодой вдове генерал-майора бенгальской¹ артиллерии. Мы были близнецы – я и моя сестра Джулия. Когда мать наша выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов дохода в год. По ее завещанию, всем этим доходом должен был пользоваться доктор Ройлотт, но только до тех пор, пока мы живем в его доме. Если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода.

Вскоре после нашего возвращения в Англию моя мать умерла – она погибла восемь лет назад при железнодорожной катастрофе. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне, чтобы наладить там медицинскую практику, и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Морене. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять все наши желания, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вместо того чтобы подружиться с соседями, которые вна-

¹ Бенгалия – область в Индии.

чале радовались, увидев, что Ройлотт из Сток-Морена вернулся в старое родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко выходил из дому, да и то лишь затем, чтобы затеять безобразную ссору с первым же человеком, который встретится ему на пути.

Бешеная вспыльчивость, доходящая до исступления, передавалась по мужской линии всем представителям этого рода, а у моего отчима она, вероятно, еще более усилилась благодаря долгому пребыванию в тропиках.

Много было у него яростных столкновений с соседями. Два раза дело кончалось полицейским участком. Он сделался грозой всего селения... Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и так как он в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в разные стороны.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и чтобы откупиться от публичного скандала, мне пришлось отдать все деньги, какие я могла собрать. Единственные друзья его – кочующие цыгане. Этим бродягам он позволяет раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем все его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают пантера и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Слуги не хотели жить у нас, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

– Ваша сестра умерла?

– Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при та-

ком образе жизни у нас было мало возможностей встречаться с людьми нашего возраста и нашего круга. У нас есть незамужняя тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, которая живет близ Хэрроу, и к ней время от времени нас отпускали погостить. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее рождество. Там она встретила с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня моей единственной подруги...

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на диванную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

– Прошу вас рассказать все возможно точнее, не пропуская ни одной подробности, – сказал он.

– Мне легко быть точной, потому что все события этого ужасного времени глубоко врезались в мою память... Как я уже говорила, помещичий дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей – я. Между спальнями нет сообщения, все они выходят в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

– О да, очень ясно.

– Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он не лег, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Запах этот заставил сестру покинуть свою комнату и перейти в мою, где мы просидели некоторое время, болтая о ее предстоящем замужестве.

В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Эллен, не кажется ли тебе по ночам, будто кто-то свистит?»

«Нет», – сказала я.

«И ты уверена, что тебе не случилось свистеть во время сна?»

«Конечно, не случилось. Но почему ты спрашиваешь об этом?»

«В последние ночи, часов около трех, мне ясно слышится тихий отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Я не могу понять, откуда он доносится, – быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слышала ли ты его».

«Нет, не слышала. Может, свистят цыгане?»

«Очень возможно. Однако если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, все это пустяки», – улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щелкнул ключ в ее двери.

– Вот как! – сказал Холмс. – Вы на ночь всегда запирались на ключ?

– Всегда.

– А почему?

– Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили пантера и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

– Понимаю. Прошу продолжать.

– Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Была жуткая ночь: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль ужаса. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, о котором мне рассказыва-

ла сестра, а затем что-то звякнуло, словно упал на землю тяжелый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь приоткрыта. Я остановилась, пораженная ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с белым от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Подбежав к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени ее подогнулись и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, а руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнала, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула... О, я никогда не забуду ее страшного голоса!

«Боже мой, Эллен! – кричала она. – Пестрая банда!»

Она пыталась еще что-то сказать, указала пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова.

Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он вбежал к ней в комнату. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры...

– Позвольте спросить, – сказал Холмс, – вы уверены, что слышали свист и металлический лязг? Могли бы вы показать это под присягой?

– Об этом спрашивал меня следователь на допросе. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение завывания бури и потрескивания старого дома.

– Ваша сестра была одета?

– Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

*«Боже мой, Элен! — кричала Джулия. — Пестрая банда!»
Она пыталась еще что-то сказать, указала пальцем в сторону
комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова.*

– Это доказывает, что она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

– Он тщательно изучил все это дело, потому что буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Исследование полов тоже не дало результатов. Печная труба широка, в ней целых четыре вьюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

– А как насчет яда?

– Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

– Что же, по-вашему, было причиной смерти?

– Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог ее так напугать.

– А цыгане были в то время в усадьбе?

– Да, цыгане почти всегда живут у нас.

– А что, по-вашему, могли означать ее слова о банде, о пестрой банде?

– Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда я думала, что они относятся к какой-то банде людей – может быть, к банде цыган. Но почему эта банда пестрая? Возможно, что платки с крапинками, которые многие цыганки носят на голове, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, такое объяснение не удовлетворяло его.

– Это дело темное, – сказал он. – Прошу вас, продолжайте.

– С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знала много лет, сделал мне предложение. Его зовут Эрмитедж, Пэрси Эрмитедж, он второй сын мистера Эрмитеджа из Крэнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и весной мы должны были обвенчаться.

Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Лечь в постель я не могла – я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Лэтерхэд, а оттуда сюда – с одной только мыслью повидать вас и просить у вас совета.

– Вы очень умно поступили, – сказал мой друг. – Но все ли вы рассказали мне?

– Да, все.

– Нет, не все, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

– Я не понимаю вас...

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку рукава нашей посетительницы. Пять багровых пятнышек – следы пяти пальцев – ясно виднелись на белом запястье.

– С вами обошлись очень жестоко, – сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

– Отчим суровый человек, – сказала она. – Он очень силен и, возможно, сам не сознает своей силы.

Наступило долгое молчание, во время которого Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

– Это очень сложное дело, – сказал он наконец. – Мне хотелось бы выяснить еще тысячи подробностей, прежде чем решить, как надо действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морен, удалось бы нам осмотреть эти комнаты так, чтобы ваш отчим ничего не узнал?

– Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то очень важным делам. Возможно, что он будет отсутствовать весь день, и тогда никто вам не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить ее.

– Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

– Ровно ничего.

– Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

– У меня есть кое-какие дела, которые мне хотелось бы сделать здесь, в городе. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

– Ждите нас вскоре после полудня. У меня тоже здесь есть кое-какие дела. Может быть, вы останетесь и позавтракаете с нами?

– Нет, мне надо идти! У меня камень свалился с души, когда я рассказала вам о своем горе. Я буду рада снова увидеться с вами.

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

– Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? – спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

– По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

– Достаточно грязное и достаточно темное.

– Но если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в той комнате крепки, что через двери, окна и печную трубу невозможно туда проникнуть, ее сестра в минуту своей таинственной смерти находилась в полном одиночестве.

– В таком случае, что означают эти ночные свисты и в высшей степени странные слова умирающей?

– Представить себе не могу.

– Если сопоставить все факты вместе: ночные свисты, банду цыган, с которой у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то банду и, наконец, тот факт, что мисс Эллен Стокер слышала какой-то металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, – я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам пролить свет на это таинственное происшествие.

– Что же, по-вашему, делали здесь цыгане?

– Не знаю... Не могу сообразить.

– У меня множество возражений против вашей гипотезы.

– У меня тоже, и потому мы сегодня же едем в Сток-Морен. Я хочу проверить все на месте... Но, черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Одет он был не то как врач, не то как помещик. Его костюм представлял собою странную смесь: черный цилиндр, длинный сюртук, высокие гетры и охотничий хлыст. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискался в эту дверь. Его толстое, желтое от загара лицо было перерезано тысячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий,

костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд с Шерлока Холмса на меня и обратно.

– Который из вас Холмс? – промолвил наконец посетитель.

– Это мое имя, сэр, – спокойно ответил мой друг. – Теперь вы имеете предо мной преимущество, так как ваша фамилия мне неизвестна.

– Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морена.

– Садитесь, пожалуйста, доктор, – любезно сказал Шерлок Холмс.

– Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

– Холодная у нас нынче весна! – сказал Холмс.

– Что она говорила вам? – злобно закричал старик.

– Но я слышал, что крокусы будут отлично цвести, – невозмутимо продолжал мой приятель.

– Ага, вы хотите отделаться от меня! – сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом. – Знаю я вас: вы подлец! Я уже слышал про вас. Вы любите соваться в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

– Вы проныра!

Холмс улыбнулся еще шире.

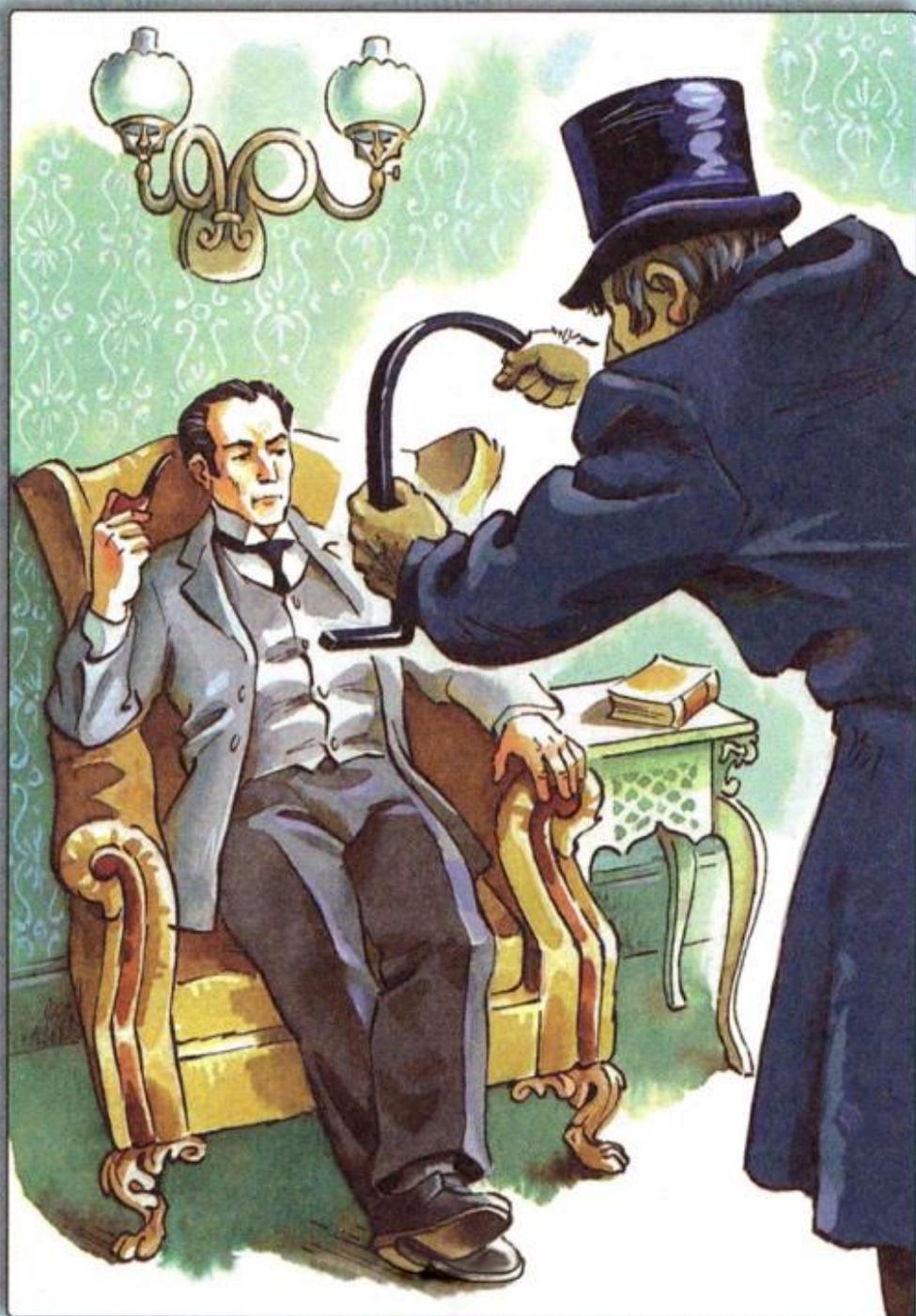
– Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

– Вы удивительно приятный собеседник, – сказал он. – Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

– Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стонер была здесь, я выследил ее! Горе тому, кто станет у меня на пути! Смотрите!

Он быстро подошел, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

— Горе тому, кто станет у меня на пути! Смотрите!
Ройлотт взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми
руками.
— Постарайтесь не попадаться мне в лапы!

– Постарайтесь не попадаться мне в лапы! – прорычал он, швырнул искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

– Какой любезный господин! – смеясь, сказал Холмс. – Я не такой великан, но если бы он не ушел, мне пришлось бы показать ему, что я едва ли слабее его.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

– Какая наглость смешивать меня с полицейскими! Благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь, что наша приятельница не страдает оттого, что так необдуманно позволила этой скотине проследить за собой. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

– Я видел завещание покойной жены доктора, – сказал он. – Чтобы точнее разобраться в нем, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых помещено состояние покойной. В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу сто фунтов стерлингов, но с тех пор, в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. При выходе замуж каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей... Я не напрасно потратил все утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма важные основания препятствовать замужеству падчериц. Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты,

тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кэб и ехать на вокзал. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер.

Револьвер – превосходный аргумент для джентльмена, который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка – вот и все, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть в вагон. Приехав в Лэтерхэд, мы в гостинице возле станции взяли тарантас и проехали миль пять живописными дорогами Сэрри. Был чудный солнечный день, и лишь несколько перистых облаков плыло по небу. На деревьях и на живой изгороди возле дорог только что распустились зеленые почки, и воздух был напоен восхитительным запахом влажной земли.

Станным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда! Мой приятель сидел скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал мне на луга куда-то вдаль.

– Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма; из-за веток виднелись очертания крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

– Сток-Морен? – спросил Шерлок Холмс.

– Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотта, – ответил возница.

– Там сбоку есть постройка, – сказал Холмс. – Нам нужно попасть туда.

– Мы едем к деревне, – сказал возница, указывая на крыши, видневшиеся в некотором отдалении слева. – Но если вы хотите скорей попасть к дому, ближе всего вам будет перелезть здесь через забор, а потом пройти полями по тропинке. По той тропинке, где идет эта леди.

– А эта леди – как будто мисс Стонер, – сказал Холмс, заслоняя глаза от солнца. – Да, мы пойдем по тропинке.

Мы вышли из тарантаса, расплатились, и экипаж пока- тил обратно в Лэтерхэд.

– Пусть этот малый думает, что мы архитекторы, – ска- зал Холмс, – тогда наш приезд не вызовет особых толков. Добрый день, мисс Стонер! Видите, как точно мы сдержали свое слово!

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам навстречу.

– Я с таким нетерпением ждала вас! – воскликнула она, горячо пожимая нам руки. – Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

– Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, – сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что про- изошло.

Мисс Стонер побледнела.

– Боже мой! – воскликнула она. – Значит, он шел за мной следом!

– Похоже на то.

– Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в без- опасности. Что скажет он, когда возвратится?

– Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. Вы должны на ночь запереться от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Хэрроу... Ну, а теперь нам нужно как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Дом был построен из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростертых, словно клещи у краба, по обеим сторонам высокого цен- трального здания. В одном из этих крыльев окна были вы- биты и заколочены досками; крыша местами провалилась.

Центральная часть казалась почти столь же разрушенной. Зато правое крыло было сравнительно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что семья живет именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, с глубоким вниманием изучая внешний вид окон.

– Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно – из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию, – из комнаты доктора Ройлотта...

– Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

– Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

– Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

– Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трех комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

– Да, но очень маленькие. Такие узкие, что в них невозможно пролезть.

– Так как вы обе запирались на ключ, то с той стороны пробраться в ваши комнаты было никак нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стонер исполнила его просьбу. Холмс употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щелки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. Он при помощи лупы осмотрел петли, но они были из твердого железа и крепко вделаны в массивную стену.

– Гм! – проговорил он, в раздумье почесывая подбородок. – Моя первоначальная гипотеза не подтверждается

фактами. Никто не может влезть в эти окна, когда ставни закрыты... Ладно, посмотрим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверца вела в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех трех спален. Холмс не счел нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стонер и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комната с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный стол. Убранство комнаты довершали два стула да плетеный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями дуба, такие древние, что, казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг всей комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

— Куда проведен этот звонок? — спросил он наконец, указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала почти на подушке.

— Он проведен в комнату прислуги.

— Он как будто новее всех прочих вещей.

— Да, он проведен всего два-три года назад.

— Вероятно, ваша сестра просила об этом?

— Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда все делали сами.

— Действительно, здесь это лишняя роскошь. Вы меня извините, я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, внимательно исследуя каждую трещину в половицах. Так же тщательно он осмотрел и панели на сте-

нах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю стену. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

– Да ведь это поддельный звонок! – сказал он.

– Он не звонит?

– Он даже не соединен с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.

– Как странно! Я и не заметила этого.

– Очень странно... – бормотал Холмс, дергая шнур. – В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безумным строителем, чтобы вывести вентилятор в соседнюю комнату, когда его с такой же легкостью можно было вывести наружу!

– Все это сделано тоже очень недавно, – сказала Эллен.

– Сделано примерно в одно время со звонком, – заметил Холмс.

– Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

– Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стонер, мы перенесем наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримсби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф – вот те предметы, которые бросились нам в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, исследуя каждую вещь с живейшим интересом.

– Что здесь? – спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

– Деловые бумаги.

– Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?

– Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была куча бумаг.

– А нет ли в нем, например, кошки?

– Нет. Что за странная мысль!

– А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдо с молоком.

– Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть пантера и павиан.

– Пантера, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдо может удовлетворить ее жажду. В этом кроется как раз то, что хотел бы я выяснить.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать его сиденье.

– Благодарю вас, все ясно, – сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. – Ага, вот нечто весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая плеть для собаки, висевшая в углу кровати. На ее конце была петля.

– Что вы об этом думаете, Уотсон?

– По-моему, самая обыкновенная плеть. Не понимаю, для чего понадобилось свертывать ее в петлю.

– Не такая уж обыкновенная... Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал все, что мне нужно, а теперь, с вашего разрешения, мы выйдем пройтись по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и мрачным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стонер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

– Очень важно, мисс Стонер, чтобы вы в точности следовали моим советам, – сказал он.

– Я исполню все беспрекословно.

– Обстоятельства слишком серьезны, и колебаться

нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

– Я отдаю себя в ваши руки.

– Во-первых, мы оба – мой друг и я – должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стонер и я взглянули на него с изумлением.

– Это необходимо. Я вам все объясню. Что это там, на той стороне? Деревенская гостиница?

– Да, там «Корона».

– Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

– Конечно.

– Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запирайтесь на ключ. Потом, когда вы услышите, что он пошел спать, вы откроете ставни вашего окна, снимете засов и поставите на окно лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Потом, захватив с собой все, что пожелаете, вы пройдете в ту комнату, которую раньше занимали. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

– Безусловно.

– Остальное предоставьте нам.

– Но что же вы собираетесь сделать?

– Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

– Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу, – сказала мисс Стонер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

– Быть может, да.

– Тогда, ради всего святого, скажите мне: отчего умерла моя сестра?

– Я хотел бы собрать более точные улики.

– Тогда скажите мне, по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла от внезапного испуга?

– Нет, неверно: я полагаю, что причина ее смерти была более вещественна... А теперь, мисс Стонер, мы должны

вас покинуть, потому что, если мистер Ройлотт, возвратившись, увидит нас, наша поездка окажется совершенно напрасной. До свиданья! Будьте мужественны, сделайте все, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мыс Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». Номер наш находился в верхнем этаже, и из нашего окна видны были ворота парка и обитаемое крыло стокморенского дома. В сумерках мы видели, как мимо проехал доктор Гримсби Ройлотт; его грузное тело вздымалось горой рядом с тощей фигурой мальчишки, правившего экипажем. Мальчишке не сразу удалось открыть тяжелые ворота, и мы слышали, как хрипло рычал на него доктор, и видели, с какой яростью он потрясал перед ним кулаками. Экипаж миновал ворота, и через несколько минут свет от лампы, зажженной в одной из гостиных, замелькал среди деревьев.

Мы сидели в потемках, не зажигая огня.

– Право, не знаю, – сказал Холмс, – брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то, оказывается, очень опасное.

– Могу ли я быть полезен вам?

– Ваша помощь может оказаться огромной.

– Тогда я непременно пойду.

– Спасибо.

– Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего я не видел.

– Нет, я видел то же самое, но сделал другие выводы.

– Я не заметил в комнате ничего странного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели может служить такой звонок.

– А на вентилятор вы обратили внимание?

– Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

– Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морен.

– Неужели?

– Да, знал. Вы помните, мисс Стонер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигар доктора Ройлотта?

А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе оно было бы замечено следователем при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

– Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

– А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

– Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

– А в кровати вы не заметили ничего особенного?

– Нет.

– Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели прежде, чтобы кровати привинчивали к полу?

– Пожалуй, не видел.

– Леди не могла передвинуть свою кровать, ее кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

– Холмс! – вскричал я. – Кажется, для меня немного проясняется то, что для вас совершенно ясно. Мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утонченное преступление.

– Да, утонченное и ужасное. Когда врач совершает преступления, он ужаснее всех прочих преступников. У него сильные нервы и опасные знания... Этот человек очень хитер, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. Сегодня ночью нам предстоит пережить немало страшного, и потому прошу вас, давайте пока спокойно закурим наши трубки и проведем эти несколько часов, разговаривая о чем-нибудь более веселом.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа

два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий свет за- сиял прямо против нашего окна.

– Это сигнал для нас, – сказал Холмс, вскакивая. – Свет горит в среднем окне.

Выходя, он объяснил хозяину гостиницы, что мы идем в гости к одному знакомому и, возможно, там и переночуем. Через минуту мы вышли на темную дорогу. Свежий ветер дул нам в лицо, и желтый свет, мерцая перед нами во мраке, указывал путь.

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли ее и только собирались лезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного уroda-ребенка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом быстро промчалось через лужайку и скрылось в темноте.

– Боже! – прошептал я. – Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал ее словно тисками. Потом тихо рассмеялся и пробормотал еле слышно:

– Милая семейка! Ведь это павиан.

Я забыл о любимцах доктора. А пантера, которая каждую минуту может оказаться у нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было все как днем. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал:

– Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой.

– Нам придется сидеть без огня. Сквозь вентилятор он может заметить свет.

Я кивнул еще раз.

– Не засните – от этого зависит ваша жизнь. Держите

револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы садитесь на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола.

Холмс принес с собой длинную тонкую трость и положил ее возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи, потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами, в таком же напряженном нервном состоянии, как и я. Ставни не пропускали ни малейшего луча, и мы сидели в абсолютной тьме. Изредка снаружи доносился крик ночной птицы, а раз у самого нашего окна раздался протяжный вой, похожий на кошачье мяуканье: пантера, видимо, в самом деле гуляла на свободе. Слышно было, как вдалеке церковные часы глухо отбивали четверти. Какими долгими они казались нам, каждые пятнадцать минут! Пробило двенадцать, час, два, три, а мы все сидели молча, ожидая чего-то неизбежного.

Внезапно у вентилятора мелькнул луч света. Он сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накалированного металла – кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом все смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. Услыхав этот звук, Холмс сразу вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

– Вы видите ее, Уотсон? – проревел он. – Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет

так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче.

Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Мы в ужасе глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

– Что это значит? – спросил я задыхаясь.

– Это значит, что все кончено, – ответил Холмс. – И, в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдём в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажег лампу и пошел по коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри никто не ответил. Тогда он повернул ручку и вошел в комнату. Я шел за ним следом, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял потайной фонарь, бросая яркий луч света на железный несгораемый шкаф, дверца которого была полуоткрыта. У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись его голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза в потолок; в его взоре застыло страшное, угрюмое выражение. Вокруг его головы обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука.

— Лента! Пестрая лента! — прошептал Холмс.

В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась граненая головка ужасной змеи.

– Лента! Пестрая лента! – прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась граненая головка ужасной змеи.

– Болотная гадюка! – вскричал Холмс. – Самая смертоносная индийская змея! Он умер через десять секунд после укуса. «Поднимающий меч от меча и погибнет». Посадим эту тварь в ее логово, потом отправим мисс Стонер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

При этих словах он быстро взял плеть с колен мертвого, накинул петлю на голову змеи, стащил ее с ее ужасного насеста, понес змею на вытянутой руке к несгораемому шкафу, швырнул туда и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морена. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как с утренним поездом мы препроводили ее на попечение тетки в Хэрроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей – ядовитой змеей. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

– Вначале я пришел к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, – сказал он, – и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, слово «банда²», сказанное несчастной девушкой, – всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я сразу понял свою ошибку, и это может послужить

² В английском языке слово «band» означает и «банда» и «лента».

мне оправданием. Как я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня сразу зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, попал на верный след. Именно такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке, могло прийти в голову употребить яд, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете. Вероятно, давая ей молоко, он приучил ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы ее – если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдо с молоком и плетень, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стонер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипенье змеи, я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

– Вы прогнали ее назад в вентилятор...

– ...и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримсби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

ШЕСТЬ НАПОЛЕОНОВ

Мистер Лестрейд, сыщик из Скотленд-Ярда, нередко навещал нас по вечерам. Шерлоку Холмсу были приятны его посещения. Лестрейд приносил всевозможные полицейские новости, а Холмс в благодарность за это охотно выслушивал подробные рассказы о тех делах, которые были поручены сыщику, и как бы невзначай давал ему советы, черпая их из сокровищницы своего опыта и обширных познаний.

Но в этот вечер Лестрейд говорил только о погоде и о газетных известиях. Потом он вдруг умолк и стал задумчиво сдувать пепел с сигары. Холмс пристально посмотрел на него:

– У вас есть для меня какое-то интересное дело?

– О нет, мистер Холмс, ничего интересного!

– В таком случае, расскажите.

Лестрейд рассмеялся:

– От вас ничего не скроешь, мистер Холмс. У меня действительно есть на примете один случай, но такой пустяковый, что я не хотел утруждать вас. Впрочем, пустяк-то пустяк, однако довольно странный пустяк, а я знаю, что вас особенно тянет ко всему необычному. Хотя, по правде сказать, это дело, скорее всего, должно бы занимать доктора Уотсона, а не нас с вами.

– Болезнь? – спросил я.

– Сумасшествие. И притом довольно странное сума-

существование. Трудно представить себе человека, который, живя в наше время, до такой степени ненавидит Наполеона Первого, что истребляет каждое его изображение, какое попадается на глаза.

Холмс откинулся на спинку кресла:

– Это дело не по моей части.

– Вот-вот, я так и говорил. Впрочем, если человек этот совершает кражу со взломом и если те изображения Наполеона, которые он истребляет, принадлежат не ему, а другим, он из рук доктора попадает опять-таки к нам.

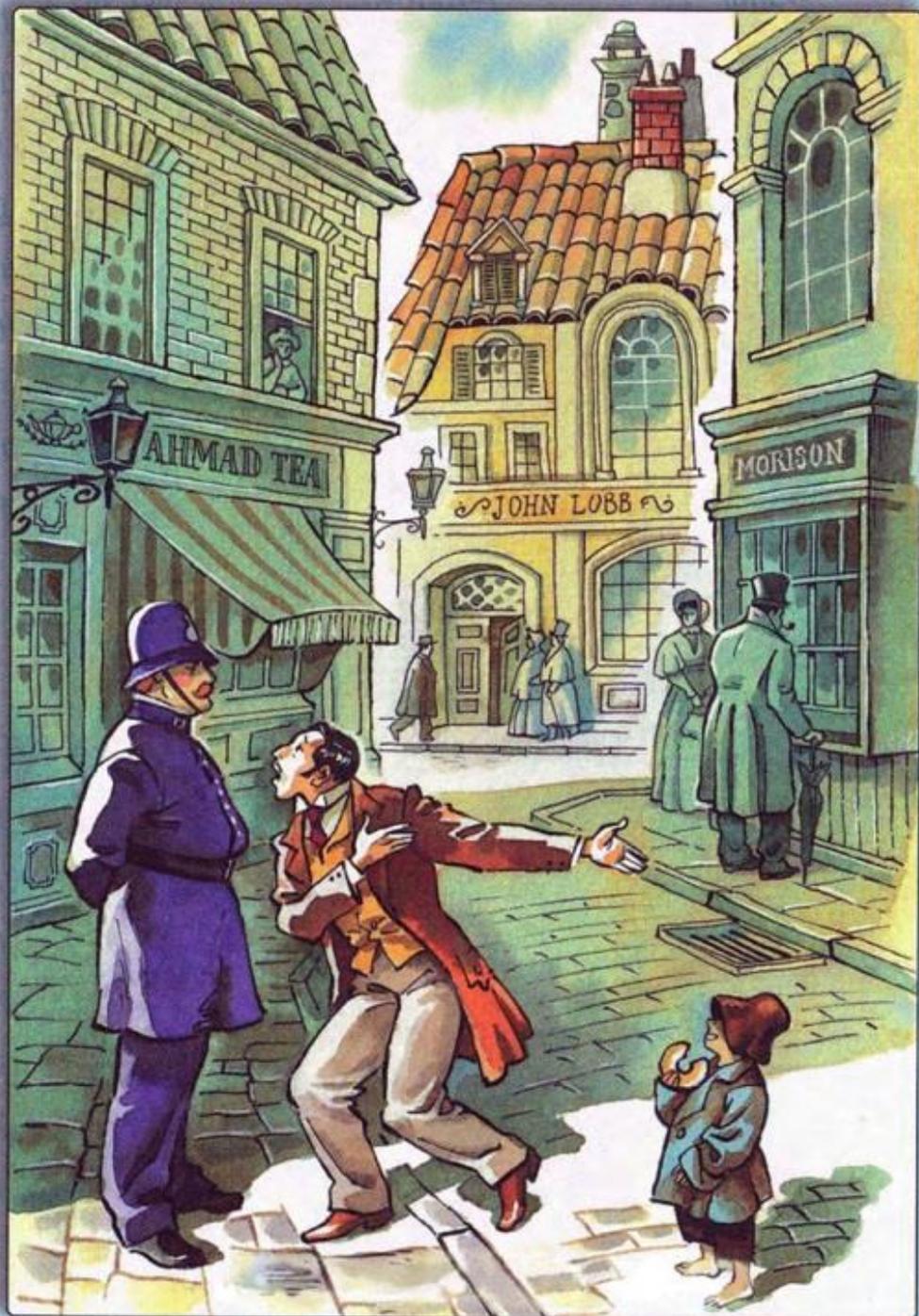
Холмс выпрямился снова:

– Кража со взломом! Это куда любопытнее. Расскажите же мне все до малейшей подробности.

Лестрейд вытащил служебную записную книжку и перелистал ее, чтобы освежить свою память.

– О первом случае нам сообщили четыре дня назад, – сказал он. – Случай этот произошел в лавке Морза Хэдсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-род. Приказчик на минуту вышел из магазина и вдруг услышал какой-то треск. Он поспешил назад и увидел, что гипсовый бюст Наполеона, стоявший на прилавке вместе с другими произведениями искусства, лежит на полу, разбитый вдребезги. Приказчик выскочил на улицу, но хотя многие прохожие утверждали, что видели человека, убежавшего из лавки, приказчику не удалось догнать его. Кажется, это один из тех случаев бессмысленного хулиганства, которые совершаются время от времени... Так об этом и доложили подошедшему констеблю. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело представлялось таким мелким, что не стоило заводить следствие.

Новый случай, однако, оказался более серьезным и притом не менее странным. Он произошел сегодня ночью. На Кеннингтон-род, всего в нескольких сотнях шагов от лавки Морза Хэдсона, живет хорошо известный врач, док-

Гипсовый бюст Наполеона был разбит вдребезги. Казалось, это один из тех случаев бессмысленного хулиганства, которые совершаются время от времени... Так об этом и доложили подошедшему констеблю.

тор Барникот, у которого обширнейшая практика на южном берегу Темзы. Доктор Барникот горячий поклонник Наполеона. Весь его дом битком набит книгами, картинами и реликвиями французского императора. Недавно он приобрел у Морза Хэдсона две одинаковые гипсовые копии знаменитой головы Наполеона, вылепленной французским скульптором Девином. Одну из этих копий он поместил у себя в квартире на Кеннингтон-род, а вторую поставил на камин в хирургической на Лауэр-Брикстон-род. Вернувшись сегодня утром домой, доктор Барникот обнаружил, что ночью его дом подвергся ограблению, но при этом ничего не похищено, кроме гипсового бюста, стоявшего в прихожей. Грабитель вынес бюст из дому и разбил о садовую решетку. Поутру возле решетки была найдена груда осколков.

Холмс потер руки.

– Случай действительно необыкновенный! – сказал он.

– Я был уверен, что вам этот случай понравится. Но я еще не кончил. Доктор Барникот к двенадцати часам приехал к себе в хирургическую, и представьте себе его удивление, когда он обнаружил, что окно хирургической открыто и по всему полу разбросаны осколки второго бюста. Бюст был разбит на самые мелкие части. Мы исследовали оба случая, но нам не удалось выяснить, кто он, этот преступник... или этот безумец, занимающийся такими хищениями. Вот, мистер Холмс, все факты.

– Они оригинальны и даже причудливы, – сказал Холмс. – Мне хотелось бы знать, являлись ли бюсты, разбитые в комнатах доктора Барникота, точными копиями того бюста, который был разбит в лавке Морза Хэдсона?

– Их отливали в одной и той же форме.

– Значит, нельзя утверждать, что человек, разбивший бюсты, действовал под влиянием ненависти к Наполеону. Если принять во внимание, что в Лондоне находится несколько тысяч бюстов, изображающих великого импера-

тора, трудно предположить, что неизвестный фанатик совершенно случайно начал свою деятельность с уничтожения трех копий одного и того же бюста.

– Это и мне приходило в голову, – сказал Лест-рейд. – Что вы об этом думаете, доктор Уотсон?

– Помешательства на одном каком-нибудь пункте безгранично разнообразны, – ответил я. – Существует явление, которое современные психологи называют «навязчивая идея». Идея эта может быть совершенно пустячной, и человек, одержимый ею, может быть здоров во всех других отношениях. Предположим, что этот маньяк слишком много читал о Наполеоне или, скажем, узнал о какой-нибудь обиде, нанесенной его предкам во время наполеоновских войн. У него сложилась «навязчивая идея», и под ее влиянием он оказался способным на самые фантастические выходки.

– Ваша теория нам не подходит, мой милый Уотсон, – сказал Холмс, покачав головой, – ибо никакая «навязчивая идея» не могла бы подсказать вашему занимательному маньяку, где находятся эти бюсты.

– А вы как это объясните?

– Я и не пытаюсь объяснить. Я только вижу, что в эксцентрических поступках этого джентльмена есть какая-то система.

Дальнейшие события произошли быстрее и оказались гораздо трагичнее, чем мы предполагали. На следующее утро, когда я одевался в своей спальне, Холмс постучал ко мне в дверь и вошел, держа в руке телеграмму. Он прочел ее вслух:

«Приезжайте немедленно в Кенсингтон, Питт-стрит, 131. Лестрейд».

– Что это значит? – спросил я.

– Не знаю. Это может значить все что угодно. Но, мне кажется, это продолжение истории с бюстами. Если я не ошибаюсь, из этого следует, что наш друг маньяк перенес

свою деятельность в другую часть Лондона... Кофе на столе, Уотсон, и кэб у дверей.

Через полчаса мы были уже на Питт-стрит – в узеньком переулочке, тянувшемся параллельно одной из самых оживленных лондонских магистралей. Дом 131 оказался почтенным плоскогрудым строением, в котором не было ничего романтического. Когда мы подъехали, перед его садовой решеткой стояла толпа зевак. Холмс свистнул:

– Черт побери, да ведь тут по крайней мере убийство!

Лестрейд вышел нам навстречу с очень угрюмым лицом и провел нас в гостиную, по которой взад и вперед бегал необыкновенно растрепанный пожилой человек во фланелевом халате. Его нам представили. Он оказался хозяином дома, мистером Хорэсом Харкером, газетным работником Центрального синдиката печати.

– История с Наполеонами продолжается, – сказал Лестрейд. – Вчера вечером она заинтересовала вас, мистер Холмс, и я подумал, что вам будет приятно принять участие в ее расследовании, особенно теперь, когда она привела к такому мрачному событию.

– К какому событию?

– К убийству. Мистер Харкер, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам все, что произошло.

Человек в халате повернул к нам свое расстроенное лицо.

– Странная вещь, – сказал он. – Всю жизнь я описывал в газетах события, случавшиеся с другими людьми, а вот когда наконец у меня самого произошло такое большое событие, я до того растерялся, что двух слов не могу написать. Впрочем, ваше имя мне знакомо, мистер Шерлок Холмс, и если вам удастся разъяснить нам это загадочное дело, я буду вознагражден за досадную необходимость снова излагать все происшествие.

Холмс сел и принялся слушать.

– Это убийство связано с бюстом Наполеона, который

я купил месяца четыре назад. Он достался мне по дешевке в магазине братьев Хардинг возле Хайстритского вокзала. Обычно свои статьи я пишу по ночам и часто засиживаюсь за работой до утра. Так было и сегодня. Я сидел в своей норе в самом конце верхнего этажа, как вдруг около трех снизу до меня донесся какой-то шум. Я прислушался, но шум не повторился, и я решил, что шумели на улице. Но минут через пять я внезапно услышал ужасающий вопль — никогда еще, мистер Холмс, не приходилось мне слышать таких страшных звуков. Этот вопль будет звучать у меня в ушах до самой смерти. Минуту или две я просидел неподвижно, оцепенев от страха, потом взял кочергу и пошел вниз. Войдя в эту комнату, я увидел, что окно распахнуто и бюст, стоявший на камине, исчез. Я никак не могу понять, отчего грабитель прельстился этим бюстом. Обыкновеннейший гипсовый слепок, и цена ему грош. Как вы сами видите, человек, который вздумает прыгнуть из этого окна, попадет на ступеньки парадного хода. Так как грабитель, безусловно, удрал именно этим путем, я прошел через прихожую и открыл наружную дверь. Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я пошел и принес лампу. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно. Он будет мне сниться каждую ночь. Я свистнул в свой полицейский свисток и тотчас же потерял сознание. Больше ничего я не помню. Я очнулся в прихожей. Рядом стоял полисмен.

— Кто был убитый? — спросил Холмс.

— Этого определить не удалось, — сказал Лестрейд. — Можете сами осмотреть его в мертвецкой. Мы его уже осматривали, но ничего не узнали. Рослый, загорелый, очень сильный мужчина, еще не достигший тридцати лет. Одет бедно, но на рабочего не похож. Рядом с ним в луже крови валялся складной нож с роговой рукоятью. Не знаю,

принадлежал ли он убитому или убийце. На одежде убитого не было меток, по которым можно было бы догадаться, как его зовут. В кармане нашли яблоко, веревочку, карту Лондона и фотографию. Вот она.

Это был моментальный снимок, сделанный маленьким аппаратом. На нем был изображен молодой человек с резкими чертами лица, с густыми бровями, с сильно развитыми челюстями, выступающими вперед, как у павиана. Вообще в нем было что-то обезьянье.

– А что стало с бюстом? – спросил Холмс, внимательно изучив фотографический снимок.

– Бюст удалось обнаружить только перед самым вашим приходом. Он был найден в садике перед пустым домом на Кэмпден-Хауз-род. Он разбит на мелкие куски. Я как раз направляюсь туда, чтобы осмотреть его. Хотите пойти со мной?

Место, где были найдены осколки бюста, находилось всего в нескольких ярдах от дома. Впервые нам удалось увидеть это изображение великого императора, вызвавшее столь бешеную и разрушительную ненависть в сердце какого-то незнакомца. Бюст лежал в траве, разбитый на мелкие куски. Холмс поднял несколько осколков и внимательно их исследовал. Я догадался по его напряженному лицу, что он напал на след.

– Ну что? – спросил Лестрейд.

Холмс пожал плечами.

– Нам еще много придется повозиться с этим делом, – сказал он. – И все-таки... все-таки... все-таки у нас уже есть кое-что для начала. Этот грошовый бюст в глазах того странного преступника стоил дороже человеческой жизни. Вот первый факт, установленный нами. Есть и второй факт, не менее странный. Если единственная цель преступника заключалась в том, чтобы разбить бюст, отчего он не разбил его в доме или возле дома?

– Он был ошеломлен встречей с тем человеком, которого ему пришлось убить. Он сам не понимал, что делает.

– Что ж, это правдоподобно. Однако я хочу обратить ваше внимание на дом, стоящий в саду, где был разбит бюст.

Лестрейд посмотрел вокруг.

– Дом этот пустой, – сказал он, – и преступник знал, что тут его никто не потревожит.

– Да, – возразил Холмс, – но на этой улице есть и другой пустой дом, и ему нужно было пройти мимо него, чтобы дойти до этого дома. Почему он не разбил бюст возле первого пустого дома? Ведь он понимал, что каждый лишний шаг увеличивает опасность встречи с кем-нибудь.

– Я не обратил на это внимания, – сказал Лестрейд.

Холмс ткнул в уличный фонарь, горевший у нас над головой.

– Здесь этот человек мог видеть то, что он делает, а там не мог. Вот что привело его сюда.

– Вы правы, черт побери! – сказал сыщик. – Теперь я вспоминаю, что бюст, принадлежавший доктору Барникоту, был разбит неподалеку от его красной лампы. Но что нам делать с этим фактом, мистер Холмс?

– Запомнить его. Впоследствии мы можем наткнуться на обстоятельства, которые заставят нас вернуться к нему. Какие шаги вы теперь собираетесь предпринять, Лестрейд?

– По-моему, сейчас полезнее всего заняться выяснением личности убитого. Это дело не слишком трудное. Когда мы будем знать, кто он таков и кто его товарищи, нам удастся выяснить, что он делал ночью на Питт-стрит, кого он здесь встретил и кто убил его на лестнице мистера Хорэса Харкера. Вы не согласны с этим?

– Согласен. Но я подошел бы к разрешению этой загадки совсем с другого конца.

– С какого?

– О, я не хочу влиять на вас. Вы поступайте по-своему, а я буду поступать по-своему. Впоследствии мы сравним

результаты наших розысков и тем самым поможем друг другу.

– Отлично, – сказал Лестрейд.

– Вы сейчас возвращаетесь на Питт-стрит и, конечно, увидите мистера Хорэса Харкера. Так передайте ему, пожалуйста, от моего имени, что, по моему мнению, прошлой ночью его дом посетил кровожадный безумец, одержимый манией наполеоненавистничества. Это пригодится ему для статьи.

Лестрейд изумленно взглянул на Холмса:

– Неужели вы действительно так думаете?

Холмс улыбнулся:

– Так ли я думаю? Может быть, и не так. Но такая версия покажется очень любопытной мистеру Хорэсу Харкеру и подписчикам Центрального синдиката печати... Ну, Уотсон, нам сегодня предстоит хлопотливый день. Я буду счастлив, Лестрейд, если вы вечером, часов в шесть, зайдете к нам на Бейкер-стрит. А до тех пор я оставлю у себя фотографию.

Мы с Шерлоком Холмсом отправились пешком на Хай-стрит и зашли в лавку братьев Хардинг, где бюст был куплен. Молодой приказчик сообщил нам, что мистер Хардинг явится в лавку только к концу дня, а он сам не может дать нам никаких сведений, потому что служит здесь очень недавно. На лице Холмса появилось выражение разочарования и недовольства.

– Что же делать, Уотсон, невозможно рассчитывать на постоянную удачу, – сказал он наконец. – Придется зайти сюда к концу дня, раз до тех пор мистера Хардинга здесь не будет. Я, как вы, конечно, догадалась, собираюсь проследить историю этих бюстов с самого начала, чтобы выяснить, не было ли при их возникновении каких-нибудь странных обстоятельств, заранее предопределивших их удивительную судьбу. Отправимся пока к мистеру Морзу Хэдсону на Кеннингтон-роуд и посмотрим, не прольет ли он хоть немного света на эту загадку.

Целый час ехали мы до лавки торговца картинами. Он оказался маленьким толстым человеком с красным лицом и язвительным характером.

– Да, сэр. Разбил на моем прилавке, сэр, – сказал он. – Чего ради мы платим налоги, если любой негодяй может ворваться к нам и перепортить товар! Да, сэр, это я продал доктору Барникоту оба бюста. Стыд и позор, сэр! Анархистский заговор, вот что это такое, по моему мнению. Только анархист способен разбить статую. Откуда я достал эти бюсты? Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу. Ну что ж, если вам действительно нужно знать, я скажу. Я приобрел их у Гельдера и компании, на Черч-стрит, в Степни. Это хорошо известная фирма, существующая уже двадцать лет. Сколько я их купил? Три. Два да один равняются трем. Два я продал доктору Барникоту, а один был разбит среди белого дня на моем собственном прилавке. Знаю ли я человека, изображенного на этой фотографии? Нет, не знаю. Впрочем, знаю. Это Беппо, итальянец-ремесленник. Иногда исполняет у меня в лавке кое-какую работу. Может резать по дереву, золотить рамы, всего понемножку. Он ушел от меня неделю назад, и с тех пор я ничего о нем не слыхал. Нет, я не знаю, откуда он взялся. Где он сейчас, тоже не знаю. Я ничего против него не имею. Работал он неплохо. Он ушел за два дня до того, как у меня разбили бюст...

– Что ж, Морз Хэдсон дал нам больше сведений, чем мы могли ожидать, – сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. – Итак, этот Беппо принимал участие и в тех событиях, которые произошли в Кеннингтоне, и в тех, которые произошли в Кенсингтоне. Ради такого факта не жаль проехать десять миль. А теперь, Уотсон, едем в Степни, к Гельдеру и компании, на родину бюстов. Не сомневаюсь, что там мы узнаем много любопытного.

Мы поспешно проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон гостиниц, через театральный Лондон, через

литературный Лондон, через коммерческий Лондон, через Лондон морской и, наконец, въехали в прибрежный район, застроенный доходными домами. Здесь кишмя кишела беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы. Здесь, на широкой улице, мы нашли ту скульптурную мастерскую, которую разыскивали. Мастерская находилась в обширном дворе, наполненном могильными памятниками. Она представляла собой большую комнату, в которой помещалось человек пятьдесят рабочих, занятых резьбой и формовкой.

Рослый белокурый хозяин принял нас вежливо и дал ясные ответы на все вопросы Холмса. Записи в его книгах свидетельствовали, что с мраморной головы Наполеона работы Девина было отформовано множество копий, но те три бюста, которые около года назад он послал Морзу Хэдсону, составляли половину отдельной партии из шести штук. Другие три бюста из этой партии были проданы братьям Хардинг в Кенсингтоне. Нет, бюсты этой шестерки ничем не отличались от всех остальных. Нет, он не знает, по какой причине кому-нибудь может прийти в голову уничтожать эти бюсты, подобная мысль кажется ему просто смешной. Оптовая цена этих бюстов – шесть шиллингов, но в розничной продаже можно за них взять двенадцать и даже больше. Бюсты эти изготавливаются так: отливают два гипсовых слепка с двух половинок лица и потом склепывают оба профиля вместе. Всю эту работу обычно выполняют итальянцы вот в этой самой комнате. Когда бюст готов, его ставят на стол в коридоре, чтобы он высох, а потом отправляют на склад. Больше ему нечего нам рассказать.

Но тут Холмс показал хозяину фотографический снимок, и этот снимок произвел на хозяина потрясающее впечатление. Лицо его вспыхнуло от гнева, брови нависли над голубыми тевтонскими глазами.

– А, негодяй! – закричал он. – Да, я хорошо его знаю.

Моя мастерская пользуется всеобщим уважением, за все время ее существования в ней только один раз была полиция... по вине вот этого субъекта! Случилось это больше года назад. Он полоснул на улице ножом другого итальянца и, удирая от полиции, вбежал ко мне в мастерскую. Здесь он и был арестован. Его звали Беппо. Фамилии его я не знаю. Я был справедливо наказан за то, что взял на работу человека, у которого такое лицо. Впрочем, он был хороший работник, один из лучших.

– К чему его присудили?

– Тот, кого он ранил, остался в живых, и поэтому его присудили только к году тюремного заключения. Не сомневаюсь, что он уже на свободе, но сюда он не посмеет и носа показать. У меня работает его двоюродный брат. Пожалуй, он может сообщить вам, где Беппо.

– Нет, нет, – вскричал Холмс, – не говорите его брату ни слова... умоляю вас, ни одного слова! Дело это очень серьезное. Чем больше я в него углубляюсь, тем серьезнее оно кажется мне. В вашей торговой книге помечено, что вы продали эти бюсты третьего июня прошлого года. А не можете ли вы мне сообщить, какого числа был арестован Беппо?

– Я могу установить это приблизительно по платежной ведомости, – ответил хозяин. – Да, – продолжал он, порывшись в своих бумагах, – последнее жалованье было ему выплачено двадцатого мая.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Не буду больше отнимать у вас время и злоупотреблять вашим терпением.

Попросив его на прощанье никому не рассказывать о разговоре с нами, мы вышли из мастерской и вернулись на запад.

Полдень давно миновал, когда нам наконец удалось наспех позавтракать в одном ресторане. У входа в ресторан продавались газеты, и на особом плакате, сообщающем о последних известиях, было напечатано крупными

буквами: «Преступление в Кенсингтоне. Сумасшедший убийца». Заглянув в газету, мы убедились, что мистеру Хорэсу Харкеру удалось-таки напечатать свою статью. Два столбца были заполнены сенсационным и пышным описанием событий, происшедших у него в доме. Холмс разложил газету на столике и читал, не отрываясь от еды. Раза два он фыркнул.

– Все в порядке, Уотсон, – сказал он. – Послушайте: «Приятно сознавать, что не может быть разных точек зрения на это событие, ибо мистер Лестрейд, один из самых опытных полицейских агентов, и мистер Шерлок Холмс, широко известный консультант и эксперт, сошлись на том, что цепь причудливых происшествий, окончившихся так трагически, свидетельствует о безумии, а не о преступлении. Рассказанные нами факты не могут быть объяснены ничем, кроме помешательства». Печать, Уотсон, – настоящее сокровище, если уметь ею пользоваться. А теперь, если вы уже поели, мы вернемся в Кенсингтон и послушаем, что нам расскажет владелец «Братьев Хардинг».

Основатель этого большого торгового дома оказался проворным, вертлявым человеком, очень подвижным и быстрым, сообразительным и болтливым.

– Да, сэр, я уже все знаю из вечерних газет. Мистер Хорэс Харкер – наш постоянный покупатель. Мы продали ему этот бюст несколько месяцев назад. Три таких бюста мы получили у Гельдера и компании в Степни. Они уже проданы. Кому? Я загляну в свою торговую книгу и вам отвечу. Да, вот тут все записано. Один бюст – мистеру Харкеру, другой – мистеру Джозае Брауну, живущему в Чизике, на Лабурнум-вэли, в Лабурнум-лодж, а третий – мистеру Сэндфорду, живущему в Рединге, на Лауэр-Гров-род.

Пока мистер Хардинг говорил, Холмс что-то записывал. Вид у него был чрезвычайно довольный. Однако он ничего не объяснил мне и только сказал, что нам нужно

торопиться, потому что нас ждет Лестрейд. Действительно, когда мы приехали на Бейкер-стрит, сыщик уже ждал нас, нетерпеливо шагая по комнате. По его важному виду нетрудно было догадаться, что день прошел для него не бесплодно.

– Как дела, мистер Холмс? – спросил он.

– Нам пришлось как следует поработать, и поработали мы не даром, – сказал мой друг. – Мы посетили обоих лавочников и хозяина мастерской. Я проследил судьбу каждого бюста с самого начала.

– Судьбу каждого бюста! – воскликнул Лестрейд. – Ладно, ладно, мистер Холмс, у всякого свои методы, и я не собираюсь спорить с вами, но мне кажется, что я за день достиг большего, чем вы. Я установил личность убитого.

– Да что вы говорите!

– И определил причину преступления.

– Превосходно!

– У нас есть инспектор, специалист по части итальянских кварталов. А на шее убитого оказался католический крестик. Кроме того, смуглый оттенок его кожи невольно наводит на мысль, что он уроженец юга. Инспектор Хилл узнал его с первого взгляда. Его зовут Пьетро Венуччи, он родом из Неаполя, один из самых страшных головорезов Лондона. Как видите, все начинает проясняться. Его убийца тоже, вероятно, итальянец. Пьетро выслеживал его. Он носил в кармане его фотографию, чтобы по ошибке не зарезать кого-нибудь другого. Он выследил своего врага, видел, как тот вошел в дом, дождался, когда тот вышел, напал на него и в схватке получил смертельную рану... Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Холмс с жаром пожал ему руки.

– Превосходно, Лестрейд, превосходно! – воскликнул он. – Но я не вполне понимаю, как вы объясняете уничтожение бюстов.

– Опять бюсты! Вы никак не можете выкинуть эти бюсты из головы. В конце концов, история с этими бюстами – пустяки. Мелкая кража, за которую можно присудить самое большее к шести месяцам тюрьмы. Вот убийство – стоящее дело, и, как видите, я уже держу в своих руках все нити.

– Как же вы собираетесь поступать дальше?

– Очень просто. Я отправлюсь вместе с Хиллом в итальянский квартал, мы разыщем человека, изображенного на той фотографии, и я арестую его по обвинению в убийстве. Хотите пойти с нами?

– Едва ли. Пожалуй, нет. Мне кажется, мы добьемся успеха гораздо проще. Не могу ручаться, потому что это зависит... Словом, это зависит от одного обстоятельства, которое не в нашей власти. Два шанса за успех и один против. Итак, я надеюсь, что если вы пойдете со мною сегодня ночью, мы арестуем его.

– В итальянском квартале?

– Нет. По-моему, гораздо вернее искать его в Чизике. Если вы, Лестрейд, сегодня ночью поедете со мной в Чизик, я обещаю вам завтра отправиться с вами в итальянский квартал. От этой отсрочки никакого вреда не будет. А теперь нужно немного поспать, потому что выходить раньше одиннадцати часов нет смысла, а вернуться нам удастся, вероятно, только утром. Пообедайте с нами, Лестрейд, и ложитесь на этот диван. А вы, Уотсон, позвоните и вызовите посыльного. Мне необходимо немедленно отправить письмо.

Холмс провел вечер, роясь в кипах старых газет, которыми был завален один из наших чуланов. Когда он наконец вышел из чулана, в глазах его сияло торжество, но он ничего не сказал нам о результатах своих поисков. Я уже так изучил методы моего друга, что, даже не понимая его замысла целиком, догадывался, каким образом он рассчитывает захватить преступника. Этот странный преступник

теперь попытается уничтожить два оставшихся бюста, один из которых находится, как я запомнил, в Чизике. Несомненно, цель нашего ночного похода – захватить его на месте преступления. Я не мог не восхищаться хитростью моего друга, который нарочно сообщил вечерней газете совершенно ложные догадки, чтобы убедить преступника, что тот может действовать без всякого риска. И я не удивился, когда Холмс посоветовал мне захватить с собой револьвер. Он сам взял с собой свое любимое оружие – охотничий хлыст, в рукоять которого налит свинец.

В одиннадцать часов у наших дверей остановился экипаж. По Хаммерсмитскому мосту мы переехали на противоположный берег Темзы. Здесь кучер получил приказание подождать. Мы пошли пешком и вскоре вышли на пустынную дорогу, окруженную изящными домиками. Вокруг каждого домика был маленький сад. При свете уличного фонаря на воротах одного из них мы прочли надпись: «Вилла Лабурнум». Обитатели дома, вероятно, уже спали, так как весь дом был погружен во тьму, и только круглое оконце над входной дверью тускло сияло, бросая пятно света на садовую тропинку. Мы вошли в ворота и притаились в густой тени деревянного забора, отделяющего садик от дороги.

Впрочем, ожидание наше оказалось недолгим и окончилось самым неожиданным и странным образом. Внезапно, без всякого предупреждения, садовая калитка распахнулась, и гибкая темная фигурка, быстрая и подвижная, как обезьяна, помчалась по садовой тропинке. Мы видели, как она мелькнула в луче света, падавшем из окна, и исчезла в черной тени. Наступила долгая тишина, во время которой мы стояли затаив дыхание. Наконец слабый треск коснулся нашего слуха – это распахнулось окно. Потом снова наступила тишина. Преступник бродил по дому. Мы внезапно увидели, как вспыхнул в комнате свет его потайного фонаря. Того, что он искал, там, вероятно, не оказа-

лось, потому что через минуту свет переместился в другую комнату.

– Идемте к открытому окну. Мы схватим его, когда он выпрыгнет, – прошептал Лестрейд.

Но преступник выпрыгнул из окна раньше, чем мы успели двинуться с места. Он остановился в луче света, держа подмышкой что-то белое, потом воровато оглянулся. Тишина пустынной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он опустил свою ношу на землю, и через мгновение мы услышали сначала стук сильного удара, а затем постукивание и потрескивание. Он так погрузился в свое занятие, что не расслышал наших крадущихся шагов. Холмс, как тигр, прыгнул ему на спину, а мы с Лестрейдом схватили его за руки и надели на него наручники. Когда он обернулся, я увидел безобразное бледное лицо, искаженное злобой, и убедился, что это действительно тот человек, которого я видел на фотографии.

Но не на пленника устремил Холмс все свое внимание. Он самым тщательным образом исследовал то, что наш пленник вынес из дома. Это был разбитый вдребезги бюст Наполеона, совершенно такой же, как тот, что мы видели сегодня поутру. Холмс поочередно подносил к свету каждый осколок, не пропустив ни одного, но все они нисколько не отличались от любых других обломков гипса. Едва он успел закончить свое исследование, как дверь отворилась и перед нами предстал хозяин дома – добродушный полный мужчина в рубашке и брюках.

– Мистер Джозайа Браун, если не ошибаюсь? – сказал Холмс.

– Да, сэръ. А вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Посыльный принес мне вашу записку, и я поступил так, как вы мне посоветовали. Мы закрыли все двери и ждали, что произойдет. Рад видеть, что негодяй не ушел от вас. Пожалуйста, джентльмены, в дом, выпейте на дорогу.

Но Лестрейду хотелось поскорее доставить пленника в

Преступник выпрыгнул из окна раньше, чем мы успели двинуться с места. Он остановился в луче света, держа подмышкой что-то белое, потом воровато оглянулся. Тишина пустынной улицы успокоила его.

надежное убежище, и через несколько минут наш кэб уже вез нас четверых в Лондон. Пленник не произнес ни слова; он злобно глядел на нас из-под шапки курчавых волос.

В полицейском участке его тщательно обыскали, но не нашли ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала, на рукояти которого были обнаружены следы крови.

– Все в порядке, – сказал Лестрейд, прощаясь с нами. – Хилл знает этих людей и без труда установит его личность. Увидите, моя теория подтвердится полностью.

Однако я очень благодарен вам, мистер Холмс, за то, что вы с таким мастерством устроили преступнику ловушку. Я до сих пор не совсем понимаю, как вам пришло это в голову.

– Боюсь, в такой поздний час не стоит заниматься разъяснениями, – сказал Холмс. – Кроме того, некоторые подробности еще не вполне установлены, а это дело – одно из тех, которые необходимо доводить до конца. Если вы заглянете ко мне завтра в шесть, я докажу вам, что даже сейчас мы еще не вполне понимаем подлинное значение этого своеобразного дела.

Посетив нас на следующий вечер, Лестрейд сообщил нам все, что удалось установить о личности арестованного. Фамилия его неизвестна, а зовут его Беппо. Это самый отчаянный шалопай во всей итальянской колонии. Когда-то он был искусным скульптором, но потом сбился с пути и дважды побывал в тюрьме: один раз – за мелкое воровство, другой раз – за нанесение раны своему земляку. По-английски говорит он превосходно. До сих пор не выяснено, ради чего он разбивал бюсты, и он упорно отказывается отвечать на вопросы об этом. Но полиции удалось установить, что он сам умеет изготавливать бюсты и что он изготавливал их, работая в мастерской Гельдера и компании.

Все эти сведения, большая часть которых была нам уже известна, Холмс выслушал с вежливым вниманием,

но я, знающий его хорошо, заметил, что мысли его заняты чем-то другим, и сквозь маску, которую он надел на себя, ясно увидел, что он чего-то ждет и о чем-то тревожится. Наконец он вскочил со стула, глаза у него заблестели. Раздался звонок. Через минуту мы услышали шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый человек с седыми бакенбардами. В правой руке он держал старомодный чемоданчик. Войдя, он поставил его на стол.

– Можно видеть мистера Шерлока Холмса?

Мой друг поклонился, и на лице его показалась улыбка.

– Мистер Сэндфорд из Рединга, если не ошибаюсь? – сказал он.

– Да, сэр. Я, кажется, немного запоздал, но расписание поездов составлено так неудобно... Вы писали мне об имеющемся у меня бюсте.

– Совершенно верно.

– Я захватил с собой ваше письмо. Вы пишете: «Желая приобрести слепок с бюста Наполеона работы Девина, я готов заплатить десять фунтов за тот слепок, который принадлежит вам». Так ли это?

– Именно так.

– Ваше письмо меня очень удивило, потому что я не мог догадаться, каким образом вы узнали, что у меня есть этот бюст.

– А между тем все это объясняется очень просто. Мистер Хардинг, владелец торгового дома «Братья Хардинг», сказал мне, что продал вам последнюю копию этого бюста, и сообщил мне ваш адрес.

– Понимаю. А он сказал вам, сколько я заплатил ему за этот бюст?

– Нет, не говорил.

– Я человек честный, хотя и не слишком богатый. Я заплатил за этот бюст только пятнадцать шиллингов, и я хочу поставить вас об этом в известность, прежде чем получу от вас десять фунтов.

– Такая щепетильность делает вам честь, мистер Сэндфорд. Но я сам назвал эту цену и не намерен от нее отказываться.

– Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Я, согласно вашей просьбе, захватил бюст с собой. Вот он.

Он раскрыл чемодан, и наконец мы увидели у себя на столе в совершенно исправном состоянии тот бюст, который до сих пор нам удавалось видеть только в осколках.

Холмс вынул из кармана листок бумаги и положил на стол десятифунтовый кредитный билет.

– Будьте любезны, мистер Сэндфорд, подпишите эту бумагу в присутствии вот этих свидетелей. Здесь сказано, что вы уступаете мне все права, вытекающие из владения этим бюстом. Я, как видите, человек предусмотрительный. Никогда нельзя знать заранее, как впоследствии обернутся обстоятельства... Благодарю вас, мистер Сэндфорд. Вот ваши деньги. Желаю вам всего хорошего.

Когда наш посетитель удалился, Шерлок Холмс снова удивил нас. Он начал с того, что достал из комода чистую белую скатерть и накрыл ею стол. Потом он поставил только что купленный бюст на самую середину скатерти. Затем он поднял свой охотничий хлыст и тяжелой его рукоятью стукнул Наполеона по макушке. Бюст разлетелся на куски, и Холмс самым тщательным образом оглядел каждый кусок. Наконец с победным криком он протянул нам осколок, в котором находилось что-то круглое, темное, похожее на изюминку, запеченную в пудинге.

– Джентльмены! – воскликнул он. – Разрешите представить вам знаменитую черную жемчужину Борджиев³!

Мы с Лестрейдом молчали; затем, охваченные внезапным порывом, начали аплодировать, как аплодируют в театре удачной развязке драмы. Бледные щеки Холмса поро-

³ Борджиа – богатый и знатный род, игравший видную роль в истории Италии.

Шерлок Холмс достал из комода чистую белую скатерть и накрыл ею стол. Потом он поставил бюст на самую середину скатерти. Затем он поднял свой охотничий хлыст и тяжелой его рукоятью стукнул Наполеона по макушке.

зовели, и он поклонился нам, как кланяется драматург, вызванный на сцену рукоплесканиями зрителей.

– Да, джентльмены, – сказал он, – это самая знаменитая жемчужина во всем мире, и, к счастью, мне путем размышлений удалось проследить ее судьбу от спальни князя Колонны в гостинице «Дакр», где она пропала, до внутренних последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных в мастерской Гельдера и компании, в Степни.

Вы, конечно, помните, Лестрейд, сенсационное исчезновение этого драгоценного камня и безуспешные попытки лондонской полиции найти его. Полиция обращалась за помощью даже ко мне, но и я был бессилён помочь. Подозрения пали на горничную княгини, родом итальянку. Всем было известно, что у этой горничной есть в Лондоне брат, но никаких связей между ними установить не удалось. Горничную звали Лукреция Венуччи, и я не сомневаюсь, что Пьетро, которого убили двое суток назад, был ее братом. Я просмотрел старые газеты и обнаружил, что исчезновение жемчужины произошло за два дня до ареста Беппо. А Беппо был арестован в мастерской Гельдера и компании как раз в то время, когда там изготовлялись эти бюсты.

Теперь вам ясна последовательность событий. Жемчужина была у Беппо. Возможно, он украл ее у Пьетро; возможно, он был сам соучастником Пьетро; возможно, он был посредником между Пьетро и его сестрой. В сущности, для нас не важно, которое из этих предположений правильное. Для нас важно, что жемчужина у него была как раз в то время, когда за ним погналась полиция.

Он вбежал в мастерскую, где работал. Он знал, что у него есть всего несколько минут для того, чтобы спрятать необычайной ценности добычу, которую непременно найдут, если станут его обыскивать. Шесть гипсовых бюстов Наполеона сохли в коридоре. Один из них был еще совсем мягкий. Беппо, искусный работник, мгновенно

проделал отверстие во влажном гипсе, сунул туда жемчужину и несколькими мазками придал бюсту прежний вид. Это было превосходное хранилище: найти там жемчужину невозможно. Но Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем все шесть бюстов были проданы в разные концы Лондона. Он не мог знать, в котором из них находится его сокровище. Только разбив все бюсты, он мог найти жемчужину.

Однако Беппо не отчаивался. Он принялся за поиски вдохновенно и последовательно. С помощью двоюродного брата, работавшего у Гельдера, он узнал, каким фирмам были проданы эти бюсты. Ему посчастливилось получить работу у Морза Хэдсона, и он выследил три бюста. В этих трех жемчужины не оказалось. С помощью своих сородичей он разведal, кому были проданы остальные три бюста. Первый из них находился у Харкера. Тут Беппо был выслежен своим сообщником, который считал его виновником пропажи жемчужины, и между ними произошла схватка.

– Если Пьетро был его сообщником, для чего он таскал с собой его фотографию? – спросил я.

– Чтобы можно было расспрашивать о нем у посторонних, это наиболее вероятное предположение. Словом, я пришел к убеждению, что после убийства Беппо не только не отложит, а, напротив, ускорит свои поиски. Он постарается опередить полицию, боясь, как бы она не разнюхала его тайну. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Харкеру. Я даже не знал наверняка, что это именно жемчужина, но для меня было ясно, что он что-то ищет, так как он разбивал похищенные бюсты только в тех местах, где был свет. Бюст у Харкера был один из трех, и, следовательно, шансы были распределены именно так, как я говорил вам: один шанс против и два – за. Оставались два бюста, и было ясно, что он начнет с того, который находится в Лон-

доне. Я предупредил обитателей дома, чтобы избежать второй трагедии, и мы достигли блестящих результатов. К этому времени я уже твердо знал, что мы охотимся за жемчужиной Борджиев. Имя убитого связало все факты воедино. Оставался всего один бюст – тот, который находился в Рединге, – и жемчужина могла быть только в нем. Я купил этот бюст в вашем присутствии. И вот жемчужина.

Мы несколько мгновений молчали.

– Да, – сказал Лестрейд, – много раз убеждался я в ваших необычайных способностях, мистер Холмс, но такого мастерства мне еще встречать не приходилось.

– Спасибо! – сказал Холмс. – Спасибо!

СЕРЕБРЯНЫЙ

– Боюсь, Уотсон, что мне придется ехать, – сказал как-то за завтраком Холмс.

– Ехать? Куда?

– В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Я не удивился. Меня куда больше удивляло, что Холмс до сих пор не принимает участия в расследовании этого из ряда вон выходящего дела, о котором говорила вся Англия. Весь вчерашний день мой приятель ходил по комнате из угла в угол, сдвинув брови и низко опустив голову, то и дело набивая трубку крепчайшим черным табаком и оставаясь абсолютно глухим ко всем моим вопросам и замечаниям. Свежие номера газет, присылаемые нашим почтовым агентом, Холмс бегло просматривал и бросал в угол. И все-таки, несмотря на его молчание, я знал, что занимается его. В настоящее время в центре внимания публики было только одно, что могло бы дать достаточно пищи его аналитическому уму, – таинственное исчезновение фаворита, который должен был участвовать в скачках на кубок Уэссекса, и трагическое убийство его тренера. И когда

Холмс вдруг объявил мне о своем намерении ехать в Кингс-Пайленд, то есть туда, где разыгралась трагедия, то я ничуть не удивился – я ждал этого.

– Я был бы счастлив поехать с вами, если, конечно, не буду помехой, – сказал я.

– Мой дорогой Уотсон, вы сослужите мне большую службу, если поедете. И я уверен, что вы недаром потратите время, ибо случай этот, судя по тому, что уже известно, обещает быть исключительно интересным. Едем сейчас в Паддингтон, мы еще успеем на ближайший поезд. По дороге я расскажу вам подробности. Да, захватите, пожалуйста, ваш превосходный полевой бинокль, он может пригодиться.

Вот так и случилось, что спустя час после нашего разговора мы уже сидели в купе первого класса, и поезд мчал нас в направлении Эксетера. Худое сосредоточенное лицо моего друга в надвинутом на лоб дорожном картузе склонилось над пачкой свежих газет, которыми он запасся в киоске на Паддингтонском вокзале. Наконец – Рединг к тому времени остался уже далеко позади – он сунул последнюю газету под сиденье и протянул мне портсигар.

– А мы хорошо едем, – заметил он, взглядывая то на часы, то в окно. – Делаем пятьдесят три с половиной мили в час.

– Я не заметил ни одного дистанционного столбика.

– И я тоже. Но расстояние между телеграфными столбами по этой дороге шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость ничего не стоит. Вам, конечно, известны подробности об убийстве Джона Стрэкера и исчезновении Серебряного?

– Только те, о которых сообщалось в «Телеграф» и в «Кроникл».

– Это один из случаев, когда искусство логически мыслить должно быть использовано для тщательного анализа и отбора уже известных фактов, а не для поисков новых.

Трагедия, с которой мы столкнулись, так загадочна и необычна и связана с судьбами стольких людей, что полиция буквально погибает от обилия версий, догадок и предположений. Трудность в том, чтобы выделить из массы измышлений и домыслов досужих толкователей и репортеров несомненные, непреложные факты. Установив исходные факты, мы начнем строить, основываясь на них, нашу теорию и попытаемся определить, какие моменты в данном деле можно считать узловыми. Во вторник вечером я получил две телеграммы – от хозяина Серебряного полковника Росса и от инспектора Грегори, которому поручено дело. Оба просят моей помощи.

– Во вторник вечером! – воскликнул я. – А сейчас уже четверг. Почему вы не поехали туда вчера?

– Я допустил ошибку, милый Уотсон. Боюсь, со мной это случается гораздо чаще, чем думают люди, знающие меня только по вашим запискам. Я просто не мог поверить, что лучшего скакуна Англии можно скрывать так долго, да еще в таком пустынном краю, как Северный Дартмур. Вчера я с часу на час ждал сообщения, что лошадь нашли и что ее похититель – убийца Джона Стрэкера. Но прошел день, прошла ночь, и единственное, что прибавилось к делу, – это арест молодого Фицроя Симпсона. Я понял, что пора действовать. И все-таки у меня такое ощущение, что вчерашний день не прошел зря.

– У вас уже есть версия?

– Нет, но я выделил самые существенные факты. Сейчас я вам изложу их. Ведь лучший способ добраться до сути дела – рассказать все его обстоятельства кому-то другому. К тому же вы вряд ли сможете мне помочь, если не будете знать, чем мы сейчас располагаем.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и чертя для наглядности по ладони тонким длинным пальцем, стал излагать мне события, заставившие нас предпринять это путешествие.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и чертя для наглядности по ладони тонким длинным пальцем, стал излагать мне события, заставившие нас предпринять это путешествие.

– Серебряный, – начал он, – сын Самоцвета и Отрады и ничем не уступает своему знаменитому отцу. Сейчас ему пять лет. Вот уже три года, как его счастливому обладателю, полковнику Россу, достаются на скачках все призы. Когда произошло несчастье, Серебряный считался первым фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него заключались три к одному. Он был любимец публики и еще ни разу не подводил своих почитателей. Даже если с ним бежали лучшие лошади Англии, на него всегда ставили огромные суммы. Понятно поэтому, что есть много людей, в интересах которых не допустить появления Серебряного у флага в будущий вторник. Это, конечно, прекрасно понимали в Кингс-Пайленде, где находится тренировочная конюшня полковника Росса. Фаворита строжайше охраняли. Его тренером был Джон Стрэкер, прослуживший у полковника двенадцать лет, из которых пять лет он был жокеем, пока не стал слишком тяжел для положенного веса. Обязанности свои он всегда выполнял образцово и был преданным слугой. У него было трое помощников, потому что конюшня маленькая – всего четыре лошади. Ночью один конюх дежурил в конюшне, а другие спали на сеновале. Все трое – абсолютно надежные парни. Джон Стрэкер жил с женой в небольшом коттедже, ярдах в двухстах от конюшни. Платил ему полковник хорошо, детей у них нет, убирает в доме и стряпает служанка. Местность вокруг Кингс-Пайленда пустынная, только к северу на расстоянии полумили каким-то подрядчиком из Тавистока выстроено несколько вилл для больных и вообще желающих подышать целебным дартмурским воздухом. Сам Тависток находится на западе, до него две мили, а по другую сторону равнины, тоже на расстоянии двух миль, расположен Кейплтон – усадьба лорда Бэкуотера, где также имеется конюшня. Лошадей там больше, чем в Кингс-Пайленде; управляющим служит Сайлес Браун. Вокруг на много миль тянутся поросшие кустарником пу-

стоши, совершенно необитаемые, если не считать цыган, которые время от времени забредают сюда. Вот обстановка, в которой в ночь с понедельника на вторник разыгралась драма.

Накануне вечером, как обычно, лошадей тренировали и купали, а в девять часов конюшню заперли. Двое конюхов пошли в домик тренера, где их в кухне накормили ужином, а третий – Нэд Хантер – остался дежурить в конюшне. В начале десятого служанка – ее зовут Эдит Бакстер – понесла ему ужин – баранину с чесночным соусом. Никакого питья она не взяла, потому что в конюшне имеется кран, а пить что-нибудь, кроме воды, ночному сторожу не разрешается. Девушка зажгла фонарь, – уже совсем стемнело, а тропинка к конюшне шла сквозь заросли дрока. Ярдах в тридцати от конюшни перед Эдит Бакстер возник из темноты человек и крикнул, чтобы она его подождала. В желтом свете фонаря она увидела мужчину – по виду явно джентльмена – в сером твидовом костюме и фуражке, в гетрах и с тяжелой тростью в руках. Он был очень бледен и сильно нервничал. Лет ему, она решила, тридцать – тридцать пять.

– Вы не скажете мне, где я нахожусь? – спросил он девушку. – Я уж решил, что придется ночевать в поле, и вдруг увидел свет вашего фонаря.

– Вы в Кингс-Пайленде, возле конюшни полковника Росса, – отвечала ему девушка.

– Неужели? Какая удача! – воскликнул он. – Один из конюхов, кажется, всегда ночует в конюшне, да? А вы, наверное, несете ему ужин? Вы ведь не такая гордая, правда, и не откажетесь от нового платья?

Он вынул из кармана сложенный листок бумаги.

– Передайте это сейчас конюху, и у вас будет самое нарядное платье, какое только можно купить за деньги.

Волнение незнакомца испугало девушку, она бросилась к оконцу, через которое всегда подавала конюху

ужин. Оно было открыто, Хантер сидел возле за столиком. Только служанка открыла рот, чтобы рассказать о случившемся, как незнакомец снова оказался рядом.

– Добрый вечер, – проговорил он, заглядывая в окошко. – У меня к вам дело.

Девушка клянется, что, произнося эти слова, он сжимал в руке какую-то бумажку.

– Какое у вас ко мне может быть дело? – сердито спросил конюх.

– Дело, от которого и вам может кое-что перепасть. Две ваши лошади, Серебряный и Баярд, участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Ответьте мне на несколько вопросов, и я не останусь в долгу. Правда, что вес, который несет Баярд, позволяет ему обойти Серебряного на сто ярдов в забеге на пять фарлонгов⁴ и что вы сами ставите на него?

– Ах, вот вы кто! – закричал конюх, – Сейчас я покажу вам, как мы встречаем шпионов!

Он побежал спустить собак. Служанка бросилась к дому, но на бегу оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Когда через минуту Хантер выскочил из конюшни с собакой, то незнакомца нигде не было видно, и хотя они обежали все здания и пристройки, никаких следов ни рядом, ни поодаль не обнаружили...

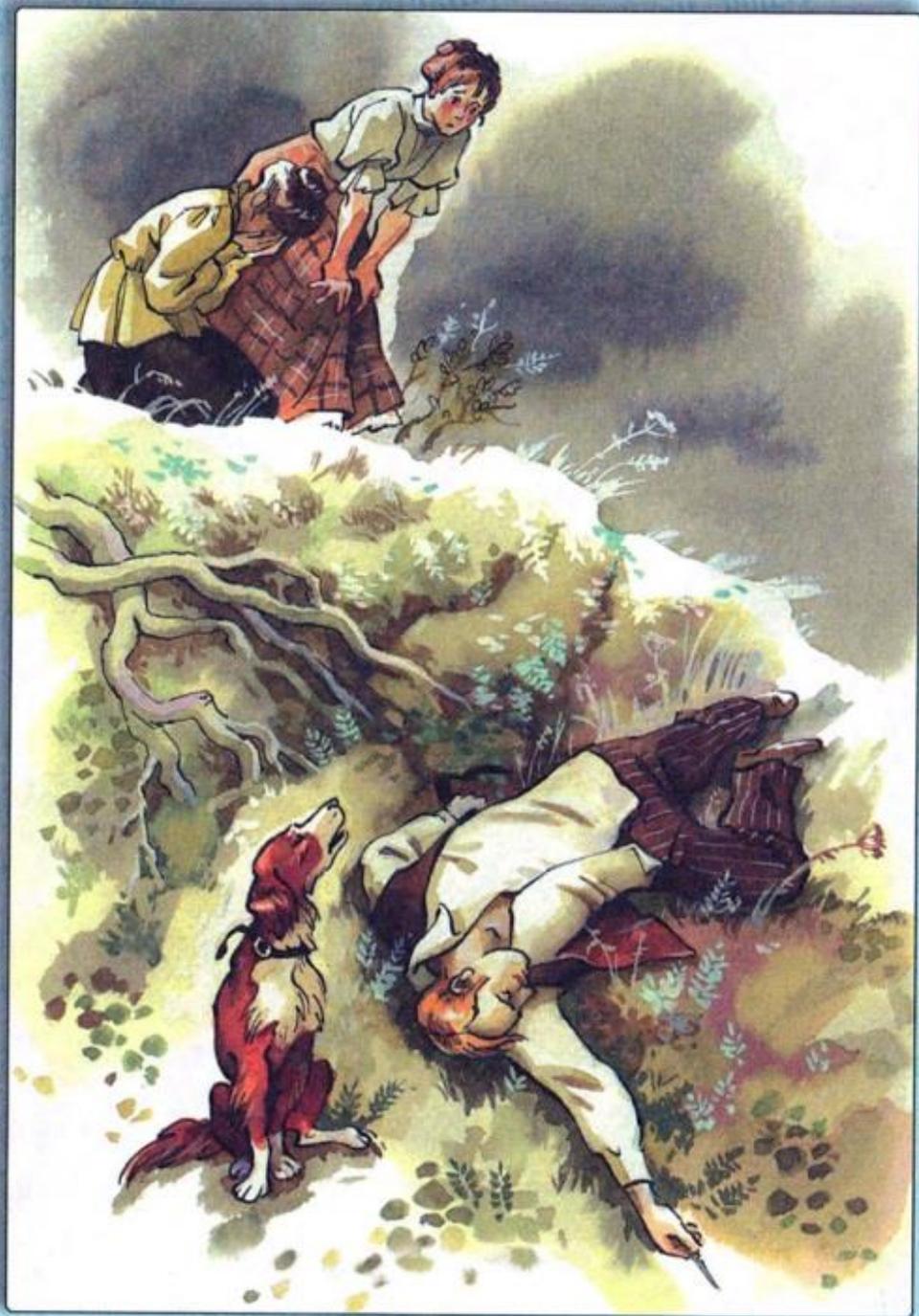
– Стойте! – перебил я Холмса. – Когда конюх выбежал с собакой во двор, он оставил дверь конюшни открытой?

– Прекрасно, Уотсон, прекрасно! – улыбнулся мой друг. – Это обстоятельство показалось мне столь существенным, что я вчера даже запросил об этом Дартмур телеграммой. Так вот, дверь конюх запер. А окошко, оказывается, очень узкое, человек сквозь него не пролезет. Когда другие конюхи вернулись после ужина, Хантер послал одного рассказать обо всем тренеру. Стрэкер встревожил-

⁴ 1 фарлонг = 201,168 метра

ся, но большого значения случившемуся как будто не придал. Впрочем, смутная тревога все-таки на оставляла его, потому что, проснувшись в час ночи, миссис Стрэкер увидела, что муж одевается. Он объяснил ей, что беспокоится за лошадей и хочет посмотреть, все ли в порядке. Она умоляла его не ходить, потому что начался дождь, — она слышала, как он стучит в окно, — но Стрэкер накинул плащ и ушел. Миссис Стрэкер проснулась снова в семь утра. Муж еще не возвращался. Она поспешно оделась, кликнула служанку и пошла в конюшню. Дверь была отворена, Хантер сидел, уронив голову на стол, в состоянии полного беспамятства, денник фаворита пуст, нигде никаких следов тренера. Немедленно разбудили ночевавших на сеновале конюхов. Ребята они молодые, спят крепко, ночью никто ничего не слышал. Хантер был, по всей видимости, под действием какого-то очень сильного наркотика. Так как толку от него добиться было нельзя, обе женщины оставили его отсыпаться, а сами побежали искать пропавших. Они все еще надеялись, что тренер из каких-то соображений вывел жеребца на раннюю прогулку. Поднявшись на бугор за коттеджем, откуда было хорошо видно кругом, они не заметили никаких следов фаворита, зато в глаза им бросилась одна вещь, от которой у них сжалось сердце в предчувствии беды.

Примерно в четверти мили от конюшни на куст дрока был брошен плащ Стрэкера, и ветерок трепал его полы. Подбежав к кусту, женщины увидели за ним небольшой овражек и на дне его труп несчастного тренера. Голова была разmozжена каким-то тяжелым предметом, на бедре рана — длинный тонкий порез, нанесенный, без сомнения, чем-то чрезвычайно острым. Все говорило о том, что Стрэкер отчаянно защищался, потому что его правая рука сжимала маленький нож, по самую рукоятку в крови, а левая — красный с черным шелковый галстук, тот самый галстук, который, по словам служанки, был на незнакомце,

Подбежав к кусту, женщины увидели за ним небольшой овражек и на дне его труп несчастного тренера. Все говорило о том, что Стрэкер отчаянно защищался.

появившемся накануне вечером у конюшни. Очнувшись, Хантер подтвердил, что это галстук незнакомца. Он также не сомневался, что незнакомец подсыпал ему чего-то в баранину, когда стоял у окна, и в результате конюшня осталась без сторожа. Что касается пропавшего Серебряного, то многочисленные следы в грязи, покрывавшей дно роковой впадины, указывали на то, что он был тут во время борьбы. Но затем он исчез. И хотя за сведения о нем полковник Росс предлагает огромное вознаграждение и все кочующие по Дартмуру цыгане допрошены, до сих пор о Серебряном нет ни слуху ни духу. И наконец вот еще что: анализ остатков ужина Хантера показал, что в еду была подсыпана большая доза опиума, между тем все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели в тот вечер то же самое блюдо, и ничего дурного с ними не произошло. Вот основные факты, очищенные от наслоения домыслов и догадок, которыми обросло дело. Теперь я расскажу вам, какие шаги предприняла полиция. Инспектор Грегори, которому поручено дело, — человек энергичный. Одари его природа еще и воображением, он мог бы достичь вершин сыскного искусства. Прибыв на место происшествия, он очень быстро нашел и арестовал человека, на которого, естественно, падало подозрение. Найти его не составило большого труда, потому что он был хорошо известен в округе. Имя его — Фицрой Симпсон. Он хорошего рода, получил прекрасное образование, но все свое состояние проиграл на скачках. Последнее время жил тем, что мирно занимался букмекерством в спортивных лондонских клубах. В его записной книжке обнаружили несколько пари до пяти тысяч фунтов против фаворита.

Когда его арестовали, он признался, что приехал в Дартмур в надежде раздобыть сведения о лошадях Кингс-Пайленда и о втором фаворите, жеребце Беспечном, находящемся на попечении Сайлеса Брауна в кейплтонской конюшне. Он и не пытался отрицать, что в понедельник

вечером был в Кингс-Пайленде, однако уверяет, что ничего дурного не замышлял, хотел только получить сведения из первых рук. Когда ему показали галстук, он сильно побледнел и совершенно не мог объяснить, как галстук оказался в руке убитого. Мокрая одежда Симпсона доказывала, что ночью он попал под дождь, а его суковатая трость со свинцовым набалдашником вполне могла быть тем самым оружием, которым тренеру были нанесены эти ужасные раны. С другой стороны, на нем самом нет ни царапины, а ведь окровавленный нож Стрэкера – неопровержимое доказательство, что по крайней мере один из напавших на него бандитов пострадал. Вот, собственно, и все, и если вы сможете мне помочь, Уотсон, я буду очень вам признателен.

Я с огромным интересом слушал Холмса, изложившего мне обстоятельства этого дела со свойственной ему ясностью и последовательностью. Хотя все факты были мне уже известны, я не мог установить между ними ни связи, ни зависимости.

– А не может ли быть, – предложил я, – что Стрэкер сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается повреждение лобных долей головного мозга.

– Вполне возможно, – сказал Холмс. – Если так, то обвиняемый лишается одной из главных улик, свидетельствующих в его пользу.

– И все-таки, – продолжал я, – я никак не могу понять гипотезу полиции.

– Боюсь, в этом случае против любой гипотезы можно найти очень веские возражения. Насколько я понимаю, полиция считает, что Фицрой Симпсон подсыпал опиум в ужин Хантера, отпер конюшню ключом, который он где-то раздобыл, и увел жеребца, намереваясь, по всей видимости, похитить его. Уздечки в конюшне на нашли – Симпсон, вероятно, надел ее на лошадь. Оставив дверь не-

запертой, он повел ее по тропинке через пустошь, и тут его встретил или догнал тренер. Началась драка, Симпсон проломил тренеру череп тростью, сам же не получил и царапины от ножичка Стрэкера, которым тот пытался защищаться. Потом вор увел лошадь и где-то спрятал ее, или, может быть, лошадь убежала, пока они дрались, и теперь бродит где-то по пустоши. Вот как представляет происшедшее полиция, и, как ни маловероятна эта версия, все остальные кажутся мне еще менее вероятными. Как только мы прибудем в Дартмур, я проверю ее – иного способа сдвинуться с мертвой точки я не вижу.

Начинало вечереть, когда мы подъехали к Тавистоку – маленькому городку, торчащему, как яблоко на щите, в самом центре обширного Дартмурского плоскогорья. На платформе нас встретили высокий блондин с львиной гривой, пышной бородой и острым взглядом голубых глаз и невысокий элегантно одетый джентльмен, энергичный, с небольшими холеными баками и моноклем.

Это были инспектор Грегори, чье имя приобретало все большую известность в Англии, и знаменитый спортсмен и охотник полковник Росс.

– Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс, – сказал полковник, здороваясь. – Инспектор сделал все возможное, но, чтобы отомстить за гибель несчастного Стрэкера и найти Серебряного, я хочу сделать и невозможное.

– Есть какие-нибудь новости? – спросил Холмс.

– Увы, результаты расследования пока оставляют желать лучшего, – сказал инспектор. – Вы, конечно, хотите поскорее увидеть место происшествия. Поэтому едем, пока не стемнело, поговорим по дороге. Коляска нас ждет.

Через минуту удобное, изящное ландо катило нас по улицам старинного живописного городка. Инспектор Грегори с увлечением делился с Холмсом своими мыслями и соображениями; Холмс молчал, время от времени задавая ему вопросы. Полковник Росс в разговоре участия не при-

нимал, он сидел, откинувшись на спинку сиденья, скрестив руки на груди и надвинув шляпу на лоб. Я с интересом прислушивался к разговору двух детективов: версию, которую излагал сейчас Грегори, я уже слышал от Холмса в поезде.

– Петля вот-вот затянется вокруг шеи Фицроя Симпсона, – заключил Грегори, – Я лично считаю, что преступник он. С другой стороны, нельзя не признать, что все улики против него косвенные и что новые факты могут опровергнуть наши выводы.

– А нож Стрэкера?

– Мы склонились к мнению, что Стрэкер сам себя ранил, падая.

– Мой друг Уотсон высказал такое же предположение по пути сюда. Если так, это обстоятельство оборачивается против Симпсона.

– Разумеется. У него не нашли ни ножа, ни хотя бы самой пустяковой царапины на теле. Но улики против него, конечно, очень сильные. Он был в высшей степени заинтересован в исчезновении фаворита; никто, кроме него, не мог отравить конюха, ночью он попал где-то под сильный дождь, он был вооружен тяжелой тростью, и, наконец, его галстук был зажат в руке покойного. Улик, по-моему, достаточно, чтобы начать процесс.

Холмс покачал головой.

– Неглупый защитник не оставит от доводов обвинения камня на камне, – заметил он. – Зачем Симпсону нужно было выводить лошадь из конюшни? Если он хотел что-то с ней сделать, почему не сделал этого там? А ключ – разве у него нашли ключ? В какой аптеке продали ему порошок опиума? И наконец, где Симпсон, человек, впервые попавший в Дартмур, мог спрятать лошадь, да еще такую, как Серебряный? Кстати, что он говорит о бумажке, которую просил служанку передать конюху?

– Говорит, это была банкнота в десять фунтов. В его

кошельке действительно такую банкноту нашли. Что касается всех остальных ваших вопросов, ответить на них во все не так сложно, как вам кажется. Симпсон в этих краях не впервые – летом он дважды приезжал в Тависток. Опium он, скорее всего, привез из Лондона. Ключ, отперев конюшню, выкинул. А лошадь, возможно, лежит мертвая в одной из заброшенных шахт.

– Что он сказал о галстукe?

– Признался, что галстук его, но утверждает, что потерял его где-то в тот вечер. Но тут выяснилось еще одно обстоятельство, которое как раз и может объяснить, почему он увел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

– Мы установили, что примерно в миле от места убийства ночевал в ночь с понедельника на вторник табор цыган. Утром они снялись и ушли. Так вот, если предположить, что у Симпсона с цыганами был сговор, то напрашивается вывод, что именно к ним он и вел коня, когда его повстречал тренер, и что сейчас Серебряный у них, не так ли?

– Вполне вероятно.

– Плоскогорье сейчас прочесывается в поисках этих цыган. Кроме того, я осмотрел все конюшни и сараи в радиусе десяти миль от Тавистока.

– Тут ведь поблизости есть еще одна конюшня, где содержат скаковых лошадей?

– Совершенно верно, и это обстоятельство ни в коем случае не следует упускать из виду. Поскольку их жеребец Беспечный – второй претендент на кубок Уэссекса, исчезновение фаворита было его владельцу тоже очень выгодно. Известно, что, во-первых, кейплтонский тренер Сайлес Браун заключил несколько крупных пари на этот забег и что, во-вторых, дружбы с беднягой Стрэкером он никогда не водил. Мы, конечно, осмотрели его конюшню, но не обнаружили ничего, указывающего на причастность кейплтонского тренера к преступлению.

– И ничего, указывающего на связь Симпсона с кейплтонской конюшней?

– Абсолютно ничего.

Холмс уселся поглубже, и разговор прервался.

Через несколько минут экипаж наш остановился возле стоящего у дороги хорошенького домика из красного кирпича, с широким выступающим карнизом. За ним, по ту сторону загона, виднелось строение под серой черепичной крышей. Вокруг до самого горизонта тянулась волнистая равнина, буро-золотая от желтеющего папоротника, только далеко на юге подымались островерхие крыши Тавистока да к западу от нас стояло рядом несколько домиков кейплтонской конюшни. Мы все выпрыгнули из коляски, а Холмс так и остался сидеть, глядя прямо перед собой, поглощенный какими-то своими мыслями. Только когда я тронул его за локоть, он вздрогнул и стал вылезать.

– Простите меня, – обратился он к полковнику Россу, который глядел на моего друга с недоумением, – простите меня, я задумался.

По блеску глаз и волнению, которое он старался скрыть, я догадался, что он близок к разгадке, хотя и не представлял себе хода его мыслей.

– Вы, наверное, хотите первым делом осмотреть место происшествия, мистер Холмс? – предложил Грегори.

– Мне хочется побыть сначала здесь и уточнить несколько деталей. Стрэкера потом принесли сюда, не так ли?

– Да, он лежит сейчас наверху.

– Он служил у вас несколько лет, полковник?

– Я всегда был им очень доволен.

– Карманы убитого, вероятно, осмотрели, инспектор?

– Все вещи в гостиной. Если хотите, можете взглянуть.

– Да, благодарю вас.

В гостиной мы сели вокруг стоящего посреди комнаты стола. Инспектор отпер сейф и разложил перед нами его

содержимое: коробка восковых спичек, огарок свечи длинной в два дюйма, трубка из корня вереска, кожаный кисет и в нем пол-унции плиточного табаку, серебряные часы на золотой цепочке, пять золотых соверенов, алюминиевый наконечник для карандаша, какие-то бумаги, нож с ручкой из слоновой кости и очень тонким негнувшимся стальным лезвием, на котором стояла марка «Вайс и К°, Лондон».

– Очень интересный нож, – сказал Холмс, внимательно разглядывая его. – Судя по засохшей крови, это и есть тот самый нож, который нашли в руке убитого. Что вы о нем скажете, Уотсон? Такие ножи по вашей части.

– Это хирургический инструмент, так называемый катарактальный нож.

– Так я и думал. Тончайшее лезвие, предназначенное для тончайших операций. Не странно ли, что человек, отправляющийся защищаться от воров, захватил его с собой, – особенно если учесть, что нож не складывается?

– На кончик был надет кусочек пробки, мы его нашли возле трупа, – объяснил инспектор. – Жена Стрэкера говорит, нож лежал у них несколько дней на комодe, и, уходя ночью, Стрэкер взял его с собой. Оружие не ахти какое, но, вероятно, ничего другого у него под рукой в тот момент не было.

– Вполне возможно. Что это за бумаги?

– Три оплаченных счета за сено. Письмо полковника Росса с распоряжениями. А это счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов от портнихи, мадам Лезерье с Бонд-стрит, на имя Уильяма Дербишира. Миссис Стрэкер говорит, что Дербишир – приятель ее мужа и что время от времени письма для него приходили на их адрес.

– У миссис Дербишир весьма дорогие вкусы, – заметил Холмс, просматривая счет. – Двадцать две гинеи за один туалет многовато. Ну что ж, тут как будто все, теперь отправимся на место преступления.

Мы вышли из гостиной, и в этот момент стоящая в ко-

ридоре женщина шагнула вперед и тронула инспектора за рукав. На ее бледном, худом лице лежал отпечаток пережитого ужаса.

– Нашли вы их? Поймали? – Голос ее сорвался.

– Пока нет, миссис Стрэкер. Но вот только что из Лондона приехал мистер Холмс, и мы надеемся с его помощью найти преступника.

– По-моему, мы с вами не так давно встречались, миссис Стрэкер, – помните, в Плимуте, на банкете? – спросил Холмс.

– Нет, сэр, вы ошибаетесь.

– В самом деле? А мне показалось, это были вы. На вас было стального цвета шелковое платье, отделанное страусовыми перьями.

– У меня никогда не было такого платья, сэр!

– А-а, значит, я обознался. – И, извинившись, Холмс последовал за инспектором во двор.

Несколько минут ходьбы по тропинке среди кустов привели нас к оврагу, в котором нашли труп. У края его рос куст дрока, на котором в то утро миссис Стрэкер и служанка заметили плащ убитого.

– Ветра в понедельник ночью как будто не было, – сказал Холмс.

– Ветра – нет, но шел сильный дождь.

– В таком случае плащ не был заброшен ветром на куст, его кто-то положил сюда.

– Да, он был аккуратно сложен.

– А знаете, это очень интересно! На земле много следов. Я вижу, с понедельника здесь побывало много народу.

– Мы вставали только на рогожу. Она лежала вот здесь, сбоку.

– Превосходно.

– В этой сумке ботинок, который был в ту ночь на Стрэкере, ботинок Фицроя Симпсона и подкова Серебряного.

– Дорогой мой инспектор, вы превзошли самого себя!

Холмс взял сумку, спустился в яму и подвинул рогожу поближе к середине. Потом улегся на нее и, подперев руками подбородок, принялся внимательно изучать истоптанную глину.

– Ага! – вдруг воскликнул он. – Это что?

Холмс держал в руках восковую спичку, покрытую таким слоем грязи, что с первого взгляда ее можно было принять за сучок.

– Не представляю, как я проглядел ее, – с досадой сказал инспектор.

– Ничего удивительного! Спичка была втоптана в землю. Я заметил ее только потому, что искал.

– Как! Вы знали, что найдете здесь спичку?

– Я не исключал такой возможности.

Холмс вытащил ботинки из сумки и стал сравнивать подошвы со следами на земле. Потом он выбрался из ямы и пополз, раздвигая кусты.

– Боюсь, больше никаких следов нет, – сказал инспектор. – Я все здесь осмотрел самым тщательным образом. В радиусе ста ярдов.

– Ну что же, – сказал Холмс, – я не хочу быть невежливым и не стану еще раз все осматривать. Но мне бы хотелось, пока не стемнело, побродить немного по долине, чтобы лучше ориентироваться здесь завтра. Подкову я возьму себе в карман на счастье.

Полковник Росс, с некоторым нетерпением следивший за спокойными и методичными действиями Холмса, взглянул на часы.

– А вы, инспектор, пожалуйста, пойдите со мной. Я хочу с вами посоветоваться. Меня сейчас волнует, как быть со списками участников забега. По-моему, наш долг перед публикой – вычеркнуть оттуда имя Серебряного.

– Ни в коем случае! – решительно возразил Холмс. – Пусть останется.

Полковник поклонился.

– Я чрезвычайно благодарен вам за совет, сэр. Когда закончите свою прогулку, найдете нас в домике несчастного Стрэкера, и мы вместе вернемся в Тависток.

Они направились к дому, а мы с Холмсом медленно пошли вперед. Солнце стояло над самыми крышами кейплтонской конюшни; перед нами полого спускалась к западу равнина, то золотистая, то красновато-бурая от осенней ежевики и папоротника. Но Холмс, погруженный в глубокую задумчивость, не замечал прелести пейзажа.

– Вот что, Уотсон, – промолвил он наконец, – мы пока оставим вопрос, кто убил Стрэкера, и будем думать, что произошло с лошадей. Предположим, Серебряный в момент преступления или немного позже ускакал. Но куда? Лошадь очень привязана к человеку. Предоставленный самому себе, Серебряный мог вернуться в Кингс-Пайленд или убежать в Кейплтон. Что ему делать одному в поле? И уж конечно, кто-нибудь да увидел бы его там. Теперь цыгане, – зачем им было красть его? Они чуть что прослышат – спешат улизнуть: полиции они боятся хуже чумы. Надежды продать такую лошадь, как Серебряный, у них нет. Украсть ее – большой риск, а выгоды – никакой. Это вне всякого сомнения.

– Где же тогда Серебряный?

– Я уже сказал, что он или вернулся в Кингс-Пайленд, или поскакал в Кейплтон. В Кингс-Пайленде его нет. Значит, он в Кейплтоне. Примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, куда она нас приведет. Земля здесь, как заметил инспектор, высохла и стала тверже камня, но местность слегка понижается к Кейплтону, и в той лощине ночью в понедельник, наверное, было очень сыро. Если наше предположение правильно, Серебряный скакал в этом направлении, и там нужно искать его следы.

Беседуя, мы быстро шли вперед и через несколько минут спустились в лощину. Холмс попросил меня обойти ее

справа, а сам взял левее, но не успел я сделать и пяти – десяти шагов, как он закричал мне и замахал рукой. На мягкой глине у его ног виднелся отчетливый конский след. Холмс вынул из кармана подкову, которая как раз припала по отпечатку.

– Вот что значит воображение, – улыбнулся Холмс. – Единственное качество, которого недостает Грегори. Мы представили себе, что могло бы произойти, стали проверять предположение, и оно подтвердилось. Идем дальше.

Мы перешли хлюпающее под ногами дно лощинки и с четверть мили шагали по сухому жесткому дерну. Снова начался небольшой уклон, и снова мы увидели следы, потом они исчезли и появились только через полмили, совсем близко от Кейплтона. Увидел их первым Холмс – он остановился и с торжеством указал на них рукой. Рядом с отпечатками копыт на земле виднелись следы человека.

– Сначала лошадь была одна! – вырвалось у меня.

– Совершенно верно, сначала лошадь была одна. Стойте! А это что?

Двойные следы человека и лошади резко повернули в сторону Кингс-Пайленда. Холмс свистнул. Мы пошли по следам. Он не подымал глаз от земли, но я повернул голову вправо и с изумлением увидел, что эти же следы шли и в обратном направлении.

– Один ноль в вашу пользу, Уотсон, – сказал Холмс, когда я указал ему на них, – теперь нам не придется делать крюк, который привел бы нас туда, где мы стоим. Пойдемте по обратному следу.

Нам не пришлось идти далеко. Следы кончились у асфальтовой дорожки, ведущей к воротам Кейплтона. Когда мы подошли к ним, нам навстречу выбежал конюх.

– Идите отсюда! – закричал он, – Нечего вам тут делать.

– Позвольте только задать вам один вопрос, – сказал Холмс, засовывая указательный и большой пальцы в кар-

ман жилета. – Если я приду завтра в пять часов утра пови-
дать вашего хозяина мистера Сайлеса Брауна, это будет не
слишком рано?

– Скажете тоже «рано», сэр. Мой хозяин подымается
ни свет ни заря. Да вот он и сам, поговорите с ним. Нет-
нет, сэр, он прогонит меня, если увидит, что я беру у вас
деньги. Лучше потом.

Только Шерлок Холмс опустил в карман полкроны, как
из калитки выскочил немолодой мужчина свирепого вида
с хлыстом в руке и закричал:

– Это что такое, Даусон? Сплетничаете, да? У вас дела,
что ли, нет? А вы какого черта здесь шляетесь?

– Чтобы побеседовать с вами, дорогой мой сэр. Всего
десять минут, – нежнейшим голосом проговорил Холмс.

– Некогда мне беседовать со всякими проходимцами!
Здесь не место посторонним! Убирайтесь, а то я сейчас
спущу на вас собаку.

Холмс нагнулся к его уху и что-то прошептал. Мистер
Браун вздрогнул и покраснел до корней волос.

– Ложь! – закричал он. – Гнусная, наглая ложь!

– Отлично! Ну что же, будем обсуждать это прямо
здесь, при всех, или вы предпочитаете пройти в дом?

– Ладно, идемте, если хотите.

Холмс улыбнулся.

– Я вернусь через пять минут, Уотсон. К вашим услу-
гам, мистер Браун.

Вернулся он, положим, через двадцать пять минут, и,
пока я его ждал, теплые краски вечера погасли. Тренер
тоже вышел с Холмсом, и меня поразила происшедшая с
ним перемена: лицо у него стало пепельно-серое, лоб по-
крылся каплями пота, хлыст прыгал в трясущихся руках.
Куда девалась наглая самоуверенность этого человека! Он
семенил за Холмсом, как побитая собака.

– Я все сделаю, как вы сказали, сэр. Все ваши указания
будут выполнены, – повторял он.

– Вы знаете, чем грозит слушание. – Холмс повернул к нему голову, и тот съежился под его взглядом.

– Что вы, что вы, сэр! Доставлю к сроку. Сделать все, как было раньше?

Холмс на минуту задумался, потом рассмеялся:

– Не надо, оставьте, как есть. Я вам напишу. И смотрите, без плутовства, иначе...

– О, верьте мне, сэр, верьте!

– Берегите как зеницу ока.

– Да, сэр, можете на меня положиться, сэр.

– Думаю, что могу. Завтра получите мои указания.

И Холмс отвернулся, не замечая протянутой ему дрожащей руки. Мы зашагали к Кингс-Пайленду.

– Такой великолепной смеси наглости, трусости и подлости, как у мистера Сайлеса Брауна, я давно не встречал, – сказал Холмс, устало шагая рядом со мной по склону.

– Значит, лошадь у него?

– Он сначала на дыбы взвился, отрицая все. Но я так подробно описал ему утро вторника, шаг за шагом, что он поверил, будто я все видел собственными глазами.

Вы, конечно, обратили внимание на необычные, как будто обрубленные носки у следов и на то, что на нем были именно такие ботинки. Кроме того, для простого слуги это был бы слишком дерзкий поступок... Я рассказал ему, как он, встав по обыкновению первым и выйдя в загон, увидел в поле незнакомую лошадь, как он пошел к ней и, не веря собственным глазам, увидел у нее на лбу белую отметину, из-за которой она и получила свою кличку – Серебряный, и как сообразил, что судьба отдает в его руки единственного соперника той лошади, на которую он поставил большую сумму. Потом я рассказал ему, что первым его побуждением было отвести Серебряного в Кингс-Пайленд, но тут дьявол стал нашептывать ему, что так легко увести лошадь и спрятать, пока не кончатся скачки, и тогда он повернул к Кейплтону и укрыл ее там. Когда он

все это услышал, он стал думать только о том, как спасти собственную шкуру.

– Да ведь конюшню осматривали!

– Ну, этот старый барышник обведет вокруг пальца кого угодно.

– А вы не боитесь оставлять лошадь в его руках? Он же с ней может что-нибудь сделать, ведь это в его интересах.

– Нет, мой друг, он в самом деле будет беречь ее как зеницу ока. В его интересах вернуть ее целой и невредимой. Это единственное, чем он может заслужить прощение.

– Полковник Росс не произвел на меня впечатления человека, склонного прощать врагам!

– Дело не в полковнике Россе. У меня свои методы, и я рассказываю ровно столько, сколько считаю нужным, – в этом преимущество моего неофициального положения. Не знаю, заметили ли вы или нет, Уотсон, но полковник держался со мной немного свысока, и мне хочется слегка позабавиться. Не говорите ему ничего о Серебряном.

– Конечно, не скажу, раз вы не хотите.

– Но все это пустяки по сравнению с вопросом, кто убил Джона Стрэкера.

– Вы сейчас им займетесь?

– Напротив, мой друг, мы с вами вернемся сегодня ночным поездом в Лондон.

Слова Холмса удивили меня. Мы пробыли в Дартмуре всего несколько часов, он так успешно начал распутывать клубок и вдруг хочет все бросить. Я ничего не понимал. До самого дома тренера мне не удалось вытянуть из Холмса ни слова. Полковник с инспектором дожидались нас в гостиной.

– Мой друг и я возвращаемся ночным поездом в Лондон, – заявил Холмс. – Приятно было подышать прекрасным воздухом Дартмура.

Инспектор широко раскрыл глаза, а полковник скривил губы в презрительной усмешке.

– Значит, вы сложили оружие. Считаете, что убийцу несчастного Стрэкера арестовать невозможно, – сказал он.

– Боюсь, это сопряжено с очень большими трудностями. – Холмс пожал плечами. – Но я совершенно убежден, что во вторник ваша лошадь будет бежать, и прошу вас предупредить жокея, чтобы он был готов. Могу я взглянуть на фотографию мистера Джона Стрэкера?

Инспектор извлек из кармана конверт и вынул оттуда фотографию.

– Дорогой Грегори, вы предупреждаете все мои желания! Если позволите, господа, я оставлю вас на минуту, мне нужно задать вопрос служанке Стрэкеров.

– Должен признаться, ваш лондонский советчик меня разочаровал, – с прямолинейной резкостью сказал полковник Росс, как только Холмс вышел из комнаты. – Не вижу, чтобы с его приездом дело продвинулось хоть на шаг.

– По крайней мере вам дали слово, что ваша лошадь будет бежать, – вмешался я.

– Слово-то мне дали, – пожал плечами полковник. – Я предпочел бы лошадь, а не слово.

Я открыл было рот, чтобы защитить своего друга, но в эту минуту он вернулся.

– Ну вот, господа, – заявил он. – Я готов ехать.

Один из конюхов отворил дверцу коляски. Холмс сел рядом со мной и вдруг перегнулся через борт и тронул конюха за рукав.

– У вас есть овцы, я вижу, – сказал он. – Кто за ними ходит?

– Я, сэр.

– Вы не замечали, с ними последнее время ничего не случилось?

– Да нет, сэр, как будто ничего, только вот три начали хромать, сэр.

Холмс засмеялся, потирая руки, чем-то очень довольный.

– Неплохо придумано, Уотсон, очень неплохо! – Он незаметно подтолкнул меня плечом. – Грегори, позвольте рекомендовать вашему вниманию странную эпидемию, поразившую овец. Поехали.

Лицо полковника Росса по-прежнему выражало, какое невысокое мнение составил он о талантах моего друга, зато инспектор так и встрепенулся.

– Вы считаете это обстоятельство важным? – спросил он.

– Чрезвычайно важным.

– Есть еще какие-то моменты, на которые вы советовали бы мне обратить внимание?

– На странное поведение собаки в ночь преступления.

– Собаки? Но она никак себя не вела!

– Это-то и странно, – сказал Холмс.

...Четыре дня спустя мы с Холмсом снова сидели в поезде, мчащемся в Винчестер, где должен был разыгрываться кубок Уэссекса. Полковник Росс ждал нас, как и было условлено, в своем экипаже четверкой у вокзала на площади. Мы поехали за город, где был беговой круг. Полковник был мрачен, держался в высшей степени холодно.

– Никаких известий о моей лошади до сих пор нет, – заявил он.

– Надеюсь, вы ее узнаете, когда увидите? Полковник вспылил:

– Я могу описать вам одну за другой всех лошадей, участвовавших в скачках за последние двадцать лет. Моего фаворита, с его отметиной на лбу и белым пятном на правой передней бабке, узнает каждый ребенок!

– А как ставки?

– Происходит что-то непонятное. Вчера ставили пятнадцать к одному, утром разрыв начал быстро сокращаться, не знаю, удержатся ли сейчас на трех к одному.

– Хм, – сказал Холмс, – сомнений нет, кто-то что-то пронюхал.

Коляска подъехала к ограде, окружающей главную трибуну. Я взял афишу и стал читать:

«ПРИЗ УЭССЕКСА»

Жеребцы четырех и пяти лет. Дистанция 1 миля 5 ферлонгов. 50 фунтов подписных. Первый приз – 1000 фунтов. Второй приз – 300 фунтов. Третий приз – 200 фунтов.

1. Негр – владелец Хит Ньютон; наездник – красный шлем, песочный камзол.

2. Боксер – владелец полковник Уордлоу; наездник – оранжевый шлем, камзол васильковый, рукава черные.

3. Беспечный – владелец лорд Бэкуотер; наездник – шлем и рукава камзола желтые.

4. Серебряный – владелец полковник Росс; наездник – шлем черный, камзол красный.

5. Хрусталь – владелец герцог Балморал; наездник – шлем желтый, камзол черный с желтыми полосами.

6. Озорник – владелец лорд Синглфорд; наездник – шлем фиолетовый, рукава камзола черные».

– Мы вычеркнули Баярда, нашу вторую лошадь, которая должна была бежать, полагаясь на ваш совет, – сказал полковник. – Но что это? Фаворит сегодня Серебряный?

– Серебряный – пять к четырем! – неслось с трибун. – Серебряный – пять к четырем! Беспечный пятнадцать к пяти! Все остальные – пять к четырем!

– Лошади на старте! – закричал я. – Смотрите, все шесть!

– Все шесть! Значит, Серебряный бежит! – воскликнул полковник в сильнейшем волнении. – Но я не вижу его. Моих цветов пока нет.

– Вышло только пятеро. Вот, наверное, он, – сказал я, и в эту минуту из падока крупной рысью выбежал велико-

лепный гнедой жеребец и пронесся мимо нас. На наезднике были цвета полковника, известные всей Англии.

– Это не моя лошадь! – закричал полковник Росс. – На ней нет ни единого белого пятнышка! Объясните, что происходит, мистер Холмс!

– Посмотрим, как он возьмет, – невозмутимо сказал Холмс. Несколько минут он не отводил бинокля от глаз... – Прекрасно! Превосходный старт! – вдруг воскликнул он. – Вот они, смотрите, поворачивают!

Из коляски нам было хорошо видно, как лошади вышли на прямой участок круга. Они шли так кучно, что всех их, казалось, можно накрыть одной попоной, но вот на половине прямой желтый цвет лорда Бэкуотера вырвался вперед. Однако ярдах в тридцати от того места, где стояли мы, жеребец полковника обошел Беспечного и оказался у финиша на целых шесть корпусов впереди. Хрусталь герцога Балморала с большим отрывом пришел третьим.

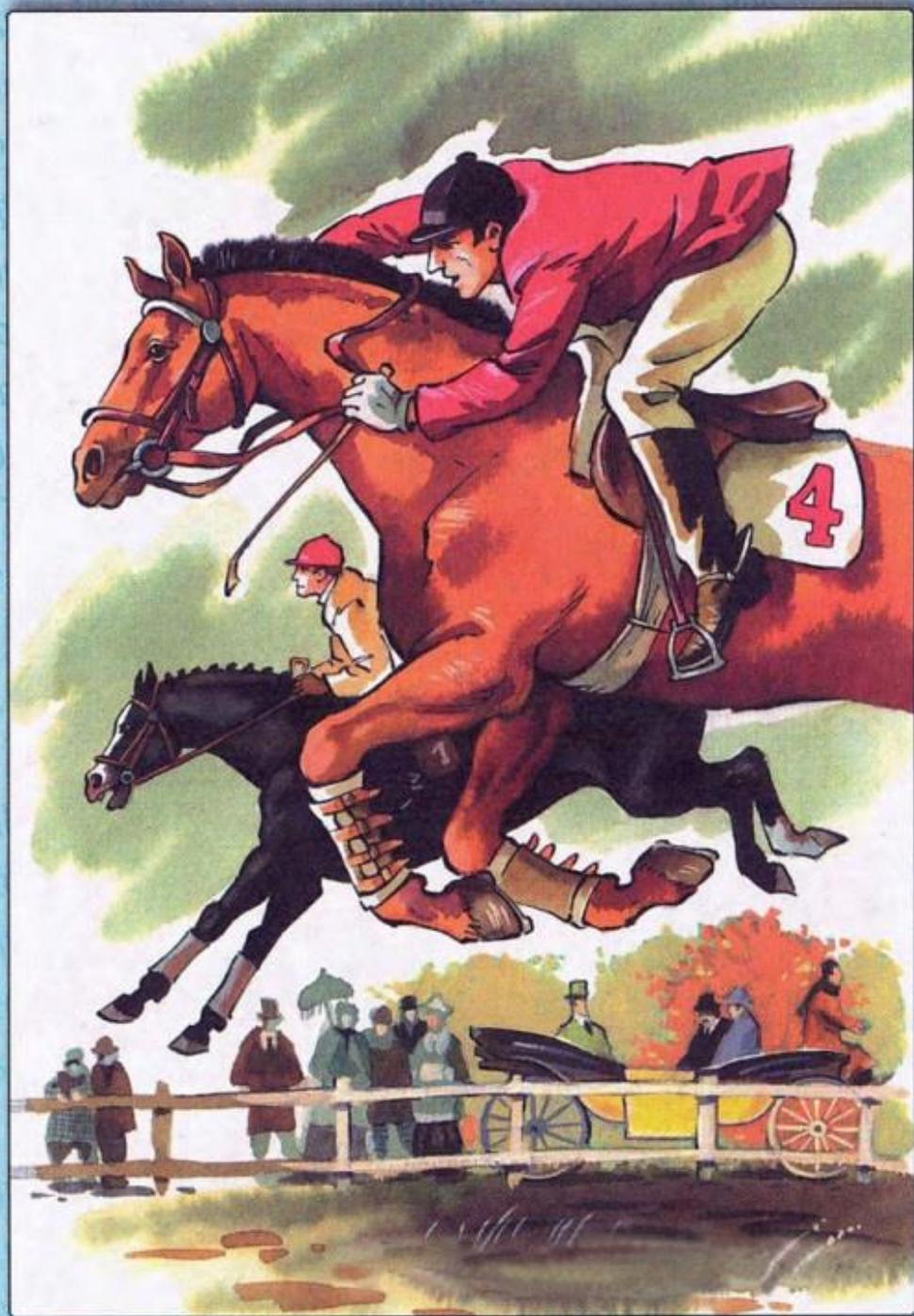
– Как бы там ни было, кубок мой, – прошептал полковник, проводя ладонью по глазам. – Убейте меня, если я хоть что-нибудь понимаю. Вам не кажется, мистер Холмс, что вы уже достаточно долго мистифицируете меня?

– Вы правы, полковник. Сейчас вы все узнаете. Пойдемте поглядим на лошадь все вместе. Вот он, – продолжал Холмс, входя в падок, куда впускали только владельцев лошадей и их друзей. – Стоит лишь потереть ему лоб и бабку спиртом – и вы узнаете Серебряного.

– Что!

– Ваша лошадь попала в руки мошенника, я нашел ее и взял на себя смелость выпустить на поле в том виде, как ее сюда доставили.

– Дорогой сэръ, вы совершили чудо! Лошадь в великолепной форме. Никогда в жизни она не шла так хорошо, как сегодня. Приношу вам тысячу извинений за то, что усомнился в вас. Вы оказали мне величайшую услугу, вер-

Великолепный гнедой жеребец пронесся мимо нас. На наезднике были цвета полковника, известные всей Англии.

— Это не моя лошадь! — закричал полковник Росс. — На ней нет ни единого белёго пятнышка! Что происходит, мистер Холмс!

нув жеребца. Еще большую услугу вы мне окажете, если найдете убийцу Джона Стрэкера.

– Я его нашел, – спокойно сказал Холмс.

Полковник и я в изумлении раскрыли глаза.

– Нашли убийцу! Так где же он?

– Он здесь.

– Здесь! Где же?!

– В настоящую минуту я имею честь находиться в его обществе.

Полковник вспыхнул.

– Я понимаю, мистер Холмс, что многим обязан вам, но эти слова я могу воспринять только как чрезвычайно неудачную шутку или как оскорбление.

Холмс расхохотался.

– Ну что вы, полковник, у меня и в мыслях не было, что вы причастны к преступлению! Убийца собственной персоной стоит у вас за спиной.

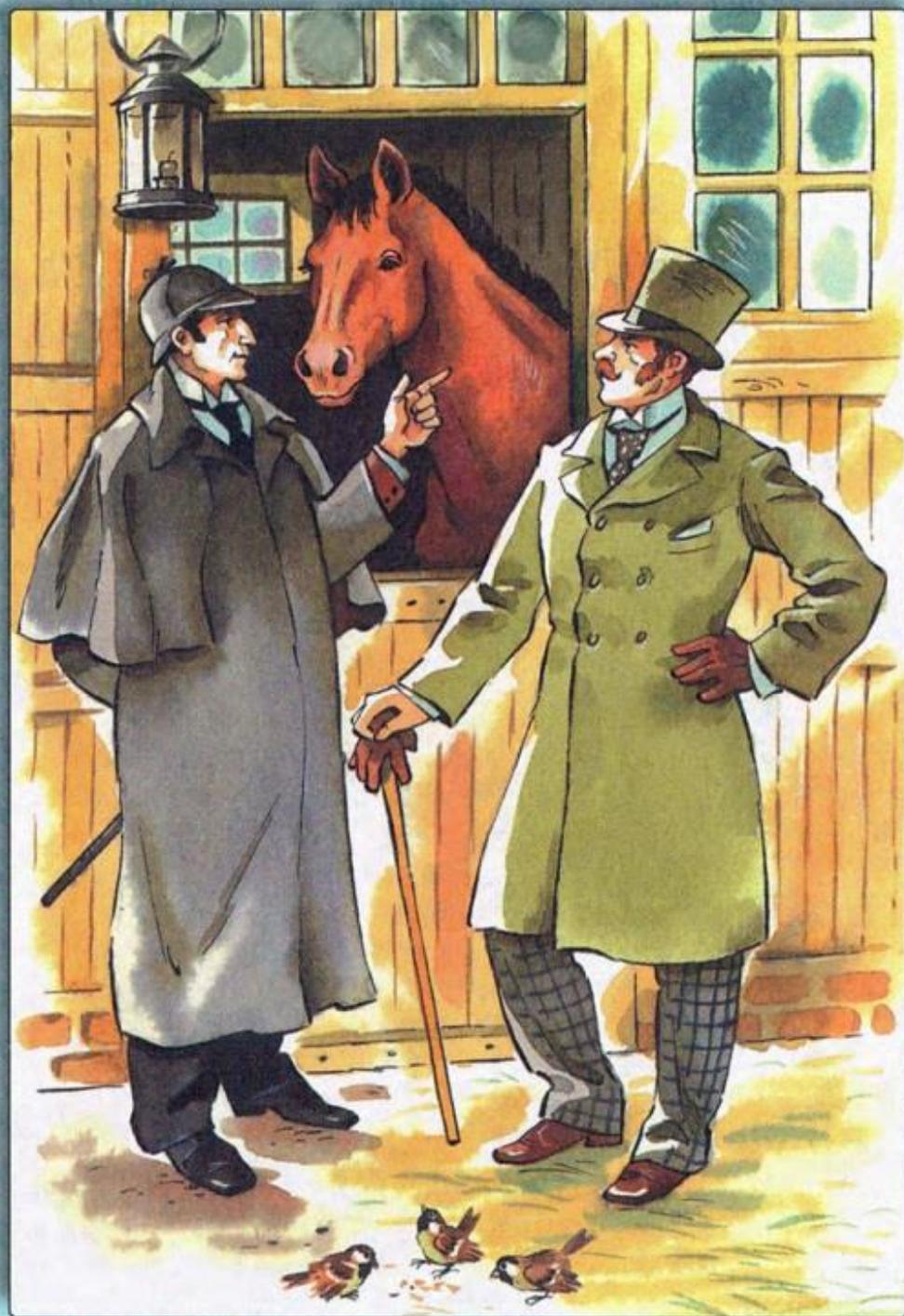
Он шагнул вперед и положил руку на лоснящуюся холку скакуна.

– Убийца – лошадь! – в один голос вырвалось у нас с полковником.

– Да, лошадь. Но вину Серебряного смягчает то, что он совершил убийство из самозащиты и что Джон Стрэкер был совершенно недостоин вашего доверия... Но я слышу звонок. Отложим подробный рассказ до более подходящего момента. В следующем забеге я надеюсь немного выиграть.

Возвращаясь вечером того дня в купе пульмановского вагона, мы не заметили, как поезд привез нас в Лондон, – с таким интересом слушали мы с полковником рассказ о том, что произошло в дартмурских конюшнях в понедельник ночью и как Холмс разгадал тайну.

– Должен признаться, – говорил Холмс, – что все версии, которые я составил на основании газетных сообще-

Холмс расхохотался.

— Ну что вы, полковник, у меня и в мыслях не было, что вы причастны к преступлению! Убийца собственной персоной стоит у вас за спиной.

ний, оказались ошибочными. А ведь можно было даже исходя из них нащупать вехи, если бы не ворох подробностей, которые газеты спешили обрушить на головы читателей. Я приехал в Девоншир с уверенностью, что преступник – Фицрой Симпсон, хотя и понимал, что улики против него очень неубедительны. Только когда мы подъехали к домику Стрэкера, я осознал важность того обстоятельства, что на ужин в тот вечер была баранина с чесночным соусом. Вы, вероятно, помните мою рассеянность – все вышли из коляски, а я продолжал сидеть, ничего не замечая. Так я был поражен, что чуть было не прошел мимо столь очевидной улики...

– Признаться, – прервал его полковник, – я и сейчас не понимаю, при чем здесь эта баранина.

– Она была первым звеном в цепочке моих рассуждений. Порошок опиума вовсе не безвкусен, а запах его не то чтобы неприятен, но достаточно силен. Если его подсыпать в пищу, человек сразу почувствует и скорее всего есть не станет. Чесночный соус – именно то, что может заглушить запах опиума. Вряд ли можно найти какую-нибудь зависимость между появлением Фицроя Симпсона в тех краях именно в тот вечер с бараниной под чесночным соусом на ужин в семействе Стрэкеров. Остается предположить, что он случайно захватил с собой в тот вечер порошок опиума. Но такая случайность относится уже к области чудес. Так что этот вариант исключен. Значит, Симпсон оказывается вне подозрения, но зато в центр внимания попадают Стрэкер и его жена – единственные люди, кто мог выбрать на ужин баранину с чесноком. Опиум подсыпали конюху прямо в тарелку, потому что все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели то же самое блюдо без всяких последствий. Кто-то всыпал опиум, пока служанка не видела. Кто же? Тогда я вспомнил, что собака молчала в ту ночь. Как вы догадываетесь, эти два обстоятельства теснейшим образом связаны. Из рассказа о появ-

лении Фицроя Симпсона в Кингс-Пайленде явствовало, что в конюшне есть собака, но она почему-то не залаяла и не разбудила спящих на сеновале конюхов, когда в конюшню кто-то вошел и увел лошадь. Несомненно, собака хорошо знала ночного гостя. Я уже был уверен – или, если хотите, почти уверен, – что ночью в конюшню вошел и увел Серебряного Джон Стрэкер. Но какая у него была цель? Явно бесчестная, иначе зачем ему было усыплять собственного помощника? Однако что он задумал? Этого я еще не понимал. Известно немало случаев, когда тренеры ставят большие суммы против своих же лошадей через подставных лиц и с помощью какого-нибудь мошенничества не дают им выиграть. Иногда они подкупают жокея, и тот придерживает лошадь, иногда прибегают к более хитрым и верным приемам. Что хотел сделать Стрэкер? Я надеялся, что содержимое его карманов поможет в этом разобраться. Так и случилось. Вы помните, конечно, тот странный нож, который мы нашли в руке убитого, нож, которым человек, находясь в здравом уме, никогда бы не воспользовался в качестве оружия, будь то для защиты или для нападения. Это был, как подтвердил наш доктор Уотсон, хирургический инструмент для очень тонких операций. В ту ночь им и должны были проделать одну из таких операций. Вы, разумеется, полковник, знаете, – ведь вы опытный лошажник, – что можно проколоть сухожилие на ноге лошади так искусно, что на коже не останется никаких следов. Лошадь после такой операции будет слегка хропать, а все припишут хромоту ревматизму или чрезмерным тренировкам, но никому и в голову не придет заподозрить здесь чей-то злой умысел.

– Негодяй! Мерзавец! – вскричал полковник.

– Почувствовав укол ножа, такой горячий жеребец, как Серебряный, взвился бы и разбудил своим криком и мертвого. Нужно было проделать операцию подальше от людей, вот почему Джон Стрэкер и увел Серебряного в поле.

– Я был слеп, как крот! – горячился полковник. – Ну, конечно, для того-то ему и понадобилась свеча, для того-то он и зажигал спичку.

– Несомненно. А осмотр его вещей помог мне установить не только способ, которым он намеревался совершить преступление, но и причины, толкнувшие его на это. Вы, полковник, как человек, хорошо знающий жизнь, согласитесь со мной, что довольно странно носить у себя в бумажнике чужие счета. У всех нас хватает собственных забот. Из этого я заключил, что Стрэкер вел двойную жизнь. Счет показал, что в деле замешана женщина, вкусы которой требуют денег. Как ни щедро вы платите своим слугам, полковник, трудно представить, чтобы они могли платить по двадцать гиней за туалет своей любовницы. Я незаметно расспросил миссис Стрэкер об этом платье и, удостоверившись, что она его в глаза не видела, записал адрес портнихи. Я был уверен, что, когда покажу ей фотографию Стрэкера, таинственный Дербишир развеется, как дым. Теперь уже клубок стал разматываться легко. Стрэкер завел лошадь в овраг, чтобы огня свечи не было видно. Симпсон, убегая, потерял галстук, Стрэкер увидел его и для чего-то подобрал, может быть, хотел завязать лошади ногу. Спустившись в овраг, он чиркнул спичкой за крупом лошади, но, испуганное внезапной вспышкой, животное, почувствовавшее к тому же опасность, рванулось прочь и случайно ударило Стрэкера копытом в лоб. Стрэкер, несмотря на дождь, уже успел снять плащ, – операция ведь предстояла тонкая. Падая от удара, он поранил себе бедро. Мой рассказ убедителен?

– Невероятно! – воскликнул полковник. – Просто невероятно! Вы как будто все видели собственными глазами!

– И последнее, чтобы поставить точки над *i*. Мне пришло в голову, что такой осторожный человек, как Стрэкер, не взялся бы за столь сложную операцию, как прокол сухожилия, не попрактиковавшись предварительно. На ком

он мог практиковаться в Кингс-Пайленде? Я увидел овец в загоне, спросил конюха, не случилось ли с ними чего в последнее время. Его ответ в точности подтвердил мое предположение. Я даже сам удивился.

– Теперь я понял все до конца, мистер Холмс!

– В Лондоне я зашел к портнихе и показал фотографию Стрэкера. Она сразу же узнала его, сказала, что это один из ее постоянных клиентов и зовут его мистер Дербишир. Жена у него большая модница и обожает дорогие туалеты. Не сомневаюсь, что он влез по уши в долги и решился на преступление именно из-за этой женщины.

– Вы не объяснили только одного, – сказал полковник, – где была лошадь?

– Ах, лошадь... Она убежала, и ее приютил один из ваших соседей. Думаю, мы должны проявить к нему снисхождение. Мы сейчас проезжаем Клэпем, не так ли? Значит, до вокзала Виктории минут десять. Если вы зайдете к нам выкурить сигару, полковник, я с удовольствием дополню свой рассказ интересующими вас подробностями.

ГОРБУН

Однажды летним вечером, спустя несколько месяцев после моей женитьбы, я сидел у камина и, покуривая последнюю трубку, дремал над каким-то романом – весь день я был на ногах и устал до потери сознания. Моя жена поднялась наверх, в спальню, да и прислуга уже отправилась на покой – я слышал, как запирали входную дверь. Я встал и начал было выколачивать трубку, как раздался звонок.

Я взглянул на часы. Было без четверти двенадцать. Поздновато для гостя. Я подумал, что зовут к пациенту и, чего доброго, придется сидеть всю ночь у его постели. С недовольной гримасой я вышел в переднюю, отворил дверь. И страшно удивился – на пороге стоял Шерлок Холмс.

– Уотсон, – сказал он, – я надеялся, что вы еще не спите.

– Рад вас видеть, Холмс.

– Вы удивлены, и не мудрено! Но, я полагаю, у вас отлегло от сердца! Гм... Вы курите все тот же табак, что и в холостяцкие времена. Ошибки быть не может: на вашем костюме пушистый пепел. И сразу видно, что вы привыкли носить военный мундир, Уотсон. Вам никогда не выдать себя за чистокровного штатского, пока вы не бросите привычки засовывать платок за обшлаг рукава. Вы меня приютите сегодня?

– С удовольствием.

– Вы говорили, что у вас есть комната для одного гостя, и, судя по вешалке для шляп, она сейчас пустует.

– Я буду рад, если вы останетесь у меня.

– Спасибо. В таком случае я повешу свою шляпу на свободный крючок. Вижу, у вас в доме побывал рабочий. Значит, что-то стряслось. Надеюсь, канализация в порядке?

– Нет, это газ...

– Ага! На вашем линолеуме остались две отметины от гвоздей его башмаков... как раз в том месте, куда падает свет. Нет, спасибо, я уже поужинал в Ватерлоо, но с удовольствием выкурю с вами трубку.

Я вручит ему свой кисет, и он, усевшись напротив, некоторое время молча курил. Я прекрасно знал, что привести его ко мне в столь поздний час могло только очень важное дело, и терпеливо ждал, когда он сам заговорит.

– Вижу, сейчас вам много приходится заниматься вашим прямым делом, – сказал он, бросив на меня пронизательный взгляд.

– Да, сегодня был особенно тяжелый день, – ответил я и, подумав, добавил: – Возможно, вы сочтете это глупым, но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся.

– Я ведь знаю ваши привычки, мой дорогой Уотсон, – сказал он. – Когда у вас мало визитов, вы ходите пешком, а когда много – берете кэб. А так как я вижу, что ваши ботинки не грязные, а лишь немного запылились, то я, ни минуты не колеблясь, делаю вывод, что в настоящее время у вас работы по горло и вы ездите в кэбе.

– Превосходно! – воскликнул я.

– И совсем просто, – добавил он. – Это тот самый случай, когда можно легко поразить воображение собеседника, упускающего из виду какое-нибудь небольшое обстоятельство, на котором, однако, зиждется весь ход рассуждений. То же самое, мой дорогой Уотсон, можно сказать и о ваших рассказах, интригующих читателя только потому, что вы намеренно умалчиваете о некоторых подробностях. Сейчас я нахожусь в положении этих самых читателей, так как держу в руках несколько нитей одного очень странного дела, объяснить которое можно, только зная все его обстоятельства. И я их узнаю, Уотсон, непременно узнаю!

Глаза его заблестели, впалые щеки слегка зарумянились. На мгновение на лице его отразился огонь его беспокойной, страстной натуры. Но тут же погас.

И лицо опять стало бесстрастной маской, как у индейца. О Холмсе часто говорили, что он не человек, а машина.

– В этом деле есть интересные особенности, – добавил он. – Я бы даже сказал – исключительно интересные особенности. Мне кажется, я уже близок к его раскрытию. Остается выяснить немного. Если бы вы согласились поехать со мной, вы оказали бы мне большую услугу.

– С великим удовольствием.

– Могли бы вы отправиться завтра в Олдершот?

– Конечно. Я уверен, что Джексон не откажется посетить моих пациентов.

– Поедем поездом, который отходит от Ватерлоо в десять часов одиннадцать минут.

– Прекрасно. Я как раз успею договориться с Джексоном.

– В таком случае, если вы не очень хотите спать, я коротко расскажу вам, что случилось и что нам предстоит.

– До вашего прихода мне очень хотелось спать. А теперь сна ни в одном глазу.

– Я буду краток, но постараюсь не упустить ничего важного. Возможно, вы читали в газетах об этом происшествии. Я имею в виду предполагаемое убийство полковника Барклея из полка «Роял Мэллоуз», расквартированного в Олдершоте.

– Нет, не читал.

– Значит, оно еще не получило широкой огласки. Не успело. Полковника нашли мертвым всего два дня назад. Факты вкратце таковы.

Как вы знаете, «Роял Меллоуз» – один из самых славных полков британской армии. Он отличился и в Крымскую кампанию, и во время восстания сипаев. До прошлого понедельника им командовал Джеймс Барклей, доблестный ветеран, который начал службу рядовым солдатом, был за храбрость произведен в офицеры и в конце концов стал командиром полка, в который пришел новобранцем.

Полковник Барклей женился, будучи еще сержантом. Его жена, в девичестве мисс Нэнси Дэвой, была дочерью отставного сержанта-знаменщика, когда-то служившего в той же части. Нетрудно себе представить, что в офицерской среде молодую пару приняли не слишком благожелательно. Но они, по-видимому, быстро освоились. Насколько мне известно, миссис Барклей всегда пользовалась расположением полковых дам, а ее супруг – своих сослуживцев-офицеров. Я могу еще добавить, что она была очень красива, и даже теперь, через тридцать лет, она все еще очень привлекательна.

Полковник Барклей был, по-видимому, всегда счастлив

в семейной жизни. Майор Мерфи, которому я обязан большей частью своих сведений, уверяет меня, что он никогда не слышал ни о каких размолвках этой четы. Но, в общем, он считает, что Барклей любил свою жену больше, чем она его. Расставаясь с ней даже на один день, он очень тосковал. Она же, хотя и была ему нежной и преданной женой, относилась к нему более ровно. В полку их считали образцовой парой. В их отношениях не было ничего такого, что могло бы хоть отдаленно намекнуть на возможность трагедии.

Характер у полковника Барклея был весьма своеобразный. Обычно веселый и общительный, этот старый служака временами становился вспыльчивым и злопамятным. Однако эта черта его характера, по-видимому, никогда не проявлялась по отношению к жене. Майора Мерфи и других трех офицеров из пяти, с которыми я беседовал, поражало угнетенное состояние, порой овладевавшее полковником. Как выразился майор, среди шумной и веселой застольной беседы нередко будто чья-то невидимая рука вдруг стирала улыбку с его губ. Когда на него находило, он по многу дней пребывал в сквернейшем настроении. Была у него в характере еще одна странность, замеченная сослуживцами, – он боялся оставаться один, и особенно в темноте. Эта ребяческая черта у человека, несомненно обладавшего мужественным характером, вызывала толки и всякого рода догадки.

Первый батальон полка «Роял Меллоуз» квартировал уже несколько лет в Олдершоте. Женатые офицеры жили не в казармах, и полковник все это время занимал виллу Лэчайн, находящуюся примерно в полумиле от Северного лагеря. Дом стоит в глубине сада, но его западная сторона всего ярдах в тридцати от дороги. Прислуга в доме – кучер, горничная и кухарка. Только они да их господин с госпожой жили в Лэчайн. Детей у Барклеев не было, а гости у них останавливались нечасто.

А теперь я расскажу о событиях, которые произошли в Лэчайн в этот понедельник между девятью и десятью часами вечера.

Миссис Барклей была, как оказалось, католичка и принимала горячее участие в деятельности благотворительного общества «Сент-Джордж», основанного при церкви на Уот-стрит, которое собирало и раздавало беднякам поношенную одежду. Заседание общества было назначено в тот день на восемь часов вечера, и миссис Барклей пообедала наскоро, чтобы не опоздать. Выходя из дому, она, по словам кучера, перекинулась с мужем несколькими ничего не значащими словами и обещала долго не задерживаться. Потом она зашла за мисс Моррисон, молодой женщиной, жившей в соседней вилле, и они вместе отправились на заседание, которое продолжалось минут сорок. В четверть десятого миссис Барклей вернулась домой, расставшись с мисс Моррисон у дверей виллы, в которой та жила.

Гостиная виллы Лэчайн обращена к дороге, и ее большая стеклянная дверь выходит на газон, имеющий в ширину ярдов тридцать и отдаленный от дороги невысокой железной оградой на каменном основании. Вернувшись, миссис Барклей пошла именно в эту комнату. Шторы не были опущены, так как в ней редко сидят по вечерам, но миссис Барклей сама зажгла лампу, а затем позвонила и попросила горничную Джейн Стюарт принести ей чашку чая, что было совершенно не в ее привычках. Полковник был в столовой; услышав, что жена вернулась, он пошел к ней. Кучер видел, как он, миновав холл, вошел в комнату. Больше его в живых не видели.

Минут десять спустя чай был готов, и горничная понесла его в гостиную. Подойдя к двери, она с удивлением услышала гневные голоса хозяина и хозяйки. Она постучала, но никто не откликнулся. Тогда она повернула ручку, однако дверь оказалась запертой изнутри. Горничная, разумеется, побежала за кухаркой. Обе женщины, позвав

кучера, поднялись в холл и стали слушать. Ссора продолжалась. За дверью, как показывают все трое, раздавались только два голоса – Барклея и его жены. Барблей говорил тихо и отрывисто, так что ничего нельзя было разобрать. Хозяйка же очень гневалась, и, когда повышала голос, слышно ее было хорошо. «Вы трус! – повторяла она снова и снова. – Что же теперь делать? Верните мне жизнь. Я не могу больше дышать с вами одним воздухом! Вы трус, трус!» Вдруг послышался страшный крик, это кричал хозяин, потом грохот и, наконец, душераздирающий вопль хозяйки. Уверенный, что случилась беда, кучер бросился к двери, за которой не утихали рыдания, и пытался высадить ее. Дверь не поддавалась. Служанки от страха совсем потеряли голову, и помощи от них не было никакой. Кучер вдруг сообразил, что в гостиной есть вторая дверь, выходящая в сад. Он бросился из дому. Одна из створок двери была открыта – дело обычное по летнему времени, – и кучер в мгновение ока очутился в комнате. На софе без чувств лежала его госпожа, а рядом с задранными на кресло ногами, с головой в луже крови на полу у каминной решетки распростерлось тело хозяина. Несчастный полковник был мертв.

Увидев, что хозяину уже ничем не поможешь, кучер решил первым делом отпереть дверь в холл. Но тут перед ним возникло странное и неожиданное препятствие. Ключа в двери не было. Его вообще не было нигде в комнате. Тогда кучер вышел через наружную дверь и отправился за полицейским и врачом. Госпожу, на которую, разумеется, прежде всего пало подозрение, в бессознательном состоянии отнесли в ее спальню. Тело полковника положили на софу, а место происшествия тщательно осмотрели.

На затылке полковника была обнаружена большая рваная рана, нанесенная каким-то тупым орудием. Каким – догадаться было нетрудно. На полу, рядом с трупом, валялась необычного вида дубинка, вырезанная из твердого

Кучер в мгновение ока очутился в комнате. На софе без чувств лежала его госпожа, а рядом на полу у каминной решетки распростерлось тело хозяина. Несчастный полковник был мертв.

дерева, с костяной ручкой. У полковника была коллекция всевозможного оружия, вывезенного из разных стран, где ему приходилось воевать, и полицейские предположили, что дубинка принадлежит к числу его трофеев. Однако слуги утверждают, что прежде они этой дубинки не видели. Но так как в доме полно всяких диковинных вещей, то возможно, что они проглядели одну из них. Ничего больше полицейским обнаружить в комнате не удалось. Неизвестно было, куда девался ключ: ни в комнате, ни у миссис Барклей, ни у ее несчастного супруга его не нашли. Дверь в конце концов пришлось открывать местному слесарю.

Таково было положение вещей, Уотсон, когда во вторник утром я по просьбе майора Мерфи отправился в Олдершот, чтобы помочь полиции. Думаю, вы согласитесь со мной, что дело уже было весьма интересное, но, ознакомившись с ним подробнее, я увидел, что оно представляет исключительный интерес.

Перед тем как осмотреть комнату, я допросил слуг, но ничего нового от них не узнал. Только горничная Джейн Стюарт припомнила одну важную подробность. Услышав, что господа ссорятся, она пошла за кухаркой и кучером, если вы помните. Хозяин и хозяйка говорили очень тихо, так что о ссоре она догадалась скорее по их раздраженному тону, чем по тому, что они говорили.

Но благодаря моей настойчивости она все-таки вспомнила одно слово из разговора хозяев: миссис Барклей дважды произнесла имя «Давид». Это очень важное обстоятельство – оно дает нам ключ к пониманию причины ссоры. Ведь полковника, как вы знаете, звали Джеймс.

В деле есть также обстоятельство, которое произвело сильнейшее впечатление и на слуг и на полицейских. Лицо полковника искажил смертельный страх. Grimаса была так ужасна, что мороз подирал по коже. Было ясно, что полковник видел свою судьбу, и это повергло его в неопи-

суемый ужас. Это, в общем, вполне вязалось с версией полиции о виновности жены, если, конечно, допустить, что полковник видел, кто наносит ему удар. А тот факт, что рана оказалась на затылке, легко объяснили тем, что полковник пытался увернуться. Миссис Барклей ничего объяснить не могла: после пережитого потрясения она находилась в состоянии временного беспамятства, вызванного нервной лихорадкой.

От полицейских я узнал еще, что мисс Моррисон, которая, как вы помните, возвращалась в тот вечер домой вместе с миссис Барклей, заявила, что ничего не знает о причине плохого настроения своей приятельницы.

Узнав все это, Уотсон, я выкурил несколько трубок подряд, пытаюсь понять, что же главное в этом нагромождении фактов. Прежде всего бросается в глаза странное исчезновение дверного ключа. Самые тщательные поиски в комнате оказались безрезультатными. Значит, нужно предположить, что его унесли. Но ни полковник, ни его супруга не могли этого сделать. Это ясно. Значит, в комнате был кто-то третий. И этот третий мог проникнуть внутрь только через стеклянную дверь. Я сделал вывод, что тщательное обследование комнаты и газона могло бы обнаружить какие-нибудь следы этого таинственного незнакомца. Вы знаете мои методы, Уотсон.

Я применил их все и нашел следы, но совсем не те, что ожидал. В комнате действительно был третий – он пересек газон со стороны дороги. Я обнаружил пять отчетливых следов его обуви – один на самой дороге, в том месте, где он перелезал через невысокую ограду, два на газоне и два, очень слабых, на крашенных ступенях лестницы, ведущей к двери, в которую он вошел. По газону он, по всей видимости, бежал, потому что отпечатки носков гораздо более глубокие, чем отпечатки каблуков. Но поразил меня не столько этот человек, сколько его спутник.

– Спутник?

Холмс достал из кармана большой лист папиросной бумаги и тщательно расправил его на колене.

– Как вы думаете, что это такое? – спросил он.

На бумаге были следы лап какого-то маленького животного. Хорошо заметны были отпечатки пяти пальцев и отметины, сделанные длинными когтями. Каждый след достигал размеров десертной ложки.

– Это собака, – сказал я.

– А вы когда-нибудь слышали, чтобы собака взбиралась вверх по портьерам? Это существо оставило следы и на портьере.

– Тогда обезьяна?

– Но это не обезьяньи следы.

– В таком случае что бы это могло быть?

– Ни собака, ни кошка, ни обезьяна, ни какое бы то ни было другое известное нам животное! Я пытался представить себе его размеры. Вот четыре отпечатка, когда зверек стоял неподвижно. Вы видите, расстояние от передних лап до задних не менее пятнадцати дюймов. Добавьте к этому длину шеи и головы – и вы получите зверька длиной около двух футов, а возможно, и больше, если у него есть хвост. Теперь взгляните вот на эти следы. Они дают нам длину его шага, которая, как видите, постоянна и составляет всего три дюйма. А это значит, что у зверька длинное тело и очень короткие лапы. К сожалению, он не позаботился оставить нам где-нибудь хотя бы один волосок. Но, в общем, его внешний вид ясен, он может лазить по портьерам. И, кроме того, наш таинственный зверь – существо плотоядное.

– А это почему?

– А потому, что над дверью, занавешенной портьерой, висит клетка с канарейкой. И зверек, конечно, взобрался по шторе вверх, рассчитывая на добычу.

– Какой же это все-таки зверь?

– Если бы я это узнал, дело было бы почти раскрыто. Я

думаю, что этот зверек из семейства ласок или горностаев. Но если память не изменяет мне, он больше и ласки и горностаев.

– А в чем заключается его участие в этом деле?

– Пока не могу сказать. Но согласитесь, нам уже многое известно. Мы знаем, во-первых, что какой-то человек стоял на дороге и наблюдал за ссорой Барклеев: ведь шторы были подняты, а комната освещена. Мы знаем также, что он перебежал через газон в сопровождении какого-то странного зверька и либо ударил полковника, либо, что тоже вероятно, полковник, увидев нежданного гостя, так испугался, что лишился чувств и упал, ударившись затылком об угол каминной решетки. И, наконец, мы знаем еще одну интересную деталь: незнакомец, побывавший в этой комнате, унес с собой ключ.

– Но ваши наблюдения и выводы, кажется, еще больше запутали дело, – заметил я.

– Совершенно верно. Но они с несомненностью показали, что первоначальные предположения неосновательны. Я продумал все снова и пришел к заключению, что должен рассмотреть это дело с иной точки зрения. Впрочем, Уотсон, вам давно уже пора спать, а все остальное я могу с таким же успехом рассказать вам завтра по пути в Олдершот.

– Покорно благодарю, вы остановились на самом интересном месте.

– Ясно, что, когда миссис Барклей уходила в половине восьмого из дому, она не была сердита на мужа.

Кажется, я упоминал, что она никогда не питала к нему особенно нежных чувств, но кучер слышал, как она, уходя, вполне дружелюбно болтала с ним. Вернувшись же, она тотчас пошла в комнату, где меньше всего надеялась застать супруга, и попросила чаю, что говорит о расстроенных чувствах. А когда в гостиную вошел полковник, разразилась буря. Следовательно, между половиной вось-

мого и девятью часами случилось что-то такое, что совершенно переменяло ее отношение к нему. Но в течение всего этого времени с нею неотлучно была мисс Моррисон, из чего следует, что мисс Моррисон должна что-то знать, хотя она и отрицает это.

Сначала я предположил, что у молодой женщины были с полковником какие-то отношения, в которых она и призналась его жене. Это объясняло, с одной стороны, почему миссис Барклей вернулась домой разгневанная, а с другой – почему мисс Моррисон отрицает, что ей что-то известно. Это соображение подкреплялось и словами миссис Барклей, сказанными во время ссоры. Но тогда при чем здесь какой-то Давид? Кроме того, полковник любил свою жену, и трудно было предположить существование другой женщины. Да и трагическое появление на сцене еще одного мужчины вряд ли имеет связь с предполагаемым признанием мисс Моррисон. Нелегко было выбрать свое верное направление. В конце концов я отверг предположение, что между полковником и мисс Моррисон что-то было. Но убеждение, что девушка знает причину внезапной ненависти миссис Барклей к мужу, стало еще сильнее. Тогда я решил пойти прямо к мисс Моррисон и сказать ей, что я не сомневаюсь в ее осведомленности и что ее молчание может дорого обойтись миссис Барклей, которой наверняка предъявят обвинение в убийстве.

Мисс Моррисон оказалась воздушным созданием с белокурыми волосами и застенчивым взглядом, но ей ни в коем случае нельзя было отказать ни в уме, ни в здравом смысле. Выслушав меня, она задумалась, потом повернулась ко мне с решительным видом и сказала мне следующие замечательные слова.

– Я дала миссис Барклей слово никому ничего не говорить. А слово надо держать, – сказала она. – Но если я могу ей помочь, когда против нее выдвигается такое серьезное обвинение, а она сама, бедняжка, не способна защи-

тить себя из-за болезни, то, я думаю, мне будет прости-тельно нарушить обещание. Я расскажу вам абсолютно все, что случилось с нами в понедельник вечером.

Мы возвращались из церкви на Уот-стрит примерно без четверти девять. Надо было идти по очень пустынной улочке Хадсон-стрит. Там на левой стороне горит всего один фонарь, и, когда мы приближались к нему, я увидела сильно сгорбленного мужчину, который шел нам навстречу с каким-то ящиком, висевшим через плечо. Это был калека, весь скрюченный, с кривыми ногами. Мы поравнялись с ним как раз в том месте, где от фонаря падал свет. Он поднял голову, посмотрел на нас, остановился как вкопанный и закричал душераздирающим голосом: «О боже, ведь это же Нэнси!» Миссис Барклей побелела как мел и упала бы, если бы это ужасное существо не подхватило ее. Я уже было хотела позвать полицейского, но, к моему удивлению, они заговорили вполне мирно.

«Я была уверена, Генри, все эти тридцать лет, что тебя нет в живых», – сказала миссис Барклей дрожащим голосом.

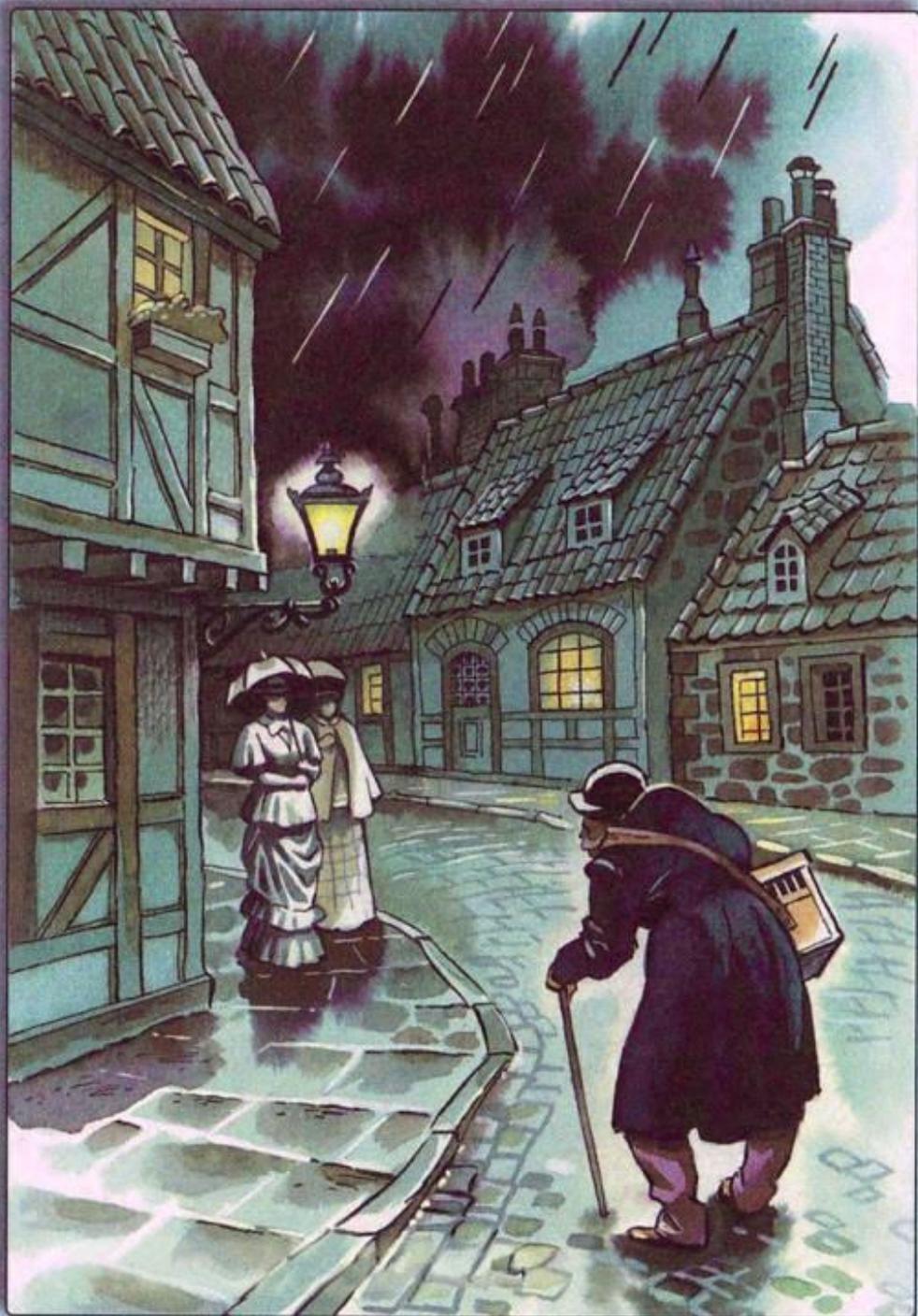
«Так оно и есть».

Эти слова были сказаны таким тоном, что у меня сжалось сердце. У несчастного было очень смуглое и сморщенное, как печеное яблоко, лицо, совсем седые волосы и бакенбарды, а сверкающие его глаза до сих пор преследуют меня по ночам.

«Иди домой, дорогая, я тебя догоню, – сказала миссис Барклей. – Мне надо поговорить с этим человеком наедине. Бояться нечего».

Она бодрилась, но по-прежнему была смертельно бледна, и губы у нее дрожали.

Я пошла вперед, а они остались. Говорили они всего несколько минут. Скоро миссис Барклей догнала меня, глаза ее горели. Я обернулась: несчастный калека стоял под фонарем и яростно потрясал сжатыми кулаками, точ-

Это был калека, весь скрюченный, с кривыми ногами. Он поднял голову, посмотрел на нас, остановился как вкопанный и закричал душераздирающим голосом: «О боже, ведь это же Нэнси!»

но он потерял рассудок. До самого моего дома она не произнесла ни слова и только у калитки взяла меня за руку и стала умолять никому не говорить о встрече. «Это мой старый знакомый. Ему очень не повезло в жизни», – сказала она.

Я пообещала ей, что не скажу никому ни слова, тогда она поцеловала меня и ушла. С тех пор мы с ней больше не виделись. Я рассказала вам всю правду, и если я скрыла ее от полиции, так только потому, что не понимала, какая опасность грозит миссис Барклей. Теперь я вижу, что ей можно помочь, только рассказав все без утайки.

Вот что я узнал от мисс Моррисон. Как вы понимаете, Уотсон, ее рассказ был для меня лучом света во мраке ночи. Все прежде разрозненные факты стали на свои места, и я уже смутно предугадывал истинный ход событий. Было очевидно, что я должен немедленно разыскать человека, появление которого так потрясло миссис Барклей. Если он все еще в Олдершоте, то сделать это было бы нетрудно. Там живет не так уж много штатских, а калека, конечно, привлекает к себе внимание. Я потратил на поиски день и к вечеру нашел его. Это Генри Вуд. Он снимает квартиру на той самой улице, где его встретили дамы. Живет он там всего пятый день. Под видом служащего регистратуры я зашел к его квартирной хозяйке, и та выболтала мне весьма интересные сведения. По профессии этот человек – фокусник; по вечерам он обходит солдатские кабачки и дает в каждом небольшое представление. Он носит с собой в ящике какое-то животное. Хозяйка очень боится его, потому что никогда не видела подобного существа. По ее словам, это животное участвует в некоторых его трюках. Вот и все, что удалось узнать у хозяйки, которая еще добавила, что удивляется, как он, такой изуродованный, вообще живет на свете, и что по ночам он говорит иногда на каком-то незнакомом языке, а две последние ночи – она слышала – он стонал и рыдал у себя в спальне. Что же ка-

сается денег, то они у него водятся, хотя в задаток он дал ей, похоже, фальшивую монету. Она показала мне монету, Уотсон. Это была индийская рупия.

Итак, мой дорогой друг, вы теперь точно знаете, как обстоит дело и почему я просил вас поехать со мной. Очевидно, что, после того как дамы расстались с этим человеком, он пошел за ними следом, что он наблюдал за ссорой между мужем и женой через стеклянную дверь, что он ворвался в комнату и что животное, которое он носит с собой в ящике, каким-то образом очутилось на свободе. Все это не вызывает сомнений. Но самое главное – он единственный человек на свете, который может рассказать нам, что же, собственно, произошло в комнате.

– И вы собираетесь расспросить его?

– Безусловно... но в присутствии свидетеля.

– И этот свидетель я?

– Если вы будете так любезны. Если он все откровенно расскажет, то и хорошо. Если же нет, нам ничего не останется, как требовать его ареста.

– Но почему вы думаете, что он будет еще там, когда мы приедем?

– Можете быть уверены, я принял некоторые меры предосторожности. Возле его дома стоит на часах один из моих мальчишек с Бейкер-стрит. Он вцепится в него, как клещ, и будет следовать за ним, куда бы он ни пошел. Так что мы встретимся с ним завтра на Хадсон-стрит, Уотсон. Ну, а теперь... С моей стороны было бы преступлением, если бы я сейчас же не отправил вас спать.

...Мы прибыли в городок, где разыгралась трагедия, ровно в полдень, и Шерлок Холмс сразу же повел меня на Хадсон-стрит. Несмотря на его умение скрывать свои чувства, было заметно, что он едва сдерживает волнение, да и сам я испытывал полуспортивный азарт, то захватывающее любопытство, которое я всегда испытывал, участвуя в расследованиях Холмса.

– Это здесь, – сказал он, свернув на короткую улицу, застроенную простыми двухэтажными кирпичными домами. – А вот и Симпсон. Послушаем, что он скажет.

– Он в доме, мистер Холмс! – крикнул, подбежав к нам, мальчишка.

– Прекрасно, Симпсон! – сказал Холмс и погладил его по голове. – Пойдем, Уотсон. Вот этот дом.

Он послал свою визитную карточку с просьбой принять его по важному делу, и немного спустя мы уже стояли лицом к лицу с тем самым человеком, ради которого приехали сюда. Несмотря на теплую погоду, он льнул к пылавшему камину, а в маленькой комнате было жарко, как в духовке. Весь скрюченный, сгорбленный, человек этот сидел на стуле в невообразимой позе, не оставлявшей сомнений, что перед нами калека. Но его лицо, обращенное к нам, хотя и было изможденным и загорелым до черноты, носило следы красоты замечательной. Он подозрительно посмотрел на нас желтоватыми, говорящими о больной печени глазами и, молча, не вставая, показал рукой на два стула.

– Я полагаю, что имею дело с мистером Генри Вудом, недавно прибывшим из Индии? – вежливо осведомился Холмс. – Я пришел по небольшому делу, связанному со смертью полковника Барклея.

– А какое я имею к этому отношение?

– Вот это я и должен установить. Я полагаю, вы знаете, что если истина не откроется, то миссис Барклей, ваш старый друг, предстанет перед судом по обвинению в убийстве?

Человек вздрогнул.

– Я не знаю, кто вы, – закричал он, – и как вам удалось узнать то, что вы знаете, но клянётесь ли вы, что сказали правду?

– Конечно. Ее хотят арестовать, как только к ней вернется разум.

– Господи! А вы сами из полиции?

– Нет.

– Тогда какое же вам дело до всего этого?

– Стараться, чтобы свершилось правосудие, – долг каждого человека.

– Я даю вам слово, что она невиновна.

– В таком случае виновны вы.

– Нет, и я невиновен.

– Тогда кто же убил полковника Барклея?

– Он пал жертвой самого провидения. Но знайте же: если бы я вышиб ему мозги, что, в сущности, я мечтал сделать, то он только получил бы по заслугам. Если бы его не поразила удар от сознания собственной вины, весьма возможно, я бы сам обагрив руки его кровью. Хотите, чтобы я рассказал вам, как все было? А почему бы и не рассказать? Мне стыдиться нечего.

Дело было так, сэр. Вы видите, спина у меня сейчас горбатая, как у верблюда, а ребра все срослись вкривь и вкось, но было время, когда капрал Генри Вуд считался одним из первых красавцев в сто семнадцатом пехотном полку. Мы тогда были в Индии, стояли лагерем возле городка Бхарти. Барклея, который умер на днях, был сержантом в той роте, где служил я, а первой красавицей полка... да и вообще самой чудесной девушкой на свете была Нэнси Дэвой, дочь сержанта-знаменщика. Двое любили ее, а она любила одного; вы улыбнетесь, взглянув на несчастного калеку, скрючившегося у камина, который говорит, что когда-то он был любим за красоту.

Но хотя я и покорила ее сердце, отец ее хотел, чтобы она вышла замуж за Барклея. Я был ветреный мальчик, отчаянная голова, а он имел образование и уже был намечен к производству в офицеры. Но Нэнси была верна мне, и мы уже думали пожениться, как вдруг вспыхнул бунт и страна превратилась в ад кромешный.

Нас осадили в Бхарти – наш полк, полубатарей артил-

лерию, роту сикхов и множество женщин и всяких гражданских. Десять тысяч бунтовщиков стремились добраться до нас с жадностью своры терьеров, окруживших клетку с крысами. Примерно на вторую неделю осады у нас кончилась вода, и было сомнительно, чтобы мы могли снестись с колонной генерала Нилла, которая отступала в глубь страны. В этом было наше единственное спасение, так как надежды пробиться со всеми женщинами и детьми не было никакой. Тогда я вызвался пробраться сквозь осаду и известить генерала Нилла о нашем бедственном положении. Мое предложение было принято; я посоветовался с сержантом Барклеем, который, как считалось, лучше всех знал местность, и он объяснил мне, как лучше пробраться через линии бунтовщиков. В тот же вечер, в десять часов, я отправился в путь. Мне предстояло спасти тысячи жизней, но в тот вечер я думал только об одной.

Мой путь лежал по руслу пересохшей речки, которое, как мы надеялись, скроет меня от часовых противника, но только я ползком одолел первый поворот, как наткнулся на шестерых бунтовщиков, которые, притаившись в темноте, поджидали меня. В то же мгновение удар по голове оглушил меня. Очнулся я у врагов, связанный по рукам и ногам. И тут я получил смертельный удар в самое сердце: прислушавшись к разговору врагов, я понял, что мой товарищ, тот самый, что помог мне выбрать путь через вражеские позиции, предал меня, известив противника через своего слугу-туземца.

Стоит ли говорить, что было дальше? Теперь вы знаете, на что был способен Джеймс Барклей. На следующий день подоспел на выручку генерал Нилл, и осада была снята, но, отступая, бунтовщики захватили меня с собой. И прошло много-много лет, прежде чем я снова увидел белые лица. Меня пытали, я бежал, меня поймали и снова пытали. Вы видите, что они со мной сделали. Потом бунтовщики бежали в Непал и меня потащили с собой. В кон-

це концов я очутился в горах за Дарджилингом. Но горцы перебили бунтовщиков, и я стал пленником горцев, покуда не убежал. Путь оттуда был только один – на север. И я оказался у афганцев. Там я бродил много лет и в конце концов вернулся в Пенджаб, где жил по большей части среди туземцев и зарабатывал на хлеб, показывая фокусы, которым я к тому времени научился. Зачем было мне, жалкому калеке, возвращаться в Англию и искать старых товарищей? Даже жажда мести не могла заставить меня решиться на этот шаг. Я предпочитал, чтобы Нэнси и мои старые друзья думали, что Генри Вуд умер с прямой спиной, я не хотел предстать перед ними похожим на обезьяну. Они не сомневались, что я умер, и мне хотелось, чтобы они так и думали. Я слышал, что Барклей женился на Нэнси и что он сделал блестящую карьеру в полку, но даже это не могло вынудить меня заговорить.

Но когда приходит старость, человек начинает тосковать по родине. Долгие годы я мечтал о ярких зеленых полях и живых изгородях Англии. И я решил перед смертью повидать их еще раз. Я скопил на дорогу денег и вот поселился здесь, среди солдат, – я знаю, что им надо, знаю, чем их позабавить, и заработанного вполне хватает мне на жизнь.

– Ваш рассказ очень интересен, – сказал Шерлок Холмс. – О вашей встрече с миссис Барклей и о том, что вы узнали друг друга, я уже слышал. Как я могу судить, поговорив с миссис Барклей, вы пошли за ней следом и стали свидетелем ссоры между женой и мужем. В тот вечер миссис Барклей бросила в лицо мужу обвинение в совершенной когда-то подлости. Целая буря чувств вскипела в вашем сердце, вы не выдержали, бросились к дому и ворвались в комнату...

– Да, сэр, все именно так и было. Когда он увидел меня, лицо у него исказилось до неузнаваемости. Он покачнулся и тут же упал на спину, ударившись затылком о ка-

минную решетку. Но он умер не от удара, смерть поразила его сразу, как только он увидел меня. Я это прочел на его лице так же просто, как читаю сейчас вон ту надпись над камином. Мое появление было для него выстрелом в сердце.

– А потом?

– Нэнси потеряла сознание, я взял у нее из руки ключ, думая отпереть дверь и позвать на помощь. Вложив ключ в скважину, я вдруг сообразил, что, пожалуй, лучше оставить все как есть и уйти, ведь дело очень легко может обернуться против меня. И уж, во всяком случае, секрет мой, если бы меня арестовали, стал бы известен всем. В спешке я опустил ключ в карман, а лова Тедди, который успел взобраться на портьеру, потерял палку. Сунув его в ящик, откуда он каким-то образом улизнул, я бросился вон из этого дома со всей быстротой, на какую были способны мои ноги.

– Кто этот Тедди? – спросил Холмс.

Горбун наклонился и выдвинул переднюю стенку ящика, стоявшего в углу. Тотчас из него показался красивый красновато-коричневый зверек, тонкий и гибкий, с лапками горноста, с длинным, тонким носом и парой самых прелестных глазок, какие я только видел у животных.

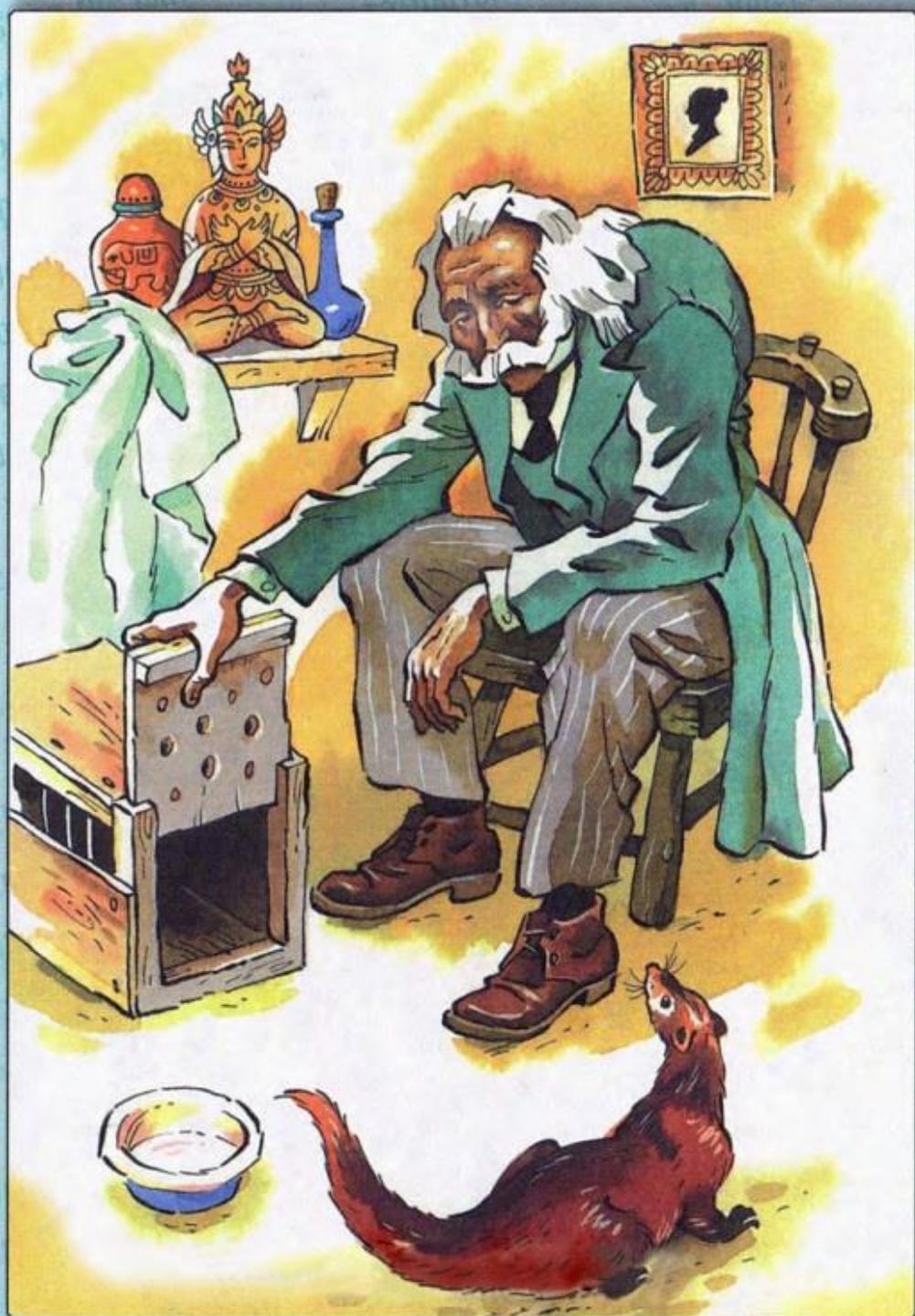
– Это же мангуста! – воскликнул я.

– Да, – кивнув головой, сказал горбун. – Одни называют его мангустой, а другие фараоновой мышью. Змеелов – вот как зову его я. Тедди замечательно быстро расправляется с кобрами. У меня здесь есть одна, у которой вырваны ядовитые зубы. Тедди ловит ее каждый вечер, забавляя солдат. Есть еще вопросы, сэр?

– Ну что ж, возможно, мы еще обратимся к вам, но только в том случае, если миссис Барклей придется действительно туго.

– Я всегда к вашим услугам.

– Если же нет, то вряд ли стоит ворошить прошлую

Горбун наклонился и выдвинул переднюю стенку ящика. Тотчас из него показался красивый красновато-коричневый зверек, тонкий и гибкий, с длинным, тонким носом и парой прелестных глазок.
— Это же мангуста! — воскликнул Холмс.

жизнь покойного, как бы отвратителен ни был его поступок. У вас по крайней мере есть то удовлетворение, что он тридцать лет мучился угрызениями совести. А это, кажется, майор Мерфи идет по той стороне улицы? До свидания, Вуд. Хочу узнать, нет ли каких новостей со вчерашнего дня.

Мы догнали майора, прежде чем он успел завернуть за угол.

– А, Холмс, – сказал он. – Вы уже, вероятно, слышали, что весь этот переполох кончился ничем.

– Да? Но что же все-таки выяснилось?

– Медицинская экспертиза показала, что смерть наступила от апоплексии. Как видите, дело оказалось самое простое.

– Да, проще не может быть, – сказал, улыбаясь, Холмс. – Пойдем, Уотсон, домой. Не думаю, чтобы наши услуги еще были нужны в Оддершоте.

– Но вот что странно, – сказал я по дороге на станцию. – Если мужа звали Джеймсом, а того несчастного – Генри, то при чем здесь Давид?

– Мой дорогой Уотсон, одно это имя должно было бы раскрыть мне глаза, будь я тем идеальным логиком, каким вы меня любите описывать. Это слово было брошено в упрек.

– В упрек?

– Да. Как вам известно, библейский Давид⁵ то и дело сбивался с пути истинного и однажды забрел туда же, куда и сержант Джеймс Барклей. Помните то небольшое дельце с Урией и Вирсавией? Боюсь, я изрядно подзабыл Библию, но, если мне не изменяет память, вы его найдете в Первой или Второй Книге Царств.

⁵ Согласно библейской легенде, израильско-иудейский царь Давид, чтобы взять себе в жены Вирсавию – жену военачальника Урии, послал его на верную смерть при осаде города Раввы.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ХОЛМСА

С тяжелым сердцем я приступаю к последним строкам этих записей, повествующих о необыкновенных талантах друга моего, мистера Шерлока Холмса.

Признаться, я хотел умолчать о событии, оставившем такую пустоту в моей жизни, что я ничем не мог ее заполнить, хотя с тех пор прошло уже два года. Но меня вынудили взяться за перо последние письма полковника Джеймса Мориарти, в которых он защищает память своего покойного брата. Я счел своим долгом изложить перед публикой все события так, как они происходили в действительности. Одному мне известна вся правда, и я рад, что настало время, когда уже нет причин скрывать ее.

Насколько мне известно, в газеты попало только три сообщения: заметка в «Журналь де Женев⁶» от 6 мая 1891 года, телеграмма агентства Рейтер⁷ в английской прессе от 7 мая и, наконец, недавние письма, о которых упомянуто выше. Из этих писем первое и второе чрезвычайно сокращены, а последнее – как я сейчас докажу – искажает подлинные факты. Моя обязанность поведать наконец миру о том, что действительно произошло между профессором Мориарти и мистером Шерлоком Холмсом.

Читатель, может быть, помнит, что сразу после моей женитьбы очень близкие отношения, существовавшие между мной и Холмсом, несколько изменились. Я занялся частной врачебной практикой. Он продолжал время от времени заходить ко мне, когда нуждался в спутнике для своих исследований, но это случалось все реже и реже, а в 1890 году я написал только три отчета о его приключениях.

Зимой этого года и в начале весны 1891-го газеты писали о том, что Холмс приглашен французским правитель-

⁶ «Журналь де Женев» – швейцарская газета.

⁷ Агентство Рейтер – крупное английское телеграфное агентство.

ством по чрезвычайно важному делу, и из полученных от него двух писем – из Нарбонна и Нима – я заключил, что, по-видимому, его пребывание во Франции сильно затянется. Поэтому я был несколько удивлен, когда вечером 24 апреля он внезапно появился у меня в кабинете. Мне сразу бросилось в глаза, что он еще более бледен и худ, чем обычно.

– Да, я порядком истощил свои силы, – сказал он, отвечая скорее на мой взгляд, чем на слова. – В последнее время мне приходилось трудновато... Что, если я закрою ставни?

Комната была освещена только настольной лампой, при которой я обычно читал. Осторожно двигаясь вдоль стены, Холмс обошел всю комнату, захлопывая ставни и тщательно замыкая их засовами.

– Вы чего-нибудь боитесь? – спросил я.

– Да, боюсь.

– Чего же?

– Духового ружья⁸.

– Дорогой мой Холмс, что вы хотите этим сказать?

– Мне кажется, Уотсон, вы достаточно хорошо меня знаете, и вам известно, что я не робкого десятка. Однако не считаться с угрожающей тебе опасностью – это скорее глупость, чем храбрость. Дайте мне, пожалуйста, спичку.

Он закурил папиросу, и, казалось, табачный дым благотворно подействовал на него.

– Во-первых, я должен извиниться за свой поздний визит, – сказал он. – И, кроме того, мне придется попросить у вас позволения совершить второй бесцеремонный поступок – перелезть через заднюю стенку вашего сада, ибо я намерен уйти от вас именно таким путем.

– Но что все это значит? – спросил я.

Он протянул руку ближе к лампе, и я увидел, что суставы двух его пальцев изранены и в крови.

⁸ Духовое ружье – ружье, действующее бесшумно, при помощи сжатого воздуха.

– Как видите, это не совсем пустяки, – сказал он с улыбкой. – Пожалуй, этак можно потерять и всю руку. А где миссис Уотсон? Дома?

– Нет, она уехала погостить к знакомым.

– Ага! Так, значит, вы один?

– Совершенно один.

– Если так, мне легче будет предложить вам поехать со мной на недельку на континент.

– Куда именно?

– Куда угодно. Мне решительно все равно.

Все это показалось мне как нельзя более странным. Холмс не имел обыкновения празднично проводить время, и что-то в его бледном, изнуренном лице говорило о дошедшем до предела нервном напряжении. Он заметил недоумение в моем взгляде и, опершись локтями о колени и сомкнув кончики пальцев, стал объяснять мне положение дел.

– Вы, я думаю, ничего не слышали о профессоре Мориарти? – спросил он.

– Нет.

– Гениально и непостижимо. Человек опутал своими сетями весь Лондон, и никто даже не слышал о нем. Это-то и поднимает его на недостижимую высоту в уголовном мире. Уверяю вас, Уотсон, что если бы мне удалось победить этого человека, если бы я мог избавить от него общество, это было бы венцом моей деятельности, я считал бы свою карьеру законченной и готов был бы перейти к более спокойным занятиям. Между нами говоря, Уотсон, последние два дела, давшие мне возможность оказать кое-какие услуги королевскому дому Скандинавии и республике Франции, предоставили мне средства вести образ жизни, более соответствующий моим склонностям, и всецело заняться опытами в области химии. Но я еще не могу отдыхать, я не могу спокойно сидеть в своем кресле, пока такой человек, как профессор Мориарти, свободно разгуливает по улицам Лондона.

– Что же он сделал?

– О, у него необычная биография! Он происходит из хорошей семьи, получил блестящее образование и от природы наделен феноменальными математическими способностями. Когда ему исполнился двадцать один год, он написал трактат о биноме Ньютона⁹, завоевавший ему европейскую известность. После этого он получил кафедру математики в одном из наших провинциальных университетов, и, по всей вероятности, его ожидала блестящая будущность. Но у него наследственное влечение к бесчеловечной жестокости. В его жилах течет кровь преступника. И эта жестокость стала еще более опасной благодаря его необыкновенному уму. Темные слухи ходили о нем в том университетском городке, где он преподавал, и в конце концов он был вынужден оставить кафедру и перебраться в Лондон, где стал готовить молодых людей к экзамену на офицерский чин... Это общеизвестные факты, а сейчас вы услышите, что мне удалось разузнать самому.

Как вам известно, Уотсон, никто не знает лондонского уголовного мира лучше меня. И вот уже с давнего времени я стал чувствовать, что за спиною у многих преступников существует неизвестная мне сила – могучая организующая сила, действующая наперекор закону под прикрытием подставных лиц. Сколько раз в самых разнообразных случаях, будь то подлог, ограбление или убийство, я ощущал присутствие этой силы и логическим путем обнаруживал ее следы также и в тех еще не распутанных преступлениях, к расследованию которых я не был непосредственно привлечен. В течение многих лет я пытался прорваться сквозь скрывавшую ее завесу, и вот пришло время, когда я нашел конец нити и начал распутывать узел, пока эта нить не привела меня после тысячи хитрых петель к бывшему профессору Мориарти, знаменитому математику.

⁹ Трактат о биноме Ньютона. – Трактат – ученое сочинение; бином Ньютона – алгебраическая формула.

Он – Наполеон преступного мира, Уотсон. Он – организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в этом городе. Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них. Сам он действует редко. Он только составляет план. Но его агенты многочисленны и великолепно организованы. Если кому-нибудь понадобится выкрасть документ, ограбить дом, убрать с дороги человека, – стоит только довести об этом до сведения профессора, и преступление будет подготовлено, а затем и выполнено. Агент может быть пойман. В таких случаях всегда находятся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но главный руководитель, тот, кто послал этого агента, никогда не попадетсся – он вне подозрений. Такова организация, Уотсон, существование которой я установил логическим путем, и всю свою энергию я отдал на то, чтобы обнаружить ее и сломить.

Но профессор хитро замаскирован и так великолепно защищен, что, несмотря на все мои старания, представить улики, достаточные для судебного приговора, невозможно. Вы знаете, на что я способен, милый Уотсон, и все же спустя три месяца я вынужден был признать, что наконец-то встретил достойного противника. Ужас, который внушали мне его преступления, почти уступил место восхищению перед его мастерством. Однако в конце концов он сделал промах, маленький, совсем маленький промах, – но ему нельзя было допускать и такого, так как за ним неотступно следил я. Разумеется, я воспользовался этим промахом и, взяв его за исходную точку, начал плести вокруг Мориарти свою сеть. Сейчас она почти готова, и через три дня, то есть в ближайший понедельник, все будет кончено – профессор вместе с главными членами своей шайки окажется в руках правосудия. А дотом начнется самый

крупный уголовный процесс нашего века. Разъяснится тайна более сорока загадочных преступлений, и все виновные понесут наказание. Но стоит поторопиться, сделать один неверный шаг – и они могут ускользнуть от нас даже в самый последний момент.

Все было бы хорошо, если бы я мог действовать так, чтобы профессор Мориарти не знал об этом. Но он слишком коварен. Ему становился известен каждый шаг, который я предпринимал для того, чтобы поймать его в свои сети. Много раз пытался он вырваться из них, но я каждый раз преграждал ему путь. Право же, друг мой, если бы подробное описание этой безмолвной борьбы могло появиться в печати, оно заняло бы свое место среди самых блестящих и волнующих книг в истории детектива. Никогда еще я не поднимался до такой высоты, и никогда еще не приходилось мне так туго от действий противника. Его удары были сильны, но я отражал их с еще большей силой. Сегодня утром я предпринял последние шаги, и мне нужны были еще три дня, только три дня, чтобы завершить дело. Я сидел у себя в комнате, обдумывая все это, как вдруг отворилась дверь. Передо мной стоял профессор Мориарти.

У меня стальные нервы, Уотсон, но, признаюсь, я не мог не вздрогнуть, увидев перед собой человека, занимавшего все мои мысли. Его наружность была хорошо знакома мне и прежде. Он очень тощ и высок. Лоб у него белый, огромный и выпуклый, глубоко запавшие глаза. Лицо гладко выбритое, бледное, аскетическое, – что-то еще осталось в нем от профессора Мориарти. Плечи сутулые – должно быть, от постоянного сидения за письменным столом, а голова выдается вперед и медленно, позмеинному, раскачивается из стороны в сторону. Его колючие глаза так и впились в меня.

«У вас не так развиты лобные кости, как я ожидал, – сказал он наконец. – Опасная это привычка, мистер

Холмс, держать заряженный револьвер в кармане собственного халата».

Действительно, когда он вошел, я сразу понял, какая огромная опасность мне угрожает: ведь единственная возможность спасения заключалась для него в том, чтобы заставить мой язык замолчать навсегда. Поэтому я молниеносно переложил револьвер из ящика стола в карман и в этот момент нащупывал его через сукно. После его замечания я вынул револьвер из кармана и, взведя курок, положил на стол перед собой. Мориарти продолжал улыбаться и щуриться, но что-то в выражении его глаз заставило меня радоваться близости моего оружия.

«Вы, очевидно, не знаете меня», – сказал он.

«Напротив, – возразил я, – мне кажется, вам нетрудно было понять, что я вас знаю. Присядьте, пожалуйста. Если вам угодно что-нибудь мне сказать, я могу уделить вам пять минут».

«Все, что я хотел вам сказать, вы уже угадали», – ответил он.

«В таком случае, вы, вероятно, уже угадали мой ответ».

«Вы твердо стоите на своем?»

«Совершенно твердо».

Он сунул руку в карман, а я взял со стола револьвер. Но он вынул из кармана только записную книжку, где были нацарапаны какие-то даты.

«Вы встали на моем пути четвертого января, – сказал он. – Двадцать третьего вы снова причинили мне беспокойство. В середине февраля вы очень серьезно потревожили меня. В конце марта вы совершенно расстроили мои планы. А сейчас из-за вашей непрерывной слежки я оказался в таком положении, что передо мной стоит реальная опасность потерять свободу. Так продолжаться не может».

«Что вы предлагаете?» – спросил я.

«Бросьте это дело, мистер Холмс, – сказал он, покачивая головой. – Право же, бросьте».

«После понедельника», – ответил я.

«Полноте, мистер Холмс. Вы слишком умны и, конечно, поймете меня: вам необходимо устраниться. Вы сами повели дело так, что другого исхода нет. Я испытал интеллектуальное наслаждение, наблюдая за вашими методами борьбы, и, поверьте, был бы огорчен, если бы вы заставили меня прибегнуть к крайним мерам... Вы улыбаетесь, сэр, но уверяю вас, что я говорю искренне».

«Опасность – неизбежный спутник моей профессии», – заметил я.

«Это не опасность, а неминуемое уничтожение, – возразил он. – Вы встали поперек дороги не одному человеку, а огромной организации, всю мощь которой даже вы, при всем вашем уме, не в состоянии постигнуть. Вы должны отойти в сторону, мистер Холмс, или вас растопчут».

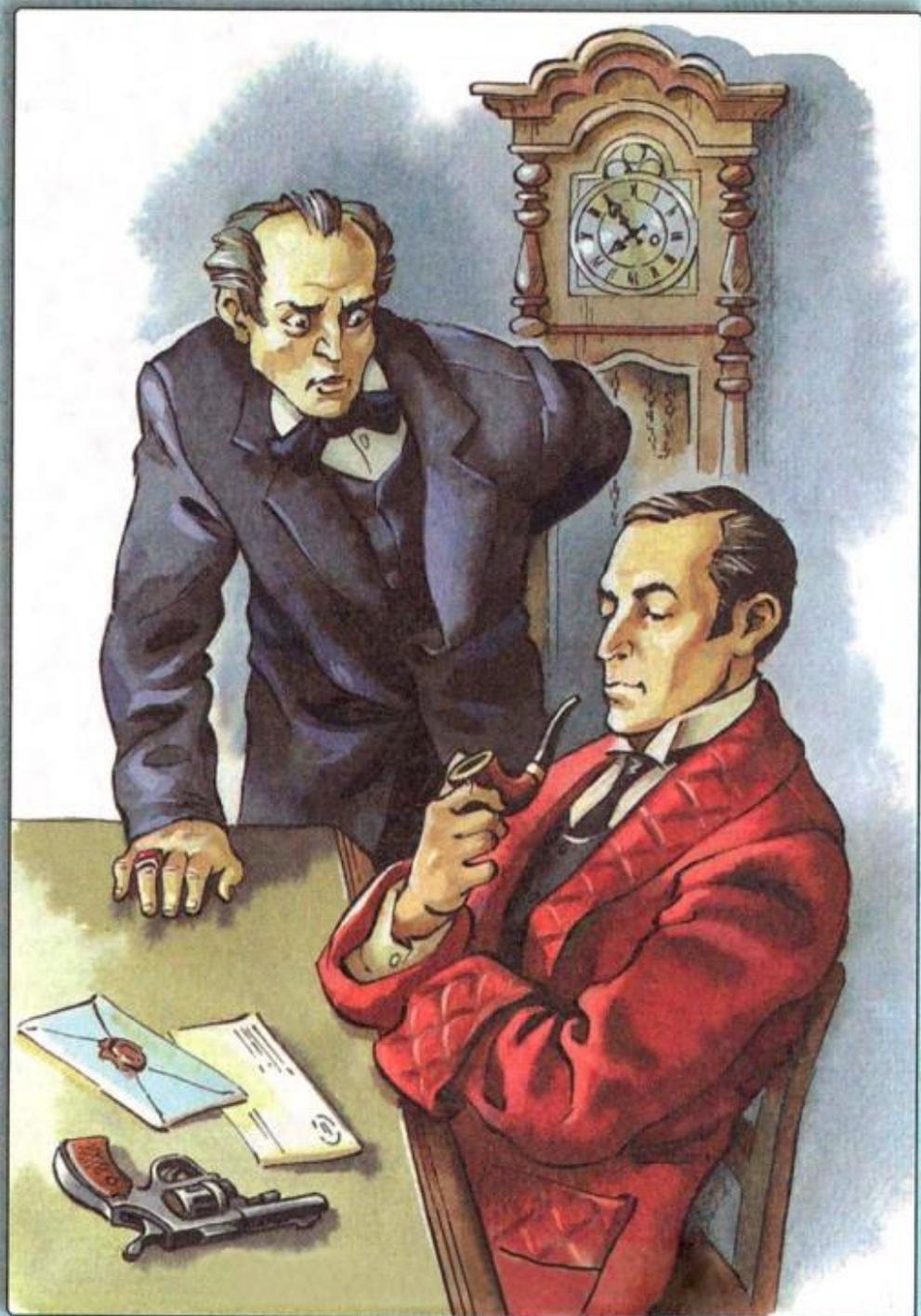
«Боюсь, – сказал я вставая, – что из-за нашей приятной беседы я могу пропустить одно важное дело, призывающее меня в другое место».

Он тоже встал и молча смотрел на меня, с грустью покачивая головой.

«Ну что ж! – сказал он наконец, – Мне очень жаль, но я сделал все что мог. Я знаю каждый ход вашей игры. До понедельника вы бессильны. Это поединок между нами, мистер Холмс. Вы надеетесь посадить меня на скамью подсудимых – заявляю вам, что этого никогда не будет. Вы надеетесь победить меня – заявляю вам, что это вам никогда не удастся. Если у вас хватит умения погубить меня, то, уверяю вас, вы и сами погибнете вместе со мной».

«Вы наговорили мне столько комплиментов, мистер Мориарти, что я хочу ответить тем же – и потому скажу, что во имя общественного блага я с радостью согласился бы на второе, будь я уверен в первом».

«Первого обещать не могу, зато охотно обещаю второе», – отозвался он со злобной усмешкой.

— Вы встали поперек дороги не одному человеку, а огромной организации, всю мощь которой даже вы, при всем вашем уме, не в состоянии постигнуть. Вы должны отойти в сторону, мистер Холмс, или вас растопчут.

И, повернувшись ко мне сутулой спиной, вышел, оглядываясь и шурясь.

Такова была моя своеобразная встреча с профессором Мориарти, и, по правде говоря, она оставила во мне неприятное чувство. Его мягкая и точная манера выражаться заставляет вас верить в его искренность, не свойственную заурядным преступникам. Это не пустой хвостун. Вы, конечно, скажете мне: «Почему же не прибегнуть к помощи полиции?» Но ведь дело в том, что удар будет нанесен не им самим, а его агентами – я в этом уверен. И у меня уже есть доказательства.

– На вас уже было совершено нападение?

– Милый мой Уотсон, профессор Мориарти не из тех, кто любит откладывать дело в долгий ящик. После его ухода, часов около двенадцати, мне понадобилось пойти на Оксфорд-стрит. Переходя улицу на углу Бентинк-стрит и Уэлбек-стрит, я увидел парный фургон, мчавшийся со страшной быстротой прямо на меня. Я едва успел отскочить на тротуар. Какая-то доля секунды – и я был бы раздавлен насмерть. Фургон завернул за угол и мгновенно исчез. Теперь уж я решил не сходить с тротуара, но на Вир-стрит с крыши одного из домов упал кирпич и рассыпался на мелкие куски у моих ног. Я подозвал полицейского и приказал осмотреть место происшествия. На крыше были сложены кирпичи и шиферные плиты, приготовленные для ремонта, и меня хотели убедить в том, что кирпич сбросило ветром. Разумеется, я лучше знал, в чем дело, но у меня не было доказательств. Я взял кэб и доехал до квартиры моего брата в Пэлл-Мэлл, где и провел весь день. Оттуда я отправился прямо к вам. По дороге на меня напал какой-то негодяй с дубинкой. Я сбил его с ног, и полиция задержала его, но даю вам слово, что никому не удастся обнаружить связь между джентльменом, о чьи передние зубы я разбил сегодня руку, и тем скромным учителем математики, который, вероятно, решает сейчас за-

дачки на грифельной доске за десять миль отсюда. Теперь вы поймете, Уотсон, почему, придя к вам, я прежде всего закрыл ставни и зачем мне понадобилось просить вашего разрешения уйти из дома не через парадную дверь, а каким-нибудь другим, менее заметным ходом.

Я не раз восхищался смелостью моего друга, но сегодня меня особенно поразило его спокойное перечисление далеко не случайных происшествий этого ужасного дня.

– Надеюсь, вы переночуете у меня? – спросил я.

– Нет, друг мой, я могу оказаться опасным гостем. Я уже обдумал план действий, и все кончится хорошо. Сейчас дело находится в такой стадии, что арест могут произвести и без меня. Моя помощь понадобится только во время следствия. Таким образом, на те несколько дней, которые еще остаются до решительных действий полиции, мне лучше всего уехать. И я был бы очень рад, если бы вы могли поехать со мной на континент.

– Сейчас у меня мало больных, – сказал я, – а мой коллега, живущий по соседству, охотно согласится заменить меня. Так что я с удовольствием поеду с вами.

– И можете выехать завтра же утром?

– Да, если это необходимо.

– О да, совершенно необходимо. Теперь выслушайте мои инструкции, и я попрошу вас, Уотсон, следовать им буквально, так как нам предстоит вдвоем вести борьбу против самого талантливого мошенника и самого мощного объединения преступников во всей Европе. Итак, слушайте. Свой багаж, не указывая на нем станции назначения, вы должны сегодня же вечером отослать с надежным человеком на вокзал «Виктория». Утром вы пошлете слугу за кэбом, но скажете ему, чтобы он не брал ни первый, ни второй экипаж, которые попадутся ему навстречу. Вы сядете в кэб и поедете на Стренд, к Лоусерскому пассажиру, причем адрес вы дадите кучеру на листке бумаги и скажете, чтобы он ни в коем случае не выбрасывал его. Распла-

титесь с ним заранее и, как только кэб остановится, моментально нырните в пассаж с тем расчетом, чтобы ровно в четверть десятого оказаться на другом его конце. Там, у самого края тротуара, вы увидите небольшой экипаж. Править им будет человек в плотном черном плаще с воротником, обшитым красным кантом. Вы сядете в этот экипаж и прибудете на вокзал как раз вовремя, чтобы попасть на экспресс, отправляющийся на континент.

– А где я должен встретиться с вами?

– На станции. Нам будет оставлено второе купе первого класса.

– Так, значит, мы встретимся уже в вагоне?

– Да.

Тщетно я упрашивал Холмса остаться у меня ночевать. Мне было ясно, что он боится навлечь неприятности на приютивший его дом и что это – единственная причина, которая гонит его прочь. Сделав еще несколько торопливых указаний по поводу наших планов на завтрашний день, он встал, вышел вместе со мной в сад, перелез через стенку прямо на Мортимер-стрит, свистком подозвал кэб, и я услышал удаляющийся стук колес.

На следующее утро я в точности выполнил указания Холмса. Кэб был взят со всеми необходимыми предосторожностями – он никак не мог оказаться ловушкой, – и сразу после завтрака я поехал в условленное место. Подъехав к Лоусерскому пассажию, я промчался через него со всей быстротой, на какую был способен, и увидел карету, которая ждала меня, как было условлено. Как только я сел в нее, огромного роста кучер, закутанный в темный плащ, стегнул лошадь и мигом домчал меня до вокзала «Виктория». Едва я успел сойти, он повернул экипаж и снова умчался, даже не взглянув в мою сторону.

Пока что все шло прекрасно. Мой багаж уже ждал меня на вокзале, и я без труда нашел купе, указанное Холмсом, хотя бы потому, что оно было единственное с надписью

«занято». Теперь меня тревожило только одно – отсутствие Холмса. Я посмотрел на вокзальные часы: до отхода поезда оставалось всего семь минут. Напрасно искал я в толпе отъезжающих и провожающих худощавую фигуру моего друга – его не было. Несколько минут я убил, помогая почтенному итальянскому патеру, пытавшемуся на ломаном английском языке объяснить носильщику, что его багаж должен быть отправлен прямо в Париж. Потом я еще раз обошел платформу и вернулся в свое купе, где застал уже знакомого мне дряхлого итальянца. Оказалось, что хотя у него не было билета в это купе, носильщик все-таки усадил его ко мне. Бесплезно было объяснять моему непрошеному дорожному спутнику, что его вторжение мне неприятно: я владел итальянским еще менее, чем он – английским. Поэтому я только пожал плечами и продолжал тревожно смотреть в окно, ожидая моего друга. Мною начал овладевать страх: а вдруг его отсутствие означало, что за ночь с ним произошло какое-нибудь несчастье! Уже все двери были закрыты, раздался свисток, как вдруг...

– Милый Уотсон, вы даже не соблаговолили поздороваться со мной! – произнес возле меня чей-то голос.

Я оглянулся, пораженный. Пожилой священник стоял теперь ко мне лицом. На секунду его морщины разгладились, нос отодвинулся от подбородка, нижняя губа перестала выдвигаться вперед, а рот – шамкать, тусклые глаза заблестали прежним огоньком, сутулая спина выпрямилась. Но все это длилось одно мгновение, и Холмс исчез так же быстро, как появился.

– Боже милостивый! – вскричал я. – Ну и напугали же вы меня!

– Нам все еще необходимо соблюдать максимальную осторожность, – прошептал он. – У меня есть основания думать, что они напали на наш след. А, вот и сам Мориарти!

Поезд как раз тронулся, когда Холмс произносил эти

слова. Выглянув из окна и посмотрев назад, я увидел высокого человека, который яростно расталкивал толпу и махал рукой, словно желая остановить поезд. Однако было уже поздно – скорость движения все увеличивалась, и очень быстро станция осталась позади.

– Вот видите, – сказал Холмс со смехом, – несмотря на все наши предосторожности, нам еле-еле удалось отделаться от этих людей.

Он встал, снял с себя черную сутану и шляпу – принадлежности своего маскарада – и спрятал их в саквояж.

– Читали вы утренние газеты, Уотсон?

– Нет.

– Значит, вы еще не знаете о том, что случилось на Бейкер-стрит?

– На Бейкер-стрит?

– Сегодня ночью они подожгли нашу квартиру, но большого ущерба не причинили.

– Как же быть, Холмс? Это становится невыносимым.

– По-видимому, после того как их агент с дубинкой был арестован, они окончательно потеряли мой след. Иначе они не могли бы вообразить, что я вернулся домой. Но потом они, как видно, стали следить за вами – вот что привело Мориарти на вокзал «Виктория». Вы не могли сделать какой-нибудь промах по пути к вокзалу?

– Я в точности выполнил все ваши указания.

– Нашли экипаж на месте?

– Да, он ожидал меня.

– А кучера вы узнали?

– Нет.

– Это был мой брат, Майкрофт. В таких делах лучше не посвящать в свои секреты наемного человека. Ну, а теперь мы должны подумать, как нам быть с Мориарти.

– Поскольку мы едем экспрессом, а пароход отойдет, как только придет наш поезд, мне кажется, теперь уж ему ни за что не угнаться за нами.

– Милый мой Уотсон, ведь я говорил вам, что когда речь идет об интеллекте, к этому человеку надо подходить точно с той же меркой, что и ко мне. Неужели вы думаете, что если бы на месте преследователя был я, такое ничтожное препятствие могло бы меня остановить? Ну, а если нет, то почему же вы так плохо думаете о нем?

– Но что он может сделать?

– То же, что сделал бы я.

– Тогда скажите мне, как поступили бы вы.

– Заказал бы экстренный поезд.

– Но ведь он все равно опоздает.

– Никоим образом. Наш поезд останавливается в Кентербери, а там всегда приходится по крайней мере четверть часа ждать парохода. Вот там-то он нас и настигнет.

– Можно подумать, что преступники мы, а не он. Прикажите арестовать его, как только он приедет.

– Это уничтожило бы плоды трехмесячной работы. Мы поймали бы крупную рыбу, а мелкая уплыла бы из сетей в разные стороны. В понедельник все они будут в наших руках. Нет, сейчас арест недопустим.

– Что же нам делать?

– Мы должны выйти в Кентербери.

– А потом?

– А потом нам придется проехать в Ньюхевен и оттуда – в Дьепп. Мориарти снова сделает то же, что сделал бы я: он приедет в Париж, отметит там наши чемоданы и будет два дня ждать в камере хранения багажа. Мы же тем временем купим себе пару ковровых дорожных мешков, поощряя таким образом промышленность и торговлю тех мест, по которым будем путешествовать, и спокойно направимся в Швейцарию через Люксембург и Базель.

Я слишком опытный путешественник и потому не позволил себе огорчаться из-за потери, багажа, но, признаюсь, мне была неприятна мысль, что мы должны увертываться и прятаться от преступника, на счету у которого

столько гнусных злодеяний. Однако Холмс, конечно, лучше понимал положение вещей. Поэтому в Кентербери мы вышли. Здесь мы узнали, что поезд в Ньюхевен отходит только через час.

Я все еще уныло смотрел на исчезающий вдали багажный вагон, быстро уносивший весь мой гардероб, когда Холмс дернул меня за рукав и показал на железнодорожные пути.

– Видите, как быстро! – сказал он.

Вдалеке, среди Кентских лесов, вилась тонкая струйка дыма. Через минуту другой поезд, состоявший из локомотива с одним вагоном, показался на изогнутой линии рельсов, ведущей к станции. Мы едва успели спрятаться за какими-то тюками, как он со стуком и грохотом пронесся мимо нас, дохнув нам в лицо струей горячего пара.

– Проехал! – сказал Холмс, следя взглядом за вагоном, подскакивавшим и слегка покачивавшимся на рельсах. – Как видите, проницательность нашего друга тоже имеет границы. Было бы поистине чудом, если бы он сделал точно те же выводы, какие сделал я, и действовал бы в соответствии с ними.

– А что бы он сделал, если бы догнал нас?

– Без сомнения, попытался бы меня убить. Ну, да ведь и я не стал бы дожидаться его сложа руки. Теперь весь вопрос в том, позавтракать ли нам здесь или рискнуть умереть с голоду и подождать до Ньюхевена.

В ту же ночь мы приехали в Брюссель и провели там два дня, а на третий двинулись в Страсбург.

В понедельник утром Холмс послал телеграмму лондонской полиции, и вечером, придя в нашу гостиницу, мы нашли там ответ. Холмс распечатал телеграмму и с проклятием швырнул ее в камин.

– Я должен был это предвидеть! – простонал он. – Бежал!

– Мориарти?

– Они накрыли всю шайку, кроме него! Он один ускользнул! Ну конечно, я уехал, и этим людям было не справиться с ним. Хотя я был уверен, что дал им в руки все нити. Знаете, Уотсон, вам лучше поскорее вернуться в Англию.

– Почему это?

– Я теперь опасный спутник. Этот человек потерял все. Если он вернется в Лондон, он погиб. Насколько я понимаю его характер, он направит теперь все свои силы на то, чтобы отомстить мне. Он ясно высказал мне это во время нашего короткого свиданья, и я уверен, что то была не пустая угроза. Право же, я советую вам вернуться в Лондон, к вашим пациентам.

Но я, старый солдат и старинный друг Холмса, конечно, не считал возможным покинуть его в такую минуту. Более получаса мы спорили об этом, сидя в ресторане страсбургской гостиницы, и в ту же ночь двинулись дальше, в Женеву.

Целую неделю мы с наслаждением бродили по долине Роны, а потом, миновав Лейк, направились через перевал, еще покрытый глубоким снегом, и дальше – через Интерлакен – к деревушке Мейринген. Это была чудесная прогулка: нежная весенняя зелень внизу и белизна девственных снегов наверху, над нами, – но мне было ясно, что ни на одну минуту Холмс не забывал о нависшей над ним угрозе. В уютных альпийских деревушках, на уединенных горных тропах – всюду я видел по его быстрому, пристальному взгляду, внимательно изучающему лицо каждого встречного путника, что он твердо убежден в неотвратимой опасности, идущей за нами по пятам.

Помню такой случай: мы проходили через Жемми и шли берегом задумчивого Даубензее, как вдруг большая каменная глыба сорвалась со скалы, возвышавшейся справа, скатилась вниз и с грохотом погрузилась в озеро позади нас. Холмс взбежал на остроконечную вершину и, вы-

тянув шею, начал осматриваться по сторонам. Тщетно уверял его проводник, что весною обвалы каменных глыб – самое обычное явление в здешних краях. Холмс ничего не ответил, но улыбнулся мне с видом человека, который давно уже предугадывал эти события, и все же, при всей своей настороженности, он не предавался унынию. Напротив, я не помню, чтобы мне когда-либо приходилось видеть его в таком жизнерадостном настроении. Он снова и снова повторял, что если бы общество было избавлено от профессора Мориарти, он с радостью прекратил бы свою деятельность.

– Мне кажется, я имею право сказать, Уотсон, что не совсем бесполезно прожил свою жизнь, – говорил он, – и даже если бы мой жизненный путь должен был оборваться сегодня, я все-таки мог бы оглянуться на него с чувством душевного удовлетворения. Благодаря мне воздух Лондона стал чище. Я принимал участие в тысяче с лишним дел и убежден, что никогда не злоупотреблял своим влиянием, помогая неправой стороне. В последнее время меня, правда, больше привлекало изучение загадок, поставленных перед нами природой, нежели те поверхностные проблемы, ответственность за которые несет несовершенное устройство нашего общества. В тот день, Уотсон, когда я увенчаю свою карьеру поимкой или уничтожением самого опасного и самого талантливого преступника в Европе, вашим мемуарам придет конец.

Теперь я постараюсь кратко, но точно изложить то немногое, что еще осталось недосказанным. Мне нелегко задерживаться на этих подробностях, но я считаю своим долгом не пропустить ни одной.

3 мая мы пришли в местечко Мейринген и остановились в гостинице «Англия», которую в то время содержал Петер Штайлер-старший. Наш хозяин был человек смысленый и превосходно говорил по-английски, так как около трех лет служил кельнером в гостинице «Гросвенор», в

Лондоне. 4 мая, во второй половине дня, мы, по его совету, отправились вдвоем в горы с намерением провести ночь в деревушке Розенлау. Хозяин особенно рекомендовал нам осмотреть Рейхенбахский водопад, который находится примерно на половине подъема, но несколько в стороне.

Это поистине страшное место. Вздувшийся от тающих снегов горный поток низвергается в бездонную пропасть, и брызги взлетают из нее, словно дым из горящего здания. Ущелье, куда устремляется поток, окружено блестящими скалами, черными, как уголь. Внизу, на неизмеримой глубине, оно суживается, превращаясь в пенящийся, кипящий колодец, который все время переполняется и со страшной силой выбрасывает воду обратно, на зубчатые горы. Непрерывное движение зеленых струй, с беспрестанным грохотом падающих вниз, и плотная, волнующаяся завеса водяной пыли, в безостановочном вихре взлетающей вверх, — все это доводит человека до головокружения и оглушает его своим несмолкаемым ревом.

Мы стояли у края, глядя в пропасть, где блестела вода, разбивавшаяся далеко внизу о черные камни, и слушали таинственный шум, доносившийся из бездны и напоминавший отдаленный гул толпы.

Дорожка, по которой мы поднялись, проложена полукругом, чтобы дать туристам возможность лучше видеть водопад, но она кончается обрывом, и путнику приходится возвращаться той же дорогой, какой он пришел. Мы как раз повернули, собираясь уходить, как вдруг увидели мальчика-швейцарца, который бежал к нам навстречу с письмом в руке. На конверте стоял штамп той гостиницы, где мы остановились. Оказалось, что письмо от хозяина и адресовано мне. Он писал, что буквально через несколько минут после нашего ухода в гостиницу прибыла англичанка, находящаяся в последней стадии чахотки. Она провела зиму в Давосе, а теперь ехала к своим друзьям в Лю-

церн, но по дороге у нее внезапно пошла горлом кровь. По-видимому, ей осталось жить не более нескольких часов, но для нее было бы большим утешением видеть около себя доктора-англичанина, и если бы я приехал, то... и т. д. и т. д. В постскриптуме добряк Штайлер добавлял, что он и сам будет мне крайне обязан, если я соглашусь приехать, так как приезжая дама категорически отказывается от услуг врача-швейцарца и он чувствует огромную ответственность, лежащую на нем.

Я не мог не откликнуться на этот призыв, не мог отказать в просьбе соотечественнице, умиравшей на чужбине. Но вместе с тем я опасался оставить Холмса одного. Однако мы решили, что с ним в качестве проводника и спутника останется юный швейцарец, а я вернусь в Мейринген. Мой друг намеревался еще немного побыть у водопада, а потом потихоньку отправиться через холмы в Розенлау, где вечером я должен был к нему присоединиться. Отойдя немного, я оглянулся: Холмс стоял прислонясь к скале и, скрестив руки, смотрел вниз, на дно стремнины. Я не знал тогда, что больше не доведется мне увидеть моего друга.

Спустившись вниз, я еще раз оглянулся. С этого места водопад уже не был виден, но я разглядел ведущую к нему дорожку, которая вилась вдоль уступа горы. По этой дорожке быстро шагал какой-то человек. Его черный силуэт отчетливо выделялся на ярко-зеленом фоне. Я заметил его, заметил необыкновенную быстроту, с какой он поднимался, но я и сам очень спешил к моей больной, а потому вскоре забыл о нем.

Примерно через час я добрался до нашей гостиницы в Мейрингене. Старик Штайлер стоял на пороге.

– Ну что? – спросил я, подбегая к нему. – Надеюсь, ей не хуже?

На лице у него выразилось удивление, брови поднялись. Сердце у меня так и оборвалось.

– Значит, не вы писали это? – спросил я, вынув из кармана письмо. – В гостинице нет больной англичанки?

– Ну конечно, нет! – вскричал он. – Но что это? На конверте стоит штамп моей гостиницы?.. А, понимаю! Должно быть, письмо написал высокий англичанин, который приехал вскоре после вашего ухода. Он сказал, что...

Но я не стал ждать дальнейших объяснений хозяина. Охваченный ужасом, я уже бежал по деревенской улице к той самой горной дорожке, с которой только что спустился.

Спуск занял у меня час, и, несмотря на то что я бежал изо всех сил, прошло еще два часа, прежде чем я снова достиг Рейхенбахского водопада. Альпеншток¹⁰ Холмса все еще стоял у скалы, возле которой я его оставил, но самого Холмса не было, и я тщетно звал его. Единственным ответом было эхо, гулко повторявшее мой голос среди окружающих меня отвесных скал.

При виде этого альпенштока я похолодел. Значит, Холмс не ушел на Розенлау. Он оставался здесь, на этой дорожке шириной в три фута, окаймленной отвесной стеной с одной стороны и заканчивавшейся отвесным обрывом с другой. И здесь его настиг враг. Юного швейцарца тоже не было. По-видимому, он был подкуплен Мориарти и оставил противников с глазу на глаз. А что случилось потом? Кто мог сказать мне, что случилось потом?

Минуты две я стоял неподвижно, скованный ужасом, силясь прийти в себя. Потом я вспомнил о методе самого Холмса и сделал попытку применить его, чтобы объяснить себе разыгравшуюся трагедию. Увы, это было нетрудно! Во время нашего разговора мы с Холмсом не дошли до конца тропинки, и альпеншток указывал на то место, где мы остановились. Черноватая почва никогда не просыхает здесь из-за постоянных брызг потока, так что птица и та

¹⁰ Альпеншток – длинная палка с острым железным наконечником для ходьбы по горам.

оставила бы на ней свой след. Два ряда шагов четко отпечатывались на конце тропинки. Они удалялись от меня. Обратных следов не было. За несколько шагов от конца земля была вся истоптана и разрыта, а куманика и папоротник, росшие вдоль обрыва, были вырваны и забрызганы грязью. Я лег лицом вниз и стал всматриваться в несущийся поток. Стемнело, и теперь я мог видеть только блестящие от сырости черные каменные стены да где-то далеко в глубине сверканье бесчисленных водяных брызг. Я крикнул, но лишь тот же чем-то похожий на человеческие голоса гул водопада донесся до моего слуха.

Однако судьбе было угодно, чтобы последний привет моего друга и товарища все-таки дошел до меня. Как я уже сказал, его альпеншток остался прислоненным к невысокой скале, нависшей над тропинкой. И вдруг на вершукке этого выступа что-то блеснуло. Я поднял руку и увидел, что то был серебряный портсигар, который Холмс всегда носил с собой. Когда я взял его, несколько листочков бумаги, лежавших под ним, рассыпались и упали на землю. Я поднял их. Это были три листика, вырванные им из блокнота и адресованные мне. Характерно, что адрес был написан так же четко, почерк был так же уверен и разборчив, как если бы Холмс писал у себя в кабинете.

«Дорогой мой Уотсон, – говорилось в записке. – Я пишу вам эти строки благодаря любезности мистера Мориарти, который ждет меня для окончательного разрешения вопросов, касающихся нас обоих. Он бегло обрисовал мне способы, с помощью которых ему удалось ускользнуть от английской полиции и узнать о нашем маршруте. Они только подтверждают мое высокое мнение о его выдающихся способностях. Мне приятно думать, что я могу избавить общество от дальнейших неудобств, связанных с его существованием, но боюсь, что это будет достигнуто ценой, которая огорчит моих друзей и особенно Вас, ми-

лый Уотсон. Впрочем, я уже говорил Вам, что мой жизненный путь дошел до своей высшей точки, и я не мог бы желать для себя лучшего конца. Между прочим, если говорить откровенно, я нимало не сомневался в том, что письмо из Мейрингена – западня, и, отпуская Вас, был твердо убежден, что последует нечто в этом роде. Передайте инспектору Петерсону, что бумаги, необходимые для разоблачения шайки, лежат у меня в столе, в ящике под литерой «М», – синий конверт с надписью: «Мориарти». Перед отъездом из Англии я сделал все необходимые распоряжения относительно моего имущества и оставил их у моего брата Майкрофта. Прошу Вас передать мой сердечный привет миссис Уотсон.

Искренне преданный Вам
Шерлок Холмс».

Остальное можно рассказать в двух словах. Осмотр места происшествия, произведенный экспертами, не оставил никаких сомнений в том, что схватка между противниками кончилась так, как она неизбежно должна была кончиться при данных обстоятельствах: видимо, они вместе упали в пропасть, так и не разжав своих смертельных объятий. Попытки отыскать трупы были тотчас же признаны безнадежными, и там, в глубине этого страшного котла кипящей воды и бурлящей пены, навеки остались лежать тела опаснейшего преступника и искуснейшего поборника правосудия своего времени. Мальчика-швейцарца так и не нашли – разумеется, это был один из многочисленных агентов, находившихся в распоряжении Мориарти. Что касается самой шайки, то, вероятно, все в Лондоне помнят, с какой полнотой улики, собранные Холмсом, разоблачили всю организацию и обнаружили, в каких железных тисках держал ее покойный Мориарти – ее глава и вдохновитель. На процессе личность этого страшного человека осталась почти не освещенной, и если мне пришлось рас-

крыть здесь всю правду о его преступной деятельности, это вызвано теми недобросовестными защитниками, которые пытались обелить его память нападками на того, кого я всегда буду считать самым благородным и самым мудрым из всех известных мне людей.

ПУСТОЙ ДОМ

Весной 1894 года весь Лондон был крайне заинтересован, а высший свет потрясен убийством юного графа Рональда Адэра, совершенном при самых необычайных и загадочных обстоятельствах. В свое время широкая публика познакомилась с отдельными деталями этого преступления, которые выяснились в ходе полицейского дознания, но дело было настолько серьезно, что большую часть подробностей пришлось утаить. И только теперь, спустя почти десять лет, мне предоставлена возможность восполнить недостающие звенья в этой изумительной цепи фактов. Преступление представляло интерес и само по себе, но его непостижимые последствия были важнее для меня в тысячу раз. Они поразили и потрясли меня больше, чем все, что я испытал в своей жизни, а уж она и без того была полна приключениями. Даже сейчас, после стольких лет, я все еще ощущаю трепет, вспоминая об этом деле, и вновь испытываю недоверие, изумление и радость, нахлынувшие на меня тогда и переполнившие всю мою душу. Пусть же те читатели, которые проявляли некоторый интерес к моим очеркам, повествующим о деяниях и помыслах замечательного человека, простят мне, что я не сразу поделился с ними своим открытием. Я счел бы первейшим долгом сообщить им всю эту историю, не будь я связан категорическим запрещением, исходившим из уст этого самого человека, — запрещением, снятым совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Вполне понятно, что со времени моей тесной дружбы с

Шерлоком Холмсом я начал проявлять глубокий интерес к разного рода уголовным делам, а после того как он исчез, стал особенно внимательно просматривать в газетах все отчеты о нераскрытых преступлениях. Не раз случалось даже, что я, для собственного удовольствия пытался разгадать их, пользуясь теми же методами, какие применял мой друг, хотя далеко не с тем же успехом.

Однако ни одно из этих преступлений не взволновало меня в такой мере, как трагическая гибель Рональда Адэра. Прочитав материалы следствия, установившего только то, что «убийство было преднамеренным и совершено одним или несколькими неизвестными лицами», я глубже, чем когда бы то ни было, осознал, какую тяжелую потерю в лице Шерлока Холмса понесло наше общество. В этом странном деле существовали обстоятельства, которые, несомненно, привлекли бы его особое внимание, и действия полиции были бы дополнены, или, вернее, предупреждены, благодаря бдительному уму и изощренной наблюдательности лучшего из всех европейских сыщиков.

Весь день, разъезжая по своим пациентам, я снова и снова мысленно возвращался к делу Адэра, но так и не мог найти ни одного объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить то, что уже всем известно, я все-таки хочу напомнить факты в том виде, в каком они были сообщены публике после окончания следствия.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнуса, губернатора одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра приехала из Австралии в Англию, где ей должны были сделать глазную операцию – снять катаракту, – и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой жила на Парк-лэйн, в доме № 427. Юноша вращался в лучшем обществе, по-видимому, не имел никаких врагов и никаких особенных пороков. Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстерса, но за несколько ме-

святцев до описываемых событий жених и невеста решили разойтись, и, судя по всему, ничье сердце не оказалось разбитым. Вообще жизнь молодого человека протекала в узком семейном и великосветском кругу, характер у него был спокойный, а вкусы и привычки самые умеренные. И вот этого-то беззаботного молодого аристократа поразила самая странная, самая неожиданная смерть. Случилось это вечером 30 марта 1894 года, между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр был картежником, постоянно играл, но никогда не выходил за пределы благоразумия. Он состоял членом трех клубов – Болдвин, Кэвендиш и Багатель. Было установлено, что в день своей смерти, после обеда, Рональд сыграл один роббер в вист в клубе Багатель. Он играл там также и до обеда. Его партнеры – мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран – показали, что игра шла именно в вист и закончилась почти вничью. Адэр проиграл, быть может, фунтов пять, но никак не более. Состояние у него было значительное, и такой проигрыш никак не мог огорчить его. Он играл почти ежедневно и обычно оставался в выигрыше. Из свидетельских показаний выяснилось также, что месяца за полтора до своей смерти Адэр, играя вместе с полковником Мораном, в один вечер выиграл у Годфри Милнера и лорда Бэлморана четыреста двадцать фунтов. Вот и все, что стало известно о последних неделях его жизни.

В тот роковой вечер он вернулся из клуба ровно в десять часов вечера. Матери и сестры дома не было, они уехали в гости. Горничная показала под присягой, что она слышала, как он вошел в свою комнату. Комната эта, расположенная во втором этаже, выходила окнами на улицу и служила ему гостиной. Перед приходом молодого графа горничная затопила там камин и, так как камин дымил, открыла окно. Ни одного звука не доносилось из комнаты до двадцати минут двенадцатого; в это время вернулись

домой леди Мэйнус и ее дочь. Леди Мэйнус хотела зайти к сыну и пожелать ему спокойной ночи, но дверь в его комнату оказалась запертой изнутри, и, несмотря на крики и стук, никто не отзывался. Тогда она подняла тревогу, и дверь пришлось взломать. Несчастный юноша лежал на полу возле стола. Голова его была страшно изуродована револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не оказалось. На столе лежали два десятифунтовых кредитных билета и семнадцать фунтов десять шиллингов серебром и золотом, причем монеты были сложены маленькими столбиками разной величины. Рядом с ними лежал лист бумаги, на котором были написаны цифры, а против них — имена нескольких клубных приятелей Адэра. Из этого можно было заключить, что перед самой смертью молодой человек занимался подсчетом своих карточных выигрышей и проигрышей.

После тщательного расследования всех обстоятельств дело оказалось еще более загадочным. Прежде всего непонятно было, зачем молодой человек запер дверь изнутри. Правда, дверь мог запереть и убийца, а затем выскочить в окно, но окно находилось по меньшей мере в двадцати футах от земли, а грядка цветущих крокусов под ним оказалась совершенно нетронутой — не был помят ни один цветок. Никаких следов не осталось также на узкой полоске дерна, отделявшей дом от дороги. Итак, видимо, дверь запер сам Рональд Адэр. Но каким образом настигла его смерть? Ведь никто не мог бы влезть в окно, не оставив следов. Если же предположить, что убийца стрелял через окно, то, по-видимому, это был замечательный стрелок, так как убить человека наповал револьверной пулей на таком расстоянии чрезвычайно трудно. Кроме того, Парк-лэйн — многолюдная улица, и в каких-нибудь ста ярдах от дома находится стоянка кэбов. Однако выстрела никто не слышал. А между тем налицо был убитый и налицо была револьверная пуля, которая прошла навывлет и,

судя по характеру раны, явилась причиной моментальной смерти.

Таковы были обстоятельства таинственного убийства на Парк-лэйн – убийства, загадочность которого еще усиливалась из-за полного отсутствия каких-либо видимых мотивов: ведь, как я уже говорил, у молодого Адэра не было как будто никаких врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я перебирал в уме все эти факты, пытаюсь применить к ним какую-нибудь теорию, которая примирила бы их между собой, и найти «точку наименьшего сопротивления», которую мой бедный друг считал отправным пунктом всякого расследования. Должен признаться, что это мне не удалось. Вечером я бродил по парку и около шести часов очутился вдруг на углу Парк-лэйн и Оксфорд-стрит. Там на тротуаре собралась толпа зевак, глазевших на одно и то же окно, и я понял, что это был тот самый дом, ради которого я пришел. Высокий, худой человек в темных очках, по-моему, переодетый сыщик, развивал какую-то теорию по поводу случившегося, остальные слушали, окружив его тесным кольцом. Я протиснулся поближе, но его рассуждения показались мне до того бестолковыми, что с чувством, близким к отвращению, я подался назад, стремясь уйти. При этом я нечаянно толкнул какого-то сгорбленного старикашку, стоявшего сзади, и он уронил несколько книг, которые держал подмышкой. Помогая ему поднимать их, я заметил заглавие одной книги: «Происхождение культа деревьев», и подумал, что, по-видимому, это какой-нибудь бедный библиофил¹¹, который, то ли ради заработка, то ли из любви к искусству, собирает редкие издания. Я начал было извиняться перед ним, но, должно быть, эти книги, с которыми я имел несчастье обойтись столь невежливо, были очень дороги их

¹¹ Библиофил (греч.) – любитель книг.

владельцу, ибо он сердито буркнул что-то, презрительно отвернулся, и вскоре его сгорбленная спина и седые бакенбарды исчезли в толпе.

Мои наблюдения над домом № 427 по Парк-лэйн мало чем помогли мне в разрешении заинтересовавшей меня загадки. Дом отделялся от улицы низенькой стеной с решеткой; решетка не достигала и пяти футов. Следовательно, каждый мог легко проникнуть в сад.

Зато окно было совершенно неприступно: возле него не было ни водосточной трубы, ни малейшего выступа, так что взобраться по стене не мог бы даже самый искусный гимнаст.

Недоумевая еще больше прежнего, я отправился обратно в Кенсингтон и пришел домой. Но не пробыл я у себя в кабинете и пяти минут, как горничная доложила, что меня желает видеть какой-то человек. К моему удивлению, это оказался не кто иной, как мой оригинальный старик библиофил. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос; подмышкой он держал не менее дюжины своих драгоценных книг.

– Вы, конечно, удивлены моим приходом, сэр? – спросил он странным, каркающим голосом.

Я подтвердил его догадку.

– Видите ли, сэр, я человек деликатный. Ковыляя сзади по той же дороге, что и вы, я вдруг увидел, как вы вошли в этот дом, и решил про себя, что должен зайти к такому любезному господину и извиниться перед ним. Ведь если я и был чуточку груб с вами, сэр, то, право же, не хотел обидеть вас и очень вам благодарен за то, что вы подняли мои книги.

– Не стоит говорить о таких пустяках, – сказал я. – А позвольте спросить, как вы узнали, кто я?

– Осмелюсь сказать, сэр, что я ваш сосед. Моя маленькая книжная лавчонка находится на углу Черч-стрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь посетите меня. Мо-

жет быть, вы тоже собираете книги, сэр? Вот «Птицы Британии», «Катулл», «Священная война». Купите, сэр. Отдам за бесценок. Пять томов как раз заполнят пустое место на второй полке вашего книжного шкафа, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я оглянулся, чтобы посмотреть на полку, а когда я снова повернул голову, возле моего письменного стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я вскочил и несколько секунд смотрел на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потерял сознание – в первый и, надеюсь, в последний раз в моей жизни. Помню только, что какой-то серый туман закружился у меня перед глазами, а когда он рассеялся, воротник у меня оказался расстегнутым и на губах я ощутил вкус коньяка. Холмс стоял с фляжкой в руке, наклонившись над моим стулом.

– Дорогой мой Уотсон, – сказал хорошо знакомый голос, – приношу тысячу извинений. Я никак не предполагал, что это так подействует на вас.

Я схватил его за руку.

– Холмс! – вскричал я. – Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из той ужасной пропасти?

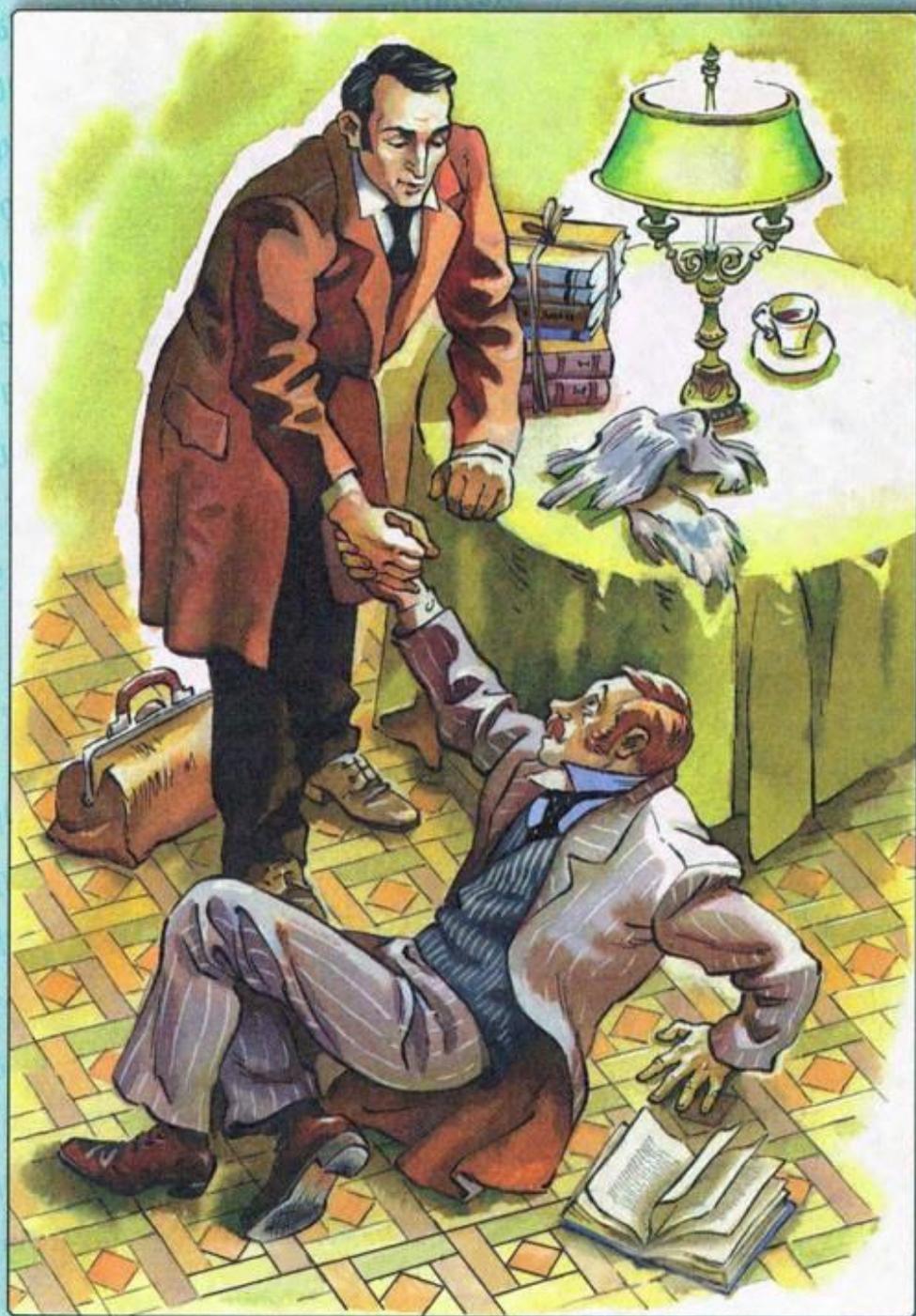
– Погодите минутку, – ответил он. – Действительно ли вы в состоянии толковать о таких вещах? Мое чересчур эффектное появление слишком сильно взволновало вас.

– Мне лучше, но, право же, Холмс, я не верю своим глазам. Боже милостивый! Неужели это вы, вы, а не кто иной, стоите в моем кабинете?

Я снова схватил его за рукав и ощупал его тонкую мускулистую руку.

– Нет, вы не дух, это несомненно, – сказал я. – Дорогой мой друг, до чего я счастлив, что вижу вас! Садитесь же и расскажите, каким образом вам удалось спастись из той бездны.

Холмс сел против меня и знакомым небрежным жестом

— Холмс! — вскричал Уотсон. — Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из той ужасной пропасти? Дорогой мой друг, до чего я счастлив, что вижу вас!

закурил папиросу. На нем был поношенный сюртук букиниста, но все остальные принадлежности этого маскарада – кучка седых волос и связка старых книг – лежали на столе. Казалось, он еще более похудел и взгляд его стал еще более пронзителен; мертвенная бледность его тонкого лица с орлиным носом свидетельствовала, что образ жизни, который он вел в последнее время, был не слишком полезен для его здоровья.

– Как приятно вытянуться, Уотсон! – сказал он. – Человеку высокого роста нелегко сделаться короче на целый фут и оставаться в таком положении несколько часов подряд. А теперь, мой дорогой друг, поговорим о серьезных вещах... Дело в том, что я хочу просить вашей помощи, и если вы согласны, то обоим нам предстоит целая ночь тяжелой и опасной работы. Не лучше ли отложить рассказ о моих приключениях до той минуты, когда эта работа будет позади?

– Но я сгораю от любопытства, Холмс, и предпочел бы выслушать вас сейчас же.

– Вы согласны пойти со мной сегодня ночью?

– Когда и куда вам угодно.

– Совсем как в доброе старое время. Пожалуй, мы еще успеем немного закусить перед уходом... Ну, а теперь насчет этой самой пропасти. Мне было не так уж трудно выбраться из нее по той простой причине, что я никогда в ней не был.

– Не были?!

– Нет, Уотсон, не был. Однако моя записка к вам была написана совершенно искренне. Когда зловещая фигура покойного профессора Мориарти возникла вдруг на узкой тропинке, преграждая мне единственный путь к спасению, я был вполне убежден, что для меня все кончено. В его серых глазах я прочитал неумолимое решение. Мы обменялись с ним несколькими словами, и он любезно позволил мне написать коротенькую записку, которую вы и получи-

ли впоследствии. Я оставил ее вместе с моим портсигаром и альпенштоком, а сам пошел по тропинке вперед. Мориарти шел за мной по пятам. Дойдя до конца тропинки, я остановился – дальше идти было некуда. Он не вынул никакого оружия, но бросился ко мне и обхватил меня своими длинными руками. Он знал, что его песенка спета, и хотел только одного – отомстить мне. Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва. Однако я немало знаком с приемами японской борьбы – «баритсу», которые не раз сослужили мне хорошую службу. Мне удалось увернуться от него. Он дико вскрикнул и несколько секунд раскачивался как безумный, хватаясь руками за воздух. Но, несмотря на все усилия, ему не удалось сохранить равновесие, и он сорвался вниз. Нагнувшись над обрывом, я еще долго следил взглядом за тем, как он летел в пропасть. Потом он ударился о выступ скалы и погрузился в воду.

С глубоким волнением слушал я Холмса, который, рассказывая, спокойно попыхивал папиросой.

– Но следы! – вскричал я. – Я сам, собственными глазами видел отпечатки двух пар ног, спускавшихся вниз по тропинке, и никаких следов в обратном направлении.

– Это произошло так. В ту секунду, когда профессор исчез в глубине пропасти, я вдруг понял, какую необыкновенную удачу посылает мне судьба. Я знал, что Мориарти был не единственным человеком, искавшим моей смерти. Оставалось еще не менее трех его сообщников; гибель главаря могла только разжечь в их сердцах жажду мести. Все это были чрезвычайно опасные люди. Кому-нибудь из них непременно удалось бы в ближайшем же будущем прикончить меня. А если они будут думать, что меня уже нет в живых, они начнут действовать более открыто, легче выдадут себя, и, рано или поздно, мне удастся их уничтожить. Тогда я и объявлю, что я жив! Человеческий мозг работает быстро; профессор Мориарти не

успел, должно быть, опуститься на дно Рейхенбахского водопада, как я уже обдумал этот план.

Я встал и осмотрел скалистую стену, возвышавшуюся у меня за спиной. В вашем живописном отчете о моей трагической гибели, который я с большим интересом прочел несколько месяцев спустя, вы утверждаете, будто стена была совершенно отвесной и гладкой. Это не совсем так. В скале несколько маленьких выступов, на которые можно было поставить ногу, и, кроме того, по некоторым признакам я понял, что несколько выше в ней имеется выемка... Утес так высок, что вскарабкаться на самый верх было явно невозможно, и так же невозможно было пройти по сырой тропинке, не оставив следов. Правда, я мог бы надеть сапоги задом наперед, как я не раз поступал в подобных случаях, но три пары отпечатков ног, идущих в одном направлении, неминуемо навели бы на мысль о нарочитом обмане.

Итак, лучше было рискнуть на подъем. Это оказалось не так-то легко, Уотсон. Подо мной ревел водопад. Я не обладаю пылким воображением, но, клянусь вам, мне чудилось, что до меня доносится голос Мориарти, взывающий ко мне из бездны. Малейшая оплошность могла стать роковой. Несколько раз, когда пучки травы оставались у меня в руке или когда нога скользила по влажным уступам скалы, я думал, что все кончено. Но я продолжал карабкаться вверх и наконец дополз до расселины, довольно глубокой и поросшей мягким зеленым мхом. Здесь я мог вытянуться, никем не видимый, и отлично отдохнуть. И здесь я лежал, в то время как вы, мой милый Уотсон, и все те, кого вы привели с собой, пытались весьма трогательно, но безрезультатно восстановить картину моей смерти.

Наконец, сделав неизбежные, но тем не менее совершенно ошибочные выводы по поводу случившегося, вы ушли в свою гостиницу, и я остался один. Я воображал, что мое приключение кончено, но одно весьма неожидан-

ное происшествие показало, что меня ждет еще немало сюрпризов. Огромный обломок скалы с жужжаньем пролетел вдруг сверху мимо меня, ударился о тропинку и низринулся в пропасть. В первый момент я приписал это простой случайности, но, взглянув вверх, увидел на фоне угасающего неба голову мужчины, и почти в ту же секунду другой камень ударился о край той самой расселины, где я лежал, в нескольких дюймах от моей головы. Положение стало для меня ясным. Мориарти был не один. Его сообщник – и я с первого же взгляда увидел, как опасен был этот сообщник, – стоял на страже, когда на меня напал профессор. Издали, невидимый мною, он стал свидетелем смерти своего друга и спасения их общего врага. Выждав некоторое время, он обошел скалу, взобрался на вершину с другой стороны и теперь пытался сделать то, что не удалось Мориарти.

Я недолго размышлял об этом, Уотсон. Выглянув, я снова увидел над скалой свирепое лицо этого субъекта и понял, что оно является предвестником нового камня. Тогда я пополз вниз, к тропинке. Не знаю, сделал ли бы я это в хладнокровном состоянии. Спуск был в тысячу раз труднее, чем подъем. Но мне некогда было размышлять – третий камень прожужжал возле меня, когда я висел, цепляясь руками за край расселины. На полдороге я поскользнулся, но все-таки каким-то чудом оказался на тропинке. Весь ободранный и в крови, я побежал со всех ног, в темноте прошел через горы десять миль и неделю спустя очутился во Флоренции, убежденный в том, что никто в мире ничего не знает о моей судьбе.

Я посвятил в свою тайну только одного человека – моего брата Майкрофта. Приношу тысячу извинений, дорогой Уотсон, но мне было крайне важно, чтобы меня считали умершим, а вы никогда не могли бы написать такое убедительное сообщение о моей трагической смерти, не будь вы сами уверены в том, что это правда. За эти три го-

да я несколько раз порывался написать вам – и всякий раз удерживался, опасаясь, как бы ваша нежная привязанность ко мне не заставила вас совершить какую-нибудь оплошность, которая выдала бы мою тайну. Вот почему я отвернулся от вас сегодня вечером, когда вы рассыпали мои книги. Я очень рисковал в ту минуту, и если бы вы вскрикнули от удивления или от радости, кое-кто мог бы слишком пристально взглядеться в меня, а это привело бы к печальным и даже непоправимым последствиям. Что касается Майкрофта, я поневоле должен был открыться ему, так как мне необходимы были деньги. В Лондоне дела шли неважно – хуже, чем я ожидал. После суда над шайкой Мориарти остались на свободе два самых опасных бандита, входивших в нее, – оба мои смертельные враги. Поэтому два года я пропутешествовал по Тибету, посетил из любопытства Лхассу и провел несколько дней у далай-ламы¹². Вы, вероятно, читали о нашумевших исследованиях норвежца Сигерсона, но, разумеется, вам и в голову не приходило, что то была весточка от вашего друга. Затем я пересек Персию, заглянул в Мекку и побывал с коротким, но интересным визитом у калифа¹³ в Хартуме... Отчет об этом визите был своевременно представлен мною министерству иностранных дел.

Вернувшись в Европу, я провел несколько месяцев во Франции, где занимался исследованиями веществ, получаемых из каменноугольной смолы. Это происходило в одной лаборатории на юге Франции, в Монпелье. Успешно закончив опыты и узнав, что теперь в Лондоне остался лишь один из моих заклятых врагов, я подумывал о возвращении домой, когда известие о загадочном убийстве на Парк-лэйн заставило меня поторопиться с отъездом. Это дело заинтересовало меня не только само по себе. По-

¹² Далай-лама – глава тибетского духовенства; город Лхасса – местопребывание далай-ламы.

¹³ Калиф – титул арабских правителей.

видимому, его раскрытие может помочь мне привести в исполнение и мои личные планы. Итак, я немедленно приехал в Лондон, явился собственной персоной на Бейкер-стрит, вызвал сильный истерический припадок у миссис Хадсон и убедился в том, что Майкрофт позаботился сохранить мои комнаты и бумаги точно в том же виде, в каком они были прежде. Таким образом, сегодня, в два часа дня, я очутился в своей старой комнате, в своем старом кресле, и единственное, чего мне оставалось желать, это чтобы мой старый друг Уотсон сидел рядом со мной в другом кресле, которое он так часто украшал своей особой.

Такова была изумительная повесть, выслушанная мною в тот апрельский вечер. Этой повести я бы ни за что не поверил, не будь она подтверждена тем, что я видел своими глазами высокую, худощавую фигуру и умное, энергичное лицо человека, которого уже никогда не чаял увидеть. Каким-то образом Холмс успел узнать о смерти моей жены, но его сочувствие проявилось скорее в тоне голоса, нежели в словах.

– Работа – лучшее противоядие от горя, дорогой Уотсон, – сказал он, – а нас с вами ждет сегодня ночью такая работа, что человек, которому удастся успешно довести ее до конца, сможет смело сказать, что он недаром прожил свою жизнь.

Тщетно упрашивал я его высказаться яснее.

– Вы достаточно услышите и увидите до наступления утра, – ответил он. – А пока что у нас и без того есть о чем поговорить – ведь мы не виделись три года. Надеюсь, что до половины десятого нам хватит этой темы, а потом мы отправимся в путь, навстречу одному интересному приключению в пустом доме.

И правда, все было как в доброе старое время, когда в назначенный час я очутился в кэбе рядом с Холмсом. В кармане я нащупал револьвер, и сердце мое сильно забилося в ожидании необычайных событий.

Холмс был сдержан, угрюм и молчалив. Когда свет уличных фонарей упал на его суровое лицо, я увидел, что брови его нахмурены, а тонкие губы плотно сжаты: казалось, он был погружен в глубокое раздумье. Я еще не знал, какого хищного зверя нам предстояло выследить в темных джунглях лондонского преступного мира, но все повадки этого искуснейшего охотника сказали мне, что приключение обещает быть одним из самых опасных, а язвительная усмешка, появлявшаяся время от времени на аскетически строгом лице моего спутника, не предвещала ничего доброго для той дичи, которую мы выслеживали.

Я предполагал, что мы едем на Бейкер-стрит, но Холмс приказал кучеру остановиться на углу сквера Кэвендиш. Выйдя из экипажа, он внимательно осмотрелся по сторонам и потом оглядывался на каждом повороте, желая удостовериться, что никто не увязался за нами следом. Мы шли какой-то странной дорогой. Холмс всегда поражал меня знанием лондонских закоулков, и сейчас он уверенно шагал через лабиринт каких-то конюшен и извозчичьих дворов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую улицу с двумя рядами старых, мрачных домов, и она вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Блэндфорд-стрит. Здесь Холмс быстро свернул в узкий тупичок, прошел через деревянную калитку в пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь одного из домов. Мы вошли, и он тотчас же заперся изнутри.

Было совершенно темно, но я сразу понял, что дом необитаем. Голый пол скрипел и трещал под ногами, а на стене, к которой я нечаянно прикоснулся, висели клочья рваных обоев.

Холодные тонкие пальцы Холмса сжали мою руку, и он повел меня по длинному коридору, пока наконец перед нами не обрисовались еле заметные контуры полукруглого окна над дверью. Здесь Холмс внезапно повернул вправо,

и мы очутились в большой квадратной пустой комнате, совершенно темной по углам, но слегка освещенной в середине уличными огнями. Впрочем, поблизости от окна фонаря не было, да и стекло было покрыто густым слоем пыли, так что мы с трудом различали друг друга.

Мой спутник положил руку мне на плечо и почти коснулся губами моего уха.

– Знаете ли вы, где мы? – шепотом спросил он.

– Кажется, на Бейкер-стрит, – ответил я, глядя через мутное стекло.

– Совершенно верно, мы находимся в доме Кэмдена, как раз напротив нашей прежней квартиры.

– Но зачем мы пришли сюда?

– Затем, что отсюда открывается прекрасный вид на это живописное здание. Могу ли я попросить вас, дорогой Уотсон, подойти чуть ближе к окну? Только будьте осторожны, никто не должен вас видеть. Ну, а теперь взгляните на окна наших прежних комнат, где было положено начало стольким интересным приключениям. Сейчас увидим, совсем ли я потерял способность удивлять вас за три года нашей разлуки.

Я шагнул вперед, посмотрел на знакомое окно, и у меня вырвался возглас изумления. Штора была опущена, комната ярко освещена, и тень человека, сидевшего в кресле в глубине ее, отчетливо выделялась на светлом фоне окна. Посадка головы, форма широких плеч, острые черты лица – все это не оставляло никаких сомнений. Голова была видна вполоборота и напоминала те черные силуэты, которые любили рисовать наши бабушки. Это была точная копия Холмса. Я был так поражен, что невольно протянул руку, желая убедиться, действительно ли сам он стоит здесь рядом со мной. Холмс трясся от беззвучного смеха.

– Ну? – спросил он.

– Это просто невероятно! – прошептал я.

– Кажется, годы не убили моей изобретательности, а привычка не засушила ее, – сказал он, и я уловил в его голосе радость и гордость художника, любящегося своим творением. – А ведь правда похож?

– Я готов был поклясться, что это вы.

– Честь выполнения принадлежит господину Менье из Гренобля. Он лепил эту фигуру несколько дней. Она сделана из воска. Все остальное устроил я сам, когда заходил на Бейкер-стрит сегодня утром.

– Но зачем вам понадобилось все это?

– У меня были на то серьезные причины, милый Уотсон. Я хочу, чтобы некоторые люди думали, что я нахожусь там, в то время как в действительности я нахожусь совсем в другом месте.

– Так вы думаете, что за квартирой следят?

– Я знаю, что за ней следят.

– Кто же?

– Мои старые враги, Уотсон. Та очаровательная компания, глава которой покоится на дне Рейхенбахского водопада. Как вы помните, они – и только они – знали, что я еще жив. Они были уверены, что, рано или поздно, я вернусь в свою прежнюю квартиру. Они не переставали следить за ней, и вот сегодня утром они увидели, что я возвратился.

– Но как вы догадались об этом?

– Выглянув из окна, я узнал их дозорного. Это довольно безобидный мальчик, по имени Паркер, по профессии грабитель и убийца и в то же время прекрасный органист. Он мало меня интересует. Меня гораздо больше интересует другой – тот страшный человек, который скрывается за ним, ближайший друг Мориарти, тот, кто швырял в меня камнями с вершины скалы, – самый хитрый и самый опасный преступник во всем Лондоне. Именно этот человек охотится за мной сегодня ночью, Уотсон, и не подозревает, что мы охотимся за ним.

Планы моего друга постепенно прояснились для меня. Из нашего удобного убежища мы имели возможность наблюдать за теми, кто стремился наблюдать за нами, и следить за нашими преследователями. Тонкий силуэт в окне служил приманкой, а мы – мы были охотниками.

Молча стояли мы рядом в темноте, плечом к плечу, и внимательно вглядывались в фигуры прохожих, сновавших взад и вперед по улице напротив нас. Холмс не говорил мне ни слова и не шевелился, но я чувствовал, что он страшно напряжен и что глаза его не отрываясь следят за людским потоком на панели. Ночь была холодная и ненастная, резкий ветер дул вдоль длинной улицы. Народу было много; почти все прохожие шли торопливой походкой, уткнув носы в воротники или кашне.

Мне показалось, что одна и та же фигура несколько раз прошла взад и вперед мимо дома, и особенно подозрительны были мне два человека, которые, словно укрываясь от ветра, долго торчали в одном подъезде недалеко от нас. Я сделал попытку обратить на них внимание Холмса, но он ответил мне лишь еле слышным возгласом досады и продолжал внимательно смотреть на улицу. Время от времени он переминался с ноги на ногу или нервно барабанил пальцами по стене. Я видел, что ему становится не по себе и что события разворачиваются не совсем так, как он предполагал. Наконец, когда дело подошло к полуночи и улица почти опустела, он зашагал по комнате, уже не скрывая своего волнения. Я хотел было что-то сказать ему, как вдруг взгляд мой упал на освещенное окно, и я снова почувствовал почти такое же изумление, как прежде.

– Фигура шевельнулась! – воскликнул я.

И действительно, теперь силуэт был обращен к нам уже не в профиль, а спиной.

Как видно, годы не смягчили резкого характера Холмса, и он был все так же нетерпелив, сталкиваясь с проявлениями ума, менее тонкого, чем его собственный.

– Разумеется, она шевельнулась, – сказал он. – Неужели я такой уж безмозглый болван, Уотсон, чтобы посадить в комнате явное чучело и надеяться с его помощью провести самых хитрых мошенников, какие только существуют в Европе? Мы торчим в этой дыре два часа, и за это время миссис Хадсон меняла положение фигуры восемь раз – то есть каждые четверть часа. Само собой, она подходит к ней так, чтобы ее собственной тени не было видно... Ага!

Внезапно он затаил дыхание и замер. В полумраке я увидел, как он стоит вытянув шею, в позе напряженного ожидания.

Улица была теперь совершенно пустынна. Возможно, что те двое все еще стояли, притаившись, в подъезде, но я уже не мог их видеть. Вокруг нас царили безмолвие и мрак. И во мраке отчетливо выделялся желтый экран ярко освещенного окна с контурами черной фигуры в центре. В полном безмолвии я слышал свистящее дыхание Холмса и чувствовал, как сильно он взволнован. Внезапно он толкнул меня вглубь комнаты, в самый темный ее угол, и зажал мне на минуту рот рукой, требуя тем самым полного молчания. В эту минуту я ощутил, как дрожат его пальцы. Никогда еще я не видел его в таком возбуждении, а между тем темная улица казалась все такой же пустынной и безмолвной.

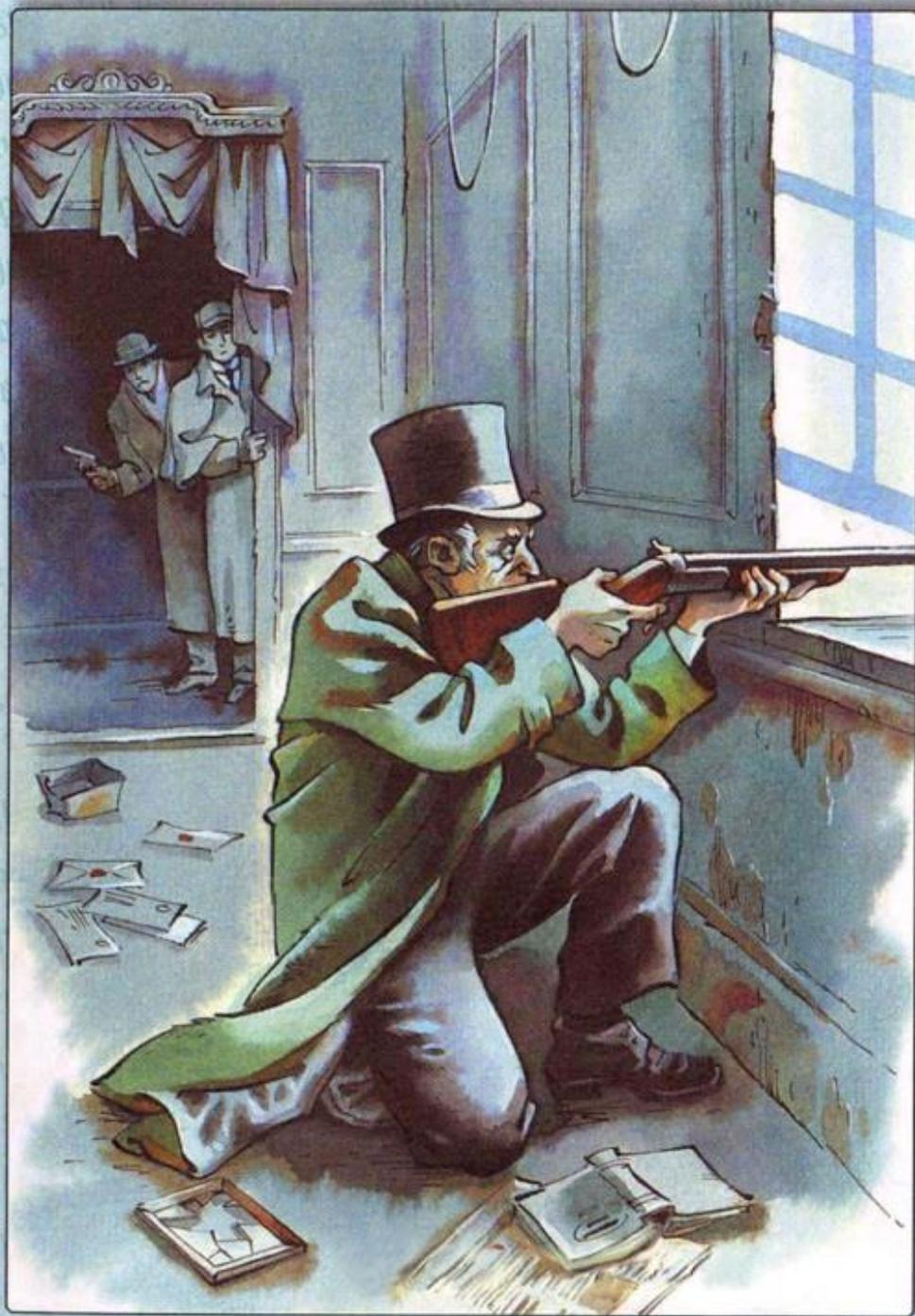
И вдруг я услышал то, что уже уловил более тонкий слух моего друга. Какой-то тихий, приглушенный звук донесся до меня, но не со стороны Бейкер-стрит, а из глубины того самого дома, где прятались мы вдвоем. Вот открылась и закрылась входная дверь. Через секунду чьи-то крадущиеся шаги послышались в коридоре – шаги, которые, очевидно, стремились быть тихими, но гулко отдавались в нежилом доме.

Холмс прижался к стене; я сделал то же, крепко стиснув револьвер. Вглядываясь в темноту, я различил неясный мужской силуэт, черный силуэт чуть темнее черного

прямоугольника открытой двери. Минуту он постоял там, затем пригнулся и крадучись двинулся вперед. Во всех его движениях таилась угроза. Эта зловещая фигура была в трех шагах от нас, и я уже напряг свои мускулы, готовясь встретить нападение пришельца, как вдруг до моего сознания дошло, что он и не подозревает о нашем присутствии.

Едва не коснувшись нас, он прошел мимо, прокрался к окну и очень осторожно, совершенно бесшумно, поднял раму почти на полфута. Когда он нагнулся до уровня образовавшегося отверстия, свет с улицы, уже не заслоненный грязным стеклом, упал на его лицо. Это лицо выдавало крайнюю степень возбуждения. Глаза лихорадочно горели, черты были страшно искажены.

Незнакомец был уже немолодой человек с тонким ястребиным носом, высоким лысеющим лбом и длинными седыми усами. Цилиндр его был сдвинут на затылок, пальто распахнулось и открывало белоснежную грудь накрахмаленной фрачной манишки. Смуглое, мрачное лицо было испещрено глубокими морщинами. В руке он держал нечто вроде трости, но когда он положил ее на пол, она издала металлический лязг. Затем он вынул из кармана какой-то предмет довольно больших размеров и несколько минут возился с ним, пока не звякнуло что-то железное, — видимо, он приладил какую-то пружину или задвижку. Стоя на коленях, он нагнулся вперед и всей своей тяжестью налег на какой-то рычаг, в результате чего мы слышали длительный, скрежещущий, резкий звук, еще более громкий, чем прежде. Тогда он выпрямился, и я увидел, что в руке у него было нечто вроде ружья с каким-то странным, неуклюжим прикладом. Он открыл затвор, вложил что-то внутрь и снова защелкнул его. Потом, сев на корточки, положил конец ствола на подоконник, и его длинные усы повисли над стволом, а глаза сверкнули, вглядываясь в точку прицела. Наконец он приложил ружье

Незнакомец приложил ружье к плечу и с облегчением вздохнул: мишень была перед ним — изумительная мишень, черный силуэт, четко выделявшийся на светлом фоне. На мгновение он застыл, потом его палец нажал на собачку.

к плечу и с облегчением вздохнул: мишень была перед ним – изумительная мишень, черный силуэт, четко выделявшийся на светлом фоне. На мгновение он застыл, потом его палец нажал на собачку, и раздалось странное громкое жужжанье, а вслед за ним серебристый звон разбитого стекла. В тот же миг Холмс подпрыгнул, как тигр, обрушился на спину стрелка и повалил его на пол ничком. Но через секунду тот вскочил на ноги и с невероятной силой схватил Холмса за горло. Тогда рукояткой моего револьвера я ударил злодея по голове, и он снова упал. Я навалился на него, и в ту же минуту Холмс дал резкий свисток. С улицы послышался топот бегущих людей, и вскоре два полисмена в форме, а с ними сыщик в штатском платье ворвались в комнату через парадную дверь.

– Это вы, Лестрейд? – спросил Холмс.

– Да, мистер Холмс. Я решил сам заняться этим делом. Рад видеть вас снова в Лондоне, сэр.

– Мне казалось, что вам не помешает наша скромная неофициальная помощь. Три нераскрытых убийства за один год – это многовато, Лестрейд. Но дело о Мольсейской тайне вы вели не так уж... то есть я хотел сказать, что вы провели его недурно...

Все мы уже стояли на ногах. Наш пленник тяжело дышал в руках двух дюжих констеблей, крепко державших его с двух сторон.

На улице начала собираться толпа зевак. Холмс подошел к окну и закрыл его. Лестрейд зажег две принесенные им свечи, а полицейские открыли свои потайные фонарики. Наконец-то я мог рассмотреть нашего пленника.

У него было необычайно мужественное и в то же время отталкивающее лицо. Лоб философа и челюсть сластолюбца говорили о том, что в этом человеке были заложены большие способности как к добру, так и ко злу. Но жестокие, стального оттенка глаза с нависшими веками и циничным взглядом, хищный ястребиный нос и глубокие

морщины, избороздившие лоб, указывали, что сама природа позаботилась наделить его признаками, свидетельствовавшими об опасности этого субъекта для общества. Ни на кого из нас он не обращал ни малейшего внимания; взгляд его был прикован к лицу Холмса, на которого он глядел с изумлением и ненавистью.

– Дьявол! – шептал он. – Хитрый, хитрый дьявол!

– Итак, полковник, – сказал Холмс, поправляя свой измятый воротник, – закадычные приятели встречаются вновь, как говорит старинная поговорка. Кажется, я еще не имел удовольствия видеть вас после того, как вы удостоили меня своим благосклонным вниманием, – ну, помните, когда я лежал в той расселине над Рейхенбахским водопадом.

Полковник, словно загнипнотизированный, не мог оторвать взгляда от моего друга.

– Дьявол, сущий дьявол! – снова и снова повторял он.

– Я еще не представил вас, – сказал Холмс. – Джентльмены, это полковник Себастьян Моран, бывший офицер Индийской армии ее величества и лучший охотник на крупного зверя, какой когда-либо существовал в наших восточных владениях. Думаю, что не ошибусь, полковник, если скажу, что по числу убитых вами тигров вы все еще остаетесь на первом месте?

Пленник с трудом сдерживал ярость и продолжал молчать. Он и сам был похож на тигра: глаза у него злобно сверкали, усы ошетинились.

– Меня удивляет, что моя несложная выдумка могла обмануть такого опытного охотника, – продолжал Холмс. – Для вас она не должна быть новинкой. Разве вам не приходилось привязывать под деревом козленка и, притаившись в ветвях с карабином, ждать, пока тигр не придет на приманку? Этот пустой дом – мое дерево, а вы – мой тигр. Думаю, что иногда вам случалось иметь в резерве других стрелков на случай, если бы вдруг явилось несколько тиг-

ров или же – что мало вероятно! – если бы вы сами промахнулись. Эти господа, – он показал на нас, – мои запасные стрелки. Мое сравнение точно, не так ли?

Внезапно полковник Моран с яростным воплем рванулся вперед, но констебли оттащили его. Лицо его выражало такую ненависть, что страшно было смотреть.

– Признаюсь, вы устроили мне небольшой сюрприз, – продолжал Холмс. – Я не предполагал, что вы сами захотите воспользоваться этим пустым домом и этим окном, действительно очень удобным. Мне представлялось, что вы будете действовать с улицы, где вас ждал мой друг Лестрейд со своими помощниками. За исключением этой детали, все произошло так, как я ожидал.

Полковник Моран обратился к Лестрейду.

– Независимо от того, есть у вас основания для моего ареста или у вас их нет, – сказал он, – я не желаю переносить издевательства этого господина. Если я в руках закона, пусть все идет законным порядком.

– Это, пожалуй, справедливо, – заметил Лестрейд. – Вы имеете еще что-нибудь сказать, перед тем как мы уйдем отсюда, мистер Холмс?

Холмс поднял с пола громадное духовое ружье и стал рассматривать его механизм.

– Превосходное и единственное в своем роде оружие! – сказал он. – Стреляет бесшумно и действует с сокрушительной силой. Я знал немца фон Хердера, слепого механика, который сконструировал его по заказу покойного профессора Мориарти. Вот уже много лет, как мне было известно о существовании этого ружья, но никогда еще не приходилось держать его в руках. Я особенно рекомендую его вашему вниманию, Лестрейд, а также и пули к нему.

– Не беспокойтесь, мистер Холмс, мы займемся им, – сказал Лестрейд, когда все присутствовавшие двинулись к дверям. – Это все?

– Все. Впрочем, я хотел бы спросить, какое обвинение вы собираетесь предъявить преступнику?

– Как какое обвинение, сэр? Ну, разумеется, в покушении на убийство Шерлока Холмса.

– О нет, Лестрейд, я не имею никакого желания фигурировать в этом деле. Вам, и только вам, принадлежит честь замечательного ареста, который вы произвели. Поздравляю вас, Лестрейд! Благодаря сочетанию свойственной вам проницательности и смелости вы все-таки поймали этого человека.

– Этого человека? Но кто же он такой, мистер Холмс?

– Тот, кого безуспешно искала вся полиция, – полковник Себастьян Моран, который тридцатого числа прошлого месяца застрелил сэра Рональда Адэра выстрелом из духового ружья, произведенным через окно второго этажа дома № 427 по Парк-лэйн. Вот каково должно быть обвинение, Лестрейд... А теперь, Уотсон, если вы не боитесь сквозного ветра из разбитого окна, давайте посидим полчаса у меня в кабинете и выкурим по сигаре – надеюсь, что это немного развлечет вас.

Благодаря наблюдению Майкрофта Холмса и непосредственным заботам миссис Хадсон в нашей прежней квартире ничто не изменилось. Правда, войдя, я был удивлен ее непривычной опрятностью, но все знакомые предметы стояли на своих местах. На месте был «уголок химии», в котором по-прежнему стоял сосновый стол, покрытый пятнами от едких кислот. На полке по-прежнему были выстроены в ряд огромные альбомы газетных вырезок и справочники – о, как охотно швырнули бы их в огонь многие из наших сограждан! Диаграммы, футляр со скрипкой, полочка с множеством трубок, даже персидская туфля с табаком – все было вновь перед моими глазами, когда я осмотрелся по сторонам. В комнате находились двое: во-первых, миссис Хадсон, встретившая нас радостной улыбкой, а во-вторых, странный манекен, сыгравший такую важную роль в событиях сегодняшней ночи. Это

был раскрашенный восковой бюст моего друга, сделанный с необыкновенным мастерством и поразительно похожий на оригинал. Он стоял на невысоком столике и был так искусно задрапирован старым халатом Холмса, что, если смотреть с улицы, иллюзия получалась полная.

– Надо полагать, вы выполнили все мои указания, миссис Хадсон? – спросил Холмс.

– Я подползала к нему на коленях, сэ, как вы приказали.

– Отлично. Вы проделали все это как нельзя лучше. Заметили вы, куда попала пуля?

– Да, сэ. Боюсь, что она испортила ваш красивый бюст – прошла через голову и сплющилась о стену. Я подняла ее с ковра. Вот она.

Холмс протянул ее мне.

– Мягкая револьверная пуля – посмотрите, Уотсон. Ведь это просто гениально! Ну кто бы подумал, что такая штука может быть пущена из духового ружья? Прекрасно, миссис Хадсон, благодарю вас за помощь... А теперь, Уотсон, садитесь, как бывало, на свое старое место. Мне хочется обсудить с вами несколько пунктов.

Он сбросил поношенный сюртук, накинул серый халат, сняв его предварительно со своего двойника, и передо мной снова был прежний Холмс.

– Нервы у старого охотника все так же крепки, а глаз так же верен, – сказал он со смехом, разглядывая продырявленный лоб восковой фигуры. – Попал в самую середину затылка и пробил мозг. Это был искуснейший стрелок в джунглях Индии, и я полагаю, что в Лондоне у него найдется не так уж много соперников. Вы когда-нибудь слышали прежде его имя?

– Нет, никогда.

– Да, вот она, слава! Впрочем, вы ведь, насколько я помню, еще недавно сознавались, что не слышали даже имени профессора Джеймса Мориарти, а это был вели-

чайший ум нашего века. Кстати, снимите, пожалуйста, с полки биографический указатель...

Удобно расположившись в кресле и попыхивая сигарой, Холмс лениво переворачивал страницы.

— У меня отличная коллекция на «М», — сказал он, — Одного Мориарти было бы достаточно, чтобы прославить любую букву, а тут еще Морган — отравитель, и Мерридю, оставивший по себе жуткую память, и Мэтьюз — тот самый, который выбил мне левый клык в зале ожидания на Черингкросском вокзале. А вот, наконец, и наш сегодняшний друг.

Он протянул мне книгу, и я прочитал:

«Моран Себастьян, полковник в отставке. Служил в первом саперном бенгалорском полку. Родился в Лондоне в 1840 году. Сын сэра Огестеса Морана, кавалера ордена Бани, бывшего английского посланника в Персии. Окончил Итонский колледж и Оксфордский университет. Участвовал связистом в кампаниях Джовакской, Афганской, Чарасиабской, Шерпурской и Кабульской. Автор книг: «Охота на крупного зверя в Западных Гималаях» (1881) и «Три месяца в джунглях» (1884). Адрес: Кондуит-стрит. Клубы: Англо-индийский, Тэнкервильский и карточный клуб Багатель».

На полях четким почерком Холмса было написано: «Самый опасный человек в Лондоне после Мориарти».

— Странно, — сказал я, возвращая Холмсу книгу. — Казалось бы, его путь — это путь честного солдата.

— Вы правы, — ответил Холмс. — До известного момента он не делал ничего дурного. Это был человек с железными нервами, и в Индии до сих пор ходят легенды о том, как он прополз по высохшему руслу реки и спас человека, вырвав его из когтей раненого тигра. Есть такие деревья, Уотсон, которые сначала растут нормально до определенной высоты и вдруг обнаруживают в своем развитии какое-нибудь уродливое отклонение от нормы. Это часто случает-

ется и с людьми. Согласно моей теории, каждый индивидуум повторяет в своем развитии историю развития всех своих предков, и я считаю, что каждый неожиданный поворот в сторону добра или зла находится в зависимости от какого-нибудь сильного влияния, начало которого надо искать в родословной человека. И, следовательно, его биография является как бы отражением в миниатюре биографии всей семьи.

– Ну, знаете, эта теория несколько фантастична.

– Что ж, не буду на ней настаивать. Каковы бы ни были причины, но полковник Моран вступил на дурной путь. Без всякого громкого скандала он до такой степени восстановил против себя кое-кого в Индии, что ему уже невозможно было оставаться там. Он вышел в отставку, приехал в Лондон и здесь тоже приобрел дурную славу. Вот тогда-то его и открыл профессор Мориарти, у которого он некоторое время был правой рукой. Мориарти щедро снабжал его деньгами, но к помощи его прибегал очень редко – лишь в двух или трех особо трудных делах, которые не мог бы выполнить заурядный преступник. Вы, может быть, помните странную смерть миссис Стьюарт из Лаудера в 1887 году? Нет? Я уверен, что тут не обошлось без Морана, хотя против него и не было никаких явных улик. Полковник умел так искусно прятать концы в воду, что даже после того, как разогнали всю шайку Мориарти, нам все-таки не удалось притянуть его к суду.

Помните, Уотсон, тот вечер, когда я пришел к вам и закрыл ставни, опасаясь выстрела из духового ружья? Тогда вам показалось это странным, но я знал, что делал, ибо мне было уже известно о существовании этого замечательного ружья, и, кроме того, я знал, что оно находится в руках у одного из искуснейших стрелков. Когда мы с вами поехали в Швейцарию, Моран погнался за нами вместе с Мориарти, и именно он заставил меня пережить те неприятные минуты, когда я лежал в расщелине скалы над Рейхенбахским водопадом.

Можете себе представить, с каким жадным вниманием читал я английские газеты, когда был во Франции: я надеялся найти хоть какой-нибудь шанс посадить его за решетку. Ведь пока он разгуливал в Лондоне на свободе, я не мог и думать о возвращении. Днем и ночью эта угроза омрачала бы мою жизнь, и так или иначе он нашел бы случай убить меня. Что же мне было делать? Застрелить его при встрече я не мог – ведь я и сам очутился бы тогда на скамье подсудимых. Обращаться в суд тоже было бесполезно – суд не имеет права возбуждать дело на основании одних только недоказанных подозрений, а доказательств у меня не было. Так что я был бессилён что-либо предпринять. Но я неустанно следил за хроникой преступлений, так как был твердо уверен, что рано или поздно мне удастся его изловить.

И вот произошло убийство этого Рональда Адэра. Наконец-то мой час настал! Зная то, что я знал, мог ли я сомневаться, что его убил именно полковник Моран? Он играл с юношей в карты, он пошел вслед за ним из клуба, он застрелил его через открытое окно. Да, сомнений быть не могло. Одна пуля могла стать достаточной уликой, чтобы отправить полковника Морана на виселицу. Я тотчас приехал в Лондон. Дозорный полковника увидел меня и, разумеется, сообщил ему об этом. Тот не мог не связать мой внезапный приезд со своим преступлением и, конечно, сильно встревожился. Я был убежден, что он сделает попытку немедленно устранить меня и для этого прибегнет к своему смертоносному оружию. Поэтому я приготовил ему в окне моего кабинета безукоризненную мишень, предупредил полицию, что мне может понадобиться ее помощь (кстати, Уотсон, вы своим зорким взглядом сразу разглядели двух полисменов в том подъезде), и занял пост, показавшийся мне удобным для наблюдения, но, право, мне и не снилось, что мой противник выберет для нападения то же самое место. Вот и все, милый Уотсон. Теперь, я думаю, вам все ясно?

– Нет, – ответил я. – Вы еще не объяснили мне, зачем понадобилось полковнику Морану убивать сэра Рональда Адэра.

– Ну, друг мой, здесь уж мы вступаем в область догадок, а в этой области одной логики мало. Каждый может на основании имеющихся фактов создать свою собственную гипотезу, и ваша имеет столько же шансов быть правильной, как и моя.

– Стало быть, ваша гипотеза уже создана?

– Что ж, по-моему, объяснить существующие факты не так уж трудно. Следствием было установлено, что незадолго до убийства полковник Моран и молодой Адэр, будучи партнерами, выиграли порядочную сумму денег. Но Моран, без сомнения, играл нечисто – я давно уже знал, что он шулер. По всей вероятности, в день убийства Адэр заметил, что Моран плутует. Он поговорил с полковником с глазу на глаз и пригрозил разоблачить его, если он добровольно не выйдет из членов клуба и не даст слово навсегда бросить игру. Едва ли такой юнец, как Адэр, сразу решился бы публично бросить это скандальное обвинение человеку, который значительно старше его и притом занимает видное положение в обществе. Скорее всего, он поговорил с полковником наедине, без свидетелей. Но для Морана, который существовал только на те деньги, которые ему удавалось добывать шулерством, исключение из клуба было равносильно разорению. Поэтому он и убил Адэра, и убил в тот самый момент, когда молодой человек, не желая пользоваться результатами нечестной игры своего партнера, подсчитывал, какова была его доля выигрыша и сколько денег он должен был возратить проигравшим. А чтобы мать и сестра не застали его за этим подсчетом и не начали расспрашивать, что означают все эти имена на бумаге и столбики монет на столе, он заперся на ключ... Ну что, правдоподобно, по-вашему, мое объяснение?

– Я убежден, что вы попали в точку.

– Следствие покажет, прав я или нет. Так или иначе, полковник Моран больше не будет беспокоить нас, знаменитое духовое ружье фон Хердера украсит коллекцию музея Скотленд-Ярда, и отныне никто не помешает мистеру Шерлоку Холмсу заниматься разгадкой тех интересных маленьких загадок, которыми так богата сложная лондонская жизнь.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

На третий день рождества зашел я к моему приятелю Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; справа от него было несколько трубок, набитых табаком, а слева – груда смятых утренних газет, которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул; на его спинке висела сильно поношенная, жалкая войлочная шляпа, продырявленная в нескольких местах. Холмс, должно быть, очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же, на сиденье стула, лежали пинцет и лупа.

– Вы заняты, – сказал я. – Боюсь, что я вам мешаю.

– Нисколько, – ответил он. – Я рад, что у меня есть товарищ, с которым я могу побеседовать о результатах моих исследований. Вещь, как видите, весьма заурядная, – он ткнул большим пальцем в сторону старой шляпы, – но с этой вещью связаны кое-какие любопытные события, не лишенные даже некоторой поучительности.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

– Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей, – заметил я. – Очевидно, она послужит ключом к разгадке каких-нибудь страшных тайн, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

Шерлок Холмс засмеялся.

– Нет, нет, – сказал он, – тут не преступление, а очень мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти в такой местности, где четыре миллиона человек толкуются на пространстве в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье всегда возможны любые комбинации фактов, которые, будучи чрезвычайно загадочны, все же не таят в себе никаких преступлений. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

– Еще бы! – воскликнул я, – Из последних шести эпизодов, которые были описаны мною, три не заключали в себе ничего незаконного.

– Совершенно верно. Я не сомневаюсь, что и этот пустячный случай окажется столь же невинным. Вы знаете Петерсона, посыльного?

– Да.

– Этот трофей принадлежит ему.

– То есть это его шляпа?

– Нет, нет, он нашел ее. Владелец ее неизвестен. Попробуйте посмотреть на нее не как на старую рухлядь, а как на серьезную задачу... Раньше всего расскажу вам, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день рождества вместе с отличным, жирным гусем, который в данное время жарится у Петерсона на кухне. Произошло это так. На рождество, в четыре часа утра, Петерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тотенхем-Коорт-род. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идет какой-то высокий субъект и несет на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу. Незнакомец, защищаясь, размахнулся палкой и нечаянно попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Стекло разлетелось вдребезги. Петерсон бросился вперед,

По улице Тотенхем-Коорт-род, слегка пошатываясь, шел какой-то высокий субъект и нес на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы.

чтобы защитить незнакомца, но несчастный, потрясенный тем, что разбил стекло, как только увидел бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тотенхем-Коорт-род. Петерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего напугало беглеца. Так как при появлении Петерсона хулиганы разбежались, рассыльный очутился один на поле битвы и оказался обладателем добычи в виде этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся...

– ...которого Петерсон, конечно, возвратил незнакомцу.

– Вот в этом-то и заключается наша загадка, мой милый. Кто этот незнакомец и где он живет? Правда, на маленькой карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Миссис Генри Бейкер», правда и то, что инициалы «Г. Б.» можно разобрать на подкладке этой шляпы. Но так как в городе живет несколько тысяч Бейкеров и в том числе несколько сот Генри Бейкеров, нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

– Что же сделал Петерсон?

– Он попросту принес мне и гуся и шляпу, зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его все же лучше съесть, не откладывая. Петерсон унес гуся и угостился на славу, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

– Он не помещал объявления в газете?

– Нет.

– Как же вы узнаете, кто он?

– Только путем размышлений.

– Размышлений над этой шляпой?

– Конечно.

– Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого, рваного войлока?

– Вот моя лупа. Возьмите ее и попробуйте применить к этой шляпе мой метод. Вам ведь он хорошо известен. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел ее в руках. Самая обыкновенная черная круглая шляпа. Жесткая, сильно поношенная. Шелковая подкладка была некогда красной, но теперь полиняла. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал мне Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил дырочку для придерживавшей шляпу резинки, но резинки не оказалось. Вообще шляпа была рваная, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

– Я ничего в ней не вижу, – сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

– Нет, Уотсон, вы видите все, но не даете себе труда поразмыслить над тем, что вы видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

– Тогда, пожалуйста, скажите мне, какие выводы делаете вы из осмотра этой шляпы.

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать ее пронизательным взглядом, свойственным ему одному.

– Конечно, не все в ней достаточно ясно, – заметил он, – но кое-что можно установить наверняка, а кое-что можно предположить с достаточной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец ее – человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали для него черные дни. Он всегда был очень предусмотрителен, всегда заботился о завтрашнем дне, а сейчас немного опустился. Так как благосостояние его тоже упало, мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пагубному пороку – быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена разлюбила его...

– Милый мой Холмс!

– Но все же в какой-то степени он еще сохранил свое достоинство, – продолжал Холмс, не обращая внимания на мое восклицание. – Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Это человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно постригся. Вдобавок я твердо уверен, что в доме у него нет газового освещения.

– Вы, конечно, шутите, Холмс.

– Ничуть. Неужели даже теперь, когда я вам все рассказал, вы не понимаете, как я узнал обо всем этом!

– Читайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он очень умен?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и уперлась в переносицу.

– Видите, какая кубатура! – сказал он. – Не может же быть совершенно пустым такой большой мозг.

– Ну, а откуда вы взяли, что он обеднел?

– Этой шляпе три года. Плоские поля, загнутые по краям, были тогда очень модными. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шелковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад этот человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, совершенно ясно, что дела у него пошатнулись.

– Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный и что в настоящее время он переживает душевный упадок?

– Предусмотрительность – вот она, – сказал он, показывая на дырочку от резинки. – Резинки никогда не продают вместе со шляпами, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел прикрепить ее к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь свою шляпу от ветра. Но резинка оторвалась, и он не стал прилаживать новую, а это значит, что раньше он следил за своей

наружностью, теперь же опустился и, так сказать, махнул на себя рукой. Однако, с другой стороны, он пытался прикрыть пятна на шляпе, замазать их чернилами, – значит, он еще не вполне потерял чувство собственного достоинства.

– Все это очень похоже на правду.

– Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы – все это становится ясным, если внимательно осмотреть в его шляпе нижнюю часть подкладки. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, срезанные ножницами парикмахера. Все эти волосы пахнут помадой. Заметьте, что пыль на ней не уличная – серая и песочная, а домашняя – бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней ее стороне говорят о том, как легко владелец ее покрывается потом, потому что он отвык от движения.

– А как вы узнали, что его разлюбила жена?

– Шляпа не чищена уже несколько недель. Если бы я увидел, мой дорогой Уотсон, что ваша шляпа не чищена хотя бы одну неделю и что ваша жена позволяет вам выходить в таком виде, я стал бы опасаться, что и вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

– А может быть, он холостяк?

– Нет, он нес гуся домой именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке этой птицы.

– У вас на все готов ответ. Но откуда вы можете знать, что в его доме нет газа?

– Одно-два сальных пятна на шляпе – случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я могу не сомневаться в том, что этому человеку часто приходится пользоваться сальной свечой – вероятно, подниматься ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую сальную свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен... Теперь вы согласны со мною?

– Да, все это очень просто, – смеясь, сказал я. – Но в том, что вы рассказали, еще нет преступления. Никто не понес убытков – никто, кроме человека, потерявшего гуся, – и, значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась, и в комнату, потрясенный, взволнованный, влетел посыльный Петерсон. Щеки у него буквально пылали.

– Гусь-то, гусь, мистер Холмс! – задыхаясь, прокричал он.

– Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно?

Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбужденное лицо Петерсона.

– Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Он протянул руку, и на его ладони мы увидели ярко сверкающий голубой камень величиной чуть поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на темной ладони, точно электрическая искра.

Холмс свистнул и опустился на кушетку.

– Честное слово, Петерсон, – сказал он, – вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

– Бриллиант, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

– Это не просто драгоценный камень – это тот самый драгоценный камень.

– Неужели это голубой карбункул¹⁴ графини Моркар? – вскричал я.

– Совершенно правильно. Я знаю, каков он, так как последнее время каждый день читал объявления в «Таймс». Камень этот – единственный в своем роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу

¹⁴ Карбункул – полупрозрачный драгоценный камень, обычно красного цвета.

фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

– Тысяча фунтов! О Боже!

Посыльный бухнулся в кресло, изумленно тараща глаза то на меня, то на Холмса.

– Награда наградой, но у меня есть основания думать, – сказал Холмс, – что по некоторым соображениям графиня отдала бы половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

– Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен», – заметил я.

– Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня был обвинен Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьезны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчет.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, сложил ее пополам и прочитал следующее:

КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В ОТЕЛЕ «КОСМОПОЛИТЕН»

Джон Хорнер, 26 лет, паяльщик, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки ее драгоценный камень, известный под именем «голубой карбункул». Джеймс Райдер, старший слуга отеля, показал, что в день кражи видел Хорнера в туалетной комнате графини Моркар, где тот припаивал расшатанный прут каминной решетки. Некоторое время Райдер оставался в комнате с Хорнером, но потом его вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и, как обнаружилось впоследствии, маленький сафьяновый футляр, в котором графиня имела обыкновение держать драгоценный камень, валяется пустой на туалетном столике. Райдер сейчас же забил тревогу, и в тот же вечер Хорнер был арестован. Но камня не нашли ни при нем, ни в его

комнате. Кэтерин Кьюзек, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже обнаружила исчезновение камня. Полицейский инспектор Брэдстрит из округа «Б» отдал распоряжение арестовать Хорнера, который бурно сопротивлялся и горячо доказывал свою невиновность. Но так как Хорнер и раньше судился за кражу, судья отказался разбирать это дело и передал его суду присяжных. Хорнер, все время выказывавший признаки сильной тревоги, упал в обморок при этом решении и был вынесен из зала суда.

– Гм! Вот и все полицейские сведения, – задумчиво сказал Холмс, откладывая газету в сторону. – Наша задача теперь – выяснить, каким образом из футляра графини камень очутился в гусином зобу. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались внезапно не совсем уж такими невинными. Они гораздо полезнее, чем мы полагали. Вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь был у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя истрепанной шляпы, личность которого я пытался охарактеризовать перед вами, чем и навел на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьезно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Чтобы разыскать его, мы раньше всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путем мы не достигнем цели, я прибегну к иным методам.

– Что будет сказано в объявлении?

– Дайте мне карандаш и клочок бумаги. Вот: «На углу Гудж-стрит найдены гусь и черная войлочная шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить их сегодня на Бейкер-стрит 221-Б, в 6.30 вечера». Коротко и ясно.

– Весьма. Но заметит ли он объявление?

– Конечно. Он просматривает теперь все газеты, так как он бедный человек и рождественский гусь для него

— Вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь был у мистера Генри Бейкера. Мы должны серьезно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии.

целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Петерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чем. Но потом, конечно, ему стало жалко, что он поддался страху и выронил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию... Так вот, Петерсон, бегите скорее в бюро объявлений и поместите эти строки в вечерних газетах.

– В каких, сэр?

– О, в «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс Газетт», «Ивнинг Ньюз», «Стандард», «Ико» и во всех других, какие придут вам на ум.

– Слушаю, сэр. А как быть с этим камнем?

– Ах да! Камень я оставлю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Петерсон, купите гуся и принесите его ко мне. Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которого в настоящее время уписывает ваша семья.

Посыльный вышел, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

– Славный камешек! – сказал он. – Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых драгоценных камнях каждая грань повествует о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет еще и двадцати лет. Он был найден на берегу реки Амой, в Южном Китае, и замечателен тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за этого прозрачного угля весом в сорок гран было совершено множество ограблений, два убийства, одно самоубийство и кого-то облили серной кислотой. Кто бы мог сказать, что такая красивая безделушка ведет людей к тюрьмам и виселицам! Я запру камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он хранится у нас.

– Вы считаете, что Хорнер невиновен?

– Не могу ничего утверждать.

– А замешан в это дело Генри Бейкер?

– Вернее всего, Генри Бейкер здесь совсем ни при чем.

Я думаю, ему и в голову не приходит, что будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил бы гораздо дешевле. Все это мы очень скоро узнаем наверняка, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

– А до тех пор вы ничего не можете предпринять?

– Ничего.

– В таком случае, я уеду к своим пациентам, а вечером в назначенный час снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

– Буду счастлив вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, после недавних событий не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть ее зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит.

Подойдя к дверям, я увидел высокого мужчину в шотландской шапочке и в наглухо застегнутом до подбородка сюртуке. Как раз в тот момент, когда я подошел, ему отперли, и мы одновременно вошли в комнату Шерлока Холмса.

– Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? – сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с наивно-радушным видом, который он умел напускать на себя. – Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер холодный, а мне кажется, что лето вы переносите лучше, чем зиму... Уотсон, вы пришли как раз вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

– Да, сэр, это несомненно моя шляпа.

Бейкер был крупный сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красные пятна на носу и щеках и легкое

дрожание протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его склонности к выпивке. На нем был порыжелый сюртук, застегнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не видно было ни малейшего признака белья. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, сильно помятого жизнью.

– Мы на несколько дней задержали шляпу и гуся, – сказал Холмс, – так как все время ждали, что вы напечатаете в газетах объявление со своим адресом. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущенно усмехнулся.

– У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то, – сказал он. – Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня, унесли с собой и шляпу и гуся, и не хотел тратить деньги по-пустому.

– Вполне естественно. Между прочим, ведь нам пришлось съесть вашего гуся.

– Съесть?!

Наш посетитель в большом волнении приподнялся на стуле.

– Да ведь он все равно испортился бы, если бы мы его не съели, – продолжал Холмс. – Но я полагаю, что вон тот гусь на буфете, совершенно свежий и того же веса, заметит вам вашего гуся.

– О, конечно, конечно! – ответил мистер Бейкер, облегченно вздохнув.

– Но у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зоб, так что, если вы хотите...

Бейкер от души расхохотался.

– Разве только на память о моем приключении, – сказал он. – Право, не знаю, на что мне могут пригодиться бранные останки моего покойного знакомца! Нет, сэр, позвольте мне, с вашего разрешения, сосредоточить внимание на том превосходном гусе, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс быстро переглянулся со мной и чуть заметно пожал плечами.

– Вот ваша шляпа, а вот ваш гусь, – сказал он. – Кстати, не скажете ли мне, где вы достали того гуся? Я кое-что смыслю в этом деле и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

– Охотно, сэр, – сказал Бейкер; он встал и сунул подмышку своего нового гуся. – Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ музея, – мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. В этом году хозяин нашего трактира Виндигет, отличный человек, основал «гусиный клуб». Выплачивая по несколько пенсов в неделю, каждый из нас к Рождеству получает по гуся. Я уже целиком выплатил свою долю. Остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр, – ведь неудобно солидному человеку в моем возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушел.

– С Генри Бейкером покончено, – сказал Холмс, закрыв за ним дверь. – Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы голодны, Уотсон?

– Не особенно.

– Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

– С удовольствием.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звезды холодно сияли на безоблачно ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от множества пистолетных выстрелов. Четко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Гарли-стрит, через Вигмор-стрит вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошел в бар и заказал две кружки пива краснощекому трактирщику в белом переднике.

– У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей, – сказал Холмс.

– Моих гусей?

Трактирщик, казалось, был изумлен.

– Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

– А! Да, понимаю. Но, видите ли, сэр, гуси-то ведь не мои.

– В самом деле? А чьи же?

– Я купил две дюжины гусей у одного торговца в Ковент-Гардене.

– Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

– Его зовут Брэкинридж.

– А! Нет, Брэкинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи!

– А теперь к мистеру Брэкинриджу, – сказал Холмс, выходя на мороз и застегивая пальто. – Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи всего только гусь, а к другому ее концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к нам. Дойдем же, держась за нее, до конца, как бы печален он ни был. Итак, поворот на юг и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковент-Гарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брэкинридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холеными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

– Добрый вечер! Каков мороз, а? – сказал Холмс.

Торговец кивнул головой и бросил вопросительный взгляд на моего друга.

– Гуси, видно, распроданы, – продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

– Завтра утром можете получить хоть пятьсот штук.

– Завтра они мне ни к чему.

– Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

– Да, но меня направили к вам.

– Кто же?

– Хозяин «Альфы».

– А, да! Я отослал ему две дюжины.

– Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привел торговца в бешенство.

– А ну-ка, мистер, – сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока, – к чему вы клоните? Говорите прямо.

– Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продает вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

– Вот и не скажу.

– Не скажете – и не надо. Велика важность! Интересно, отчего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

– Кипячусь? Небось на моем месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «где гуси?», «у кого вы купили гусей?», «кому вы продали гусей?» и «сколько вы возьмете за ваших гусей?». Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошелся, когда послушаешь, какой из-за них подняли шум!

– Я не имею никакого отношения к тем людям, которые пристают к вам с расспросами, – небрежно сказал Холмс. – Не хотите говорить – и не надо. Но я понимаю толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

– Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! – выпалил торговец.

– Быть не может!

– А я говорю, городской!

– Ни за что не поверю!

– Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня, хотя я этим делом занимаюсь чуть не с пеленок? Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфугу», выкормлены не в деревне, а в городе.

– Вы никогда не заставите меня поверить в такую нелепость.

– Хотите пари?

– Это значило бы просто взять у вас деньги. Я не сомневаюсь в своей правоте. Но я согласен поставить соверен только для того, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец мрачно ухмыльнулся.

– Принеси-ка мне книги, Билл, – сказал он.

Мальчишка принес две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

– Ну-с, мистер Спорщик, – сказал торговец, – я считал, что сегодня распродал всех гусей, но бог занес ко мне в лавку еще одного гуся. Видите эту книжку?

– Ну и что же?

– Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в большой книге, где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите ее вслух.

– «Миссис Окшот, Брикстон-род, 117, страница 249», – прочел Холмс.

– Совершенно правильно. Теперь откройте 249-ю страницу в большой книге.

Холмс открыл указанную страницу.

– Вот: «Миссис Окшот, Брикстон-род, 117, – поставщица дичи и яиц».

– А что гласит последняя запись?

– «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

– Правильно. Запомните это. А внизу?

– «Проданы мистеру Виндигету, «Альфа», по двенадцать шиллингов».

– Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчен. Вынув софлер из кармана, он швырнул его на прилавок, повернулся и вышел молча, с расстроенным видом. Пройдя несколько метров, он остановился под фонарем и рассмеялся своим особенным – веселым и беззвучным смехом.

– Если вы видите человека с такими усами и с таким красным платком в кармане, вы можете выудить из него все что угодно, предложив ему любое пари, – сказал он. – Я утверждаю, что и за сто фунтов мне никогда не удалось бы получить у него такие подробные сведения, какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон, мне кажется, что мы почти до конца распутали загадочную нить. Единственное, что нам осталось решить, – пойдём ли мы к этой миссис Окшот сейчас или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна ясно, что этим делом интересуется еще кто-то, кроме нас, и я...

Громкий шум, донесшийся внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы в желтом свете качающейся лампы увидели маленького краснолицего человечка. Брэкинридж, стоя в дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

– Хватит с меня и вас и ваших гусей! – орал Брэкинридж. – Провалитесь вы все к дьяволу! Если вы еще раз сунетесь ко мне с вашими дурацкими расспросами, я спущу на вас цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшот, ей я отвечу. А вы-то тут при чем? Ваших, что ли, я купил гусей?

– Нет, но все же один из них – мой, – захныкал человек.

– Ну и спрашивайте его тогда с миссис Окшот!

– Она мне велела узнать у вас.

– Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Довольно! Убирайтесь, отсюда!

Он яростно бросился вперед, и человек быстро исчез во мраке.

– Ага, нам, кажется, не придется идти на Брикстон-род, – прошептал Холмс. – Пойдем посмотрим, не пригодится ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг освещенных ларьков, мой друг быстро нагнал человека и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я увидел, что он сильно побледнел.

– Кто вы такой? Что вам надо? – спросил он дрожащим голосом.

– Извините меня, – мягко сказал Холмс, – но я случайно слышал, какой вопрос вы задали этому торговцу. Я думаю, что могу быть вам полезен.

– Вы? Кто вы? Откуда вы могли узнать, что мне нужно?

– Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия – знать то, чего не знают другие.

– Но о том, что мне нужно, вы ничего не можете знать.

– Прошу прощения, но я знаю все. Вы пытаетесь разыскать следы гусей, проданных миссис Окшот с Брикстон-род торговцу по имени Брэкинридж, которых он продал мистеру Виндигету, владельцу «Альфы», а тот, в свою очередь, своему «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

– О сэръ, вы как раз тот самый человек, с которым я жаждал встретиться! – вскричал человек, протягивая дрожащие руки. – Я просто не могу выразить вам, как все это важно для меня!

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

– В таком случае, лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади, – сказал он. – Но прежде чем мы отправимся в путь, скажите мне, пожалуйста, кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

– Меня зовут Джон Робинсон, – сказал он, отводя глаза в сторону.

– Нет, нет, как ваше настоящее имя? – ласково сказал Холмс. – Всегда гораздо удобнее действовать под собственным именем.

Бледные щеки незнакомца загорелись румянцем.

– В таком случае, – сказал он, – мое настоящее имя Джеймс Райдер.

– Вот это правильно. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб, и вскоре я расскажу вам все, что вы пожелаете знать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на одного, то на другого из нас, и в глазах его надежда сменялась испугом. Видно было, что он не знал, ждет ли его беда или великое счастье. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы уже были в гостинной на Бейкер-стрит.

Дорогой не было произнесено ни единого слова. Но спутник наш так громко дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что и без слов было ясно, в каком нервном возбуждении находился он во время пути.

– Ну, вот мы и дома! – весело сказал Холмс. – Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетеное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займемся вашим делом. Ну вот! Вы хотите знать, что стало с теми гусями?

– Да, сэр.

– Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас ин-

тересовал лишь один из них – белый, с черной полоской на хвосте...

Райдер затрепетал от волнения.

– О сэр! – вскричал он. – Вы можете мне сказать, где находится этот гусь?

– Он здесь.

– Здесь?

– Да. И он оказался необыкновенным гусем. Неудивительно, что вы так заинтересовались им. После смерти он снес яйцо, красивое, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, у меня в музее.

Наш посетитель встал, шатаясь, и правой рукой уцепился за каминную доску. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным ярким переливчатым светом. Райпур стоял с искаженным лицом, не зная, требовать ли камень себе или отказаться от всяких прав на него.

– Игра проиграна, Райдер, – спокойно сказал Шерлок Холмс. – Держитесь крепче на ногах, не то вы упадете в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он еще недостаточно силен, чтобы хладнокровно мошенничать. Дайте ему глоток водки. Так. Теперь он немного похож на человека. Ну и жалкая же козявка!

Райдер зашатался и чуть не упал на пол, но водка вызвала на его щеки слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

– Я знаю почти все, и в моих руках почти все доказательства, поэтому вам немного придется добавить. Однако это немного вы должны рассказать нам сейчас же, чтобы в деле не было ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, об этом голубом карбункуле графини Моркар?

– Мне сказала о нем Катерин Кьюзек, – ответил тот дрожащим голосом.

– Знаю: горничная ее сиятельства. И искушение легкой

наживы оказалось слишком сильным для вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не стали разбираться в средствах. Мне кажется, Райдер, что из вас мог бы выйти неплохой негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже однажды уличен в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут от каминной решетки в комнате графини – вы и ваша сообщница Кьюзек – и устроили так, что именно Хорнера послали сделать необходимый ремонт. Когда Хорнер ушел, вы украли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был арестован. После этого...

Тут Райдер внезапно сполз на ковер и обеими руками обхватил колени моего друга.

– Ради бога, сжальтесь надо мной! – закричал он. – Подумайте о моем отце, о моей матери! Это убьет их! Я никогда не воровал! Никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на Библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради Христа, не доводите его до суда!

– Ступайте на место, – сурово сказал Холмс. – Хорошо вам теперь пресмыкаться и ползать! А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он неповинен?

– Я могу бежать, мистер Холмс! Я покину Англию, сэръ! Тогда обвинение против него отпадет...

– Гм! Мы еще потолкуем об этом. А пока послушаем правдивый рассказ о том, что случилось после воровства. Каким образом камень попал в гуся и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда – единственный путь к спасению.

Райдер провел языком по пересохшим губам.

– Я расскажу вам всю правду, – сказал он. – Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень, пока полиции не пришло в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы

спрятать камень. Я вышел, будто по служебному делу, и направился к дому моей сестры. Она замужем за неким Окшотом, живет на Брикстон-род и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу для рынка. Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный вечер, пот градом струился у меня по лицу, пока я не дошел до Брикстон-род. Сестра спросила меня, что случилось и почему я так бледен. Я ответил, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошел на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что предпринять.

У меня был приятель, по имени Модели, который сбился с пути и отбыл срок наказания в Пентонвильской тюрьме. Однажды мы встретились с ним, разговорились о ворах, и он рассказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килбурн и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться до него? Я вспомнил о тех терзаниях, которые я пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моем жилетном кармане. Я стоял прислонившись к стене, глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире...

Несколько недель назад сестра сказала мне, что к Рождеству я получу от нее отборнейшего гуся в подарок, а я знал, что она всегда держит слово. Я решил взять гуся сейчас же и в нем донести камень до Килбурна. Во дворе был какой-то сарай, и за этот сарай я загнал огромного, очень хорошего гуся, белого с полосатым хвостом. Я поймал его, открыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошел к нему в зоб. Но гусь бился и хлопал кры-

— Внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире... Я поймал гуся, открыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку.

лямями, и сестра вышла узнать, в чем дело. Когда я повернулся к ней, чтобы ответить, негодный гусь вырвался у меня из рук и смешался со стадом.

«Что ты сделал с птицей, Джеймс?» – спросила сестра.

«Да вот, – сказал я, – ты говорила, что подаришь мне гуся к Рождеству, и я пробовал, который из них пожирнее».

«О, – сказала она, – мы уже отобрали для тебя гуся. Мы так я называем его: «гусь Джеймса». Вон тот, большой, весь белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один для тебя, один для нас, а две дюжины – на продажу».

«Спасибо, Мэгги, – сказал я. – Но если тебе все равно, дай мне того, которого я только что держал в руках».

«Твой тяжелее этого по крайней мере фунта на три, и мы откармливали его специально для тебя».

«Это ничего не значит. Я хочу именно этого и хочу сейчас же взять его с собой».

«Твое дело, – сказала сестра немного обиженно. – Какого же хотел бы ты взять?»

«Вон того белого, с черной полоской на хвосте... Вон он, в середине стада».

«Пожалуйста. Режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, и понес птицу в Килбурн. Я рассказал своему приятелю обо всем – он из тех людей, кому легко рассказывать подобные вещи. Он хохотал до упаду, а потом мы взяли нож и разрезали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что камня здесь нет и что произошла страшная ошибка. Я оставил гуся, пустился бегом к сестре и влетел к ней на задний двор. Во дворе гусей не было.

«Где гуси, Мэгги?» – крикнул я.

«Отправлены торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брэкинриджу, на Ковент-Гарден».

«А был среди гусей еще один с полосатым хвостом –

такой же, как и тот, которого я только что зарезал?» – спросил я.

«Да, Джеймс, было два гуся с полосатыми хвостами, и я всегда путала их».

Тут, конечно, я понял все и со всех ног помчался к этому Брэкинриджу. Но он уже распродал всех гусей и ни за что не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как грубо он мне отвечал. Сестра моя думает, что я сошел с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот... и вот я – презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богатству, ради которого погубил свою жизнь. Боже, помоги мне! Боже, помоги!

Он судорожно зарыдал, закрыв лицо руками. Наступило долгое молчание, прерываемое лишь тяжелыми вздохами Райдера да мерным постукиванием пальцев моего друга по краю стола. Вдруг Шерлок Холмс встал и распахнул настежь парадную дверь.

– Убирайтесь! – проговорил он.

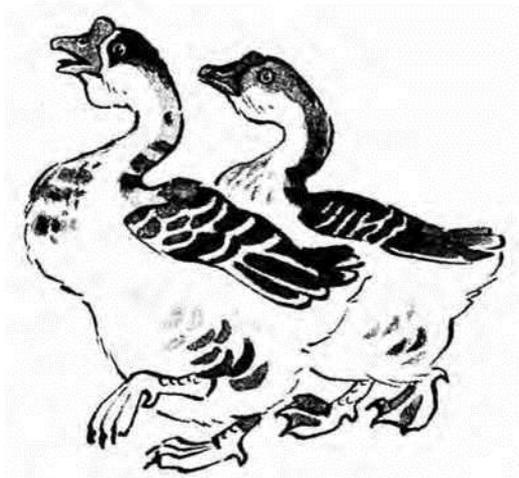
– Как, сэръ?.. О, да благословит вас небо!

– Ни слова! Убирайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестнице загрохотали стремительные шаги, внизу хлопнула дверь, и с улицы донесся быстрый топот.

– В конце концов, Уотсон, – сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке, – я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи нашей полиции. Если бы Хорнеру грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и дело заглохнет. Возможно, я делаюсь укрывателем мошенника, но, вернее, я спасаю человека от окончательной гибели. С этим молодцом подобных случаев уже не повторится – он слишком напуган. Жизнь столкнула нас со странной и забавной загадкой! Разрешение этой загадки – само по себе награда. Если

вы будете любезны дернуть звонок, мы займемся новым «исследованием», в котором главную роль будет играть опять-таки птица: не забудьте, что к обеду у нас куропатка.

СОДЕРЖАНИЕ

Пестрая лента

(Перевод М. и Н. Чуковских)

Шесть Наполеонов

(Перевод М. и Н. Чуковских)

Серебряный

(Перевод Ю. Жуковой)

Горбун

(Перевод Д. Жукова)

Последнее дело Холмса

(Перевод Д. Лившиц)

Пустой дом

(Перевод Д. Лившиц)

Голубой карбункул

(Перевод М. и П. Чуковских)

Серия «Школьная библиотека»

Артур Конан Дойл

РАССКАЗЫ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Для среднего и старшего школьного возраста

Художник

Подвилова Ольга Васильевна

Главный редактор А. Алир
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка И.Я.Николаенко
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск Л.Г.Ким

Подписано в печать 25.08.2014.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 11.
Гарнитура «Ньютон».
Тираж 20 000 экз. Заказ № 1326.

Издательство «Самовар»
125047, Москва, а/я 132.
ООО «Самовар-книги»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»
(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.
Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51.

- © Ю.И.Жукова, перевод.
- © Д.А.Жуков, перевод.
- © Н. и М.Чуковские, перевод, наследники.
- © Д.Г.Лившиц, перевод, наследники.
- © О.В.Подвилова, иллюстрации.
- © ООО «Самовар-книги», составление,
серийное оформление.

ЕАС

Артикул К-ШБ-60
ISBN 978-5-9781-0684-8

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Ольга Подвилова

9 785978 106848